



Катерина Савицкая

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН  
БОГИНИ ЛЮБВИ?

*Julia*

Кто сказал, что быть богиней любви в чужом мире просто? Нисколечко!

Только немного наладила работу, изъяла у купидонов нелегальные стрелы и разобрала завал в архиве, как оказалась вне закона и вынуждена скрываться от Верховного бога.

Но я так просто не сдамся, не дождетесь! Буду бороться за свое до последнего! Вернусь, смогу привести Канцелярию Любви в порядок...

И разберусь в собственных делах сердечных.

Ведь, кажется, я влюбилась в бога смерти...

---

**Служебный роман для богини любви 2 — Катерина  
Заблоцкая**

# Глава первая

Все вокруг стихло. Не звенели стрелы, не было слышно воинственных криков Матильды. Себастьян выпустил меня из кольца своих рук, будто понимая то, что осознать я сама была не способна, и я рванулась вперед, к брату.

— Ты ему не поможешь! — только и успел выкрикнуть Себастьян, но я и так уже это понимала.

Рене пожертвовал собой. Его и Верховную пронизывали насквозь острые, смертоносные стрелы. Эти последние объятия, в которые он заключил Матильду, стали для неё приговором. Ведь стрелы, выбирая кратчайший путь, пронзили её насквозь, прошивая и Рене. На его рубашке расцветали кровавые розы, а сам он стоял, как будто ещё не до конца понимая, что произошло.

— Прости, — прошептал он на ухо живой ещё Матильде. — Я как черная метка.

— Оно того стоило, — она с трудом растянула губы в улыбке. — Такие, как ты, встречаются один на миллион... Мне жаль, Рене.

Она потянулась к нему, будто и не было стрел, сшивающих их между собой, и поцеловала, отдавая свои последние жизненные силы. Крепко обнимала его, игнорируя жуткую боль от ран. Рене, как будто прощаясь с жизнью, ответил на поцелуй.

Я рванулась к ним, но Себастьян крепко держал меня. Слишком крепко, чтобы я хоть попыталась помочь.

— Эдита, — услышала я его шепот. — Эдита, прошу тебя! Ты не сможешь его спасти! Даже царапина, полученная этой стрелой, смертельна!

— Но он ещё жив!

— Потому что его держит бессмертная! — Себастьян рывком притянул меня к себе. — Отвернись, прошу тебя. Эдита...

Я не могла.

...Из ран Матильды текла не кровь. Она не выдергивала стрелы, будто боялась потерять ту последнюю связь с Рене. Нам надо было бежать, пока она ещё не восстановилась, я понимала это, но не могла сойти с места. Наблюдала, как замороженная, за тем, как растворяются в воздухе стрелы.

А потом Матильду и Рене окутало золотое свечение. На них было больно смотреть, и я невольно зажмурилась. Перед глазами все плыло от неконтролируемых слез. Мой брат, человек, который был ко мне достаточно добр, чтобы простить даже этот обмен между мирами, умер ради нас с Себастьяном. Умер, бросившись наперерез стрелам, и принял смерть от руки той, которую действительно любил.

Любила ли она его?

— Святые небеса, — выдохнул Себастьян.

Рене и Матильду окутало золотое свечение. Стрел больше не было, и заколдованные лучники смотрели на свою Верховную, не решаясь повторить залп без приказа.

Подул ветер, и я увидела, как рассыпаются золотом волосы Матильды.

...Я видела такое на картинках. Истинные боги, такие, как Матильда, не погибали подобно людям. Для них не существовало посмертья. Они рассыпались золотым песком, отдавая свою силу следующему избранному, обязанному занять их место.

И теперь Матильда умирала.

Я была уверена в том, что даже заколдованные стрелы не могли причинить ей ни малейшего вреда. Но она осыпалась в руках Рене золотым песком, а он пошатнулся и рухнул на колени, истекая кровью. Но не упал, только склонил голову пред своей богиней... Пред любимой женщиной, пытавшейся отобрать и его, и наши жизни, а сейчас...

Последним упал кулон с песочными часами, который всегда носила Матильда. Вихрь золотого песка окутал Рене, и я с трудом могла рассмотреть его в этом вихре. Плечи Рене подрагивали, магия била его, будто нанесенных стрелами ран было мало...

Золотого песка с каждым ударом становилось все меньше и меньше. Вокруг Рене всё сияло, и он запрокинул голову назад, будто впитывая в себя колдовство Матильды. От неё не осталось уже и следа, а Рене...

На его рубашке всё ещё цвели вытканые кровью розы. Но он сам, казалось, не чувствовал боли от ран, а медленно поднялся на ноги.

Рене был всё так же божественно красив. Сверкали синевой его глаза, подрагивали, будто выбирая между гримасой и улыбкой, губы. Он расправил плечи и смотрел вперед.

На шее у мужчины сверкал кулон Верховной.

Или теперь уже Верховного.

Черты его лица ещё больше заострились, и теперь казалось, будто Рене какой-то... Ненастоящий. Что он не с нами. В его глазах появилось нечто потустороннее, то, что пыталось появиться во взгляде уже много дней подряд, но никак не могло прорваться сквозь привычное выражение.

Лучники опустили оружие и опустились на одно колено, отдавая присягу своему новому Верховному. Рене оглянулся на них, и его губы тронула такая знакомая, родная мне улыбка.

Люди, которые так улыбаются, точно не умирают.

— Она спасла его? — выдохнула я.

— Нет, — покачал головой Себастьян. — Она прокляла его своим бессмертием.

Он не договорил, но я и так всё поняла. Потому что у Рене теперь не было иного выбора, кроме как уничтожить нас.

— Бежим! — выдохнул Себастьян, как будто наконец-то приходя в себя. — Скорее, Эдита.

— Но...

— Он больше не твой брат. Он Верховный. И его долг — уничтожить тебя. Эдита, бежим, — Себастьян потянул меня за руку. — Скорее!

Рене растерянно оглянулся. Он вскинул руку, и вокруг его пальцев образовался золотистый ореол. Он потянулся к груди и застыл. Теперь кулон в виде песочных часов висел уже на его шее. Рене стал новым Верховным, новым Хранителем Времени, но еще толком не понимал, что с ним произошло. Длинные, тонкие пальцы скользнули по поверхности кулона, очерчивая его форму, и Рене вздрогнул.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Его рука, словно принадлежащая не самому Рене, а какому-то другому человеку, спустилась вниз, к груди, там, где должны были остаться раны от стрел. Сами стрелы превратились в золотой песок, такой же, как и Матильда.

— Приказывайте, Верховный, — проронил один из Истинных. — Убить их?

— Бежим!

Последнее восклицание принадлежало уже Себастьяну. Он рванул меня за собой, увлекая к своей повозке.

— Эдита, прежде чем он пришел в себя!

Мне очень хотелось сейчас броситься к Рене, обнять его, все ему объяснить. Но я не знала, был ли это тот самый человек, бог красоты и искусств, что так удивлял меня собственной мудростью последние несколько недель...

Или вместо него оказался чужой жестокий бог. Верховный, способный лишить жизни ни в чем не повинных людей.

Ведь теперь он — само Время. Хранит его. И должен держать весь мир в балансе.

Я не услышала, что Рене сказал Истинным. Одна из стрел взмыла в воздух за мгновение до того, как мы с Себастьяном все-таки заскочили в повозку, и бог смерти выкрикнул какую-то магическую формулу.

Стены и крыша поднялись куда быстрее, чем обычно. Себастьян швырнул меня на пол и накрыл собой, защищая от стрелы.

Она впилась в стену, будто прогрызая в ней дыру. И в ту же секунду мертвые лошади оттолкнулись от земли, и повозка взмыла в небеса.

— Куда мы летим? — выдохнула я, всем телом прижимаясь к Себастьяну. — Себ! Что тут вообще происходит?

— Черт его знает, — прошипел мужчина. — Но кони не остановятся. Они мертвые. А стрелы властны только над живым.

Стрела внезапно остановилась, словно посчитала и повозку достаточно мертвой, и стала осыпаться золотым песком. Себастьян поднялся, устраиваясь на сидении, и потянул меня к себе.

— Куда мы летим? — спросила я.

— Куда коней несут ноги. Им лучше знать.

— А почему стрела рассыпалась?

— Я не знаю, — покачал головой Себастьян. — Хранители Времени уже сменялись, понимаешь? Матильда ведь не первая. Когда погиб ее предшественник, она подобрала кулон с песочными часами и, как самая сильная из Истинных, возглавила их, — он сжал мою ладонь, пытаясь таким образом немного успокоить. — Я ума не приложу, почему так произошло в этот раз...

— Потому что Рене выбрало само Время.

— Вероятно, ты права, — согласился он. — И Время посчитало Матильду недостойной. Хотя эти стрелы не должны причинять истинным никакого вреда.

Я смотрела на дыру в стене повозки и на золотистый песок, оставшийся на сидении напротив, и боялась к ним прикоснуться.

— Что с ней произошло? Почему она рассыпалась?

Я не была уверена, что задаю вопросы относительно стрелы, а не относительно Матильды.

— Возможно, мы отлетели достаточно далеко, чтобы магия потеряла свою силу.

— Или Рене отозвал ее.

— Это вряд ли, — тихо ответил Себастьян. — Ты же понимаешь, он должен следить за балансом. А значит, отправить тебя обратно.

Мне хотелось плакать. Я с ногами забралась за сидение и уткнулась носом в шею мужчине. Он крепко обнял меня за плечи, прижимая к себе, и нежно поцеловал в висок.

— Все будет хорошо, — пообещал он. — Ты только не бойся. Мы вместе со всем справимся.

— Да, но мы сейчас даже не знаем, куда летим! — воскликнула я. — Уж не говоря о том, чтобы там скрыться! И так долго... Мне кажется, весь город можно было перелететь за это время.

— Ты права, — согласился Себастьян. — Однако, есть у меня подозрения относительно того, куда несет лошадей...

— И куда же.

— В самое страшное, но в тот же момент самое безопасное место во всей стране. Туда не ткнулась бы даже Матильда, — усмехнулся мужчина. — В резиденцию бога смерти.

Не знаю, почему, но прозвучало это страшно.

— Я надеюсь, — прошептала я, — под богом смерти имеешь в виду ты, а не какой-нибудь совершенно непонятный мне мужчина, умерший тысячу лет назад, состоящий из излишне крепких костей и способный дышать пламенем?

— Да, — согласился Себастьян, — под богом смерти имею в виду я. Так что можешь не волноваться. Думаю, там нам ничто не причинит вреда...

Я почему-то сомневалась в правдивости этого высказывания, но, разумеется, не решилась спорить. В доме богини любви я не чувствовала себя полноценной хозяйкой, наверное, потому, что сама не свыклась толком с этой ролью, но Себастьян-то прекрасно понимал, куда едет.

— Помнится, ты говорил, что не был там.

— Один раз и недолго, — кивнул Себастьян. — Дом был, в принципе, настроен достаточно дружелюбно. Не считая некоторых нюансов, исходящих из его, так сказать, мертвой природы. В общем-то, там можно достаточно неплохо жить... Я надеюсь.

— Но умирать точно будет забавно, — язвительно прокомментировала я.

Себастьян рассмеялся. Кажется, он уже окончательно успокоился, а теперь пытался сделать все возможное, чтобы успокоить и меня.

— Никто не даст тебе умереть, Эдита. Я сумею тебя защитить. Даже если мне придется для этого сражаться со всеми Истинными вместе взятыми. И с Рене тоже.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты с кем-то сражался, — возразила я. — И я не хочу, чтобы кто-нибудь — а тем более, ты, — пострадал! Единственное, чего я желаю, это чтобы все наконец-то наладилось... Я ведь не сделала ничего плохого. Наоборот. Но мне все равно не оставляют шансов выжить. Этот мир жесток, но, наверное, в какой-то мере справедлив.

— Убивать тебя несправедливо. Ни в одном из миров.

— Было б странно, если б сейчас я начала с тобой спорить, правда?

— Именно.

Мы на несколько минут затихли. Кони все еще мчались по воздуху, и я в очередной раз задалась вопросом, насколько же далеко была размещена резиденция бога смерти, если до нее предлагалось столько времени добираться. Но я велела себе расслабиться и полностью довериться Себастьяну. Разве он когда-либо меня подводил? Нет.

В полумраке кареты я устроилась поудобнее в его объятиях, опустила голову на плечо и закрыла глаза. Себастьян одной рукой придерживал меня за талию, другую опустил на бедро, и мне нравилось наслаждаться его предельной близостью.

Повозкой тряхнуло с такой силой, что я едва не свалилась с рук мужчины. Но Себастьян прижал меня к себе еще крепче и замер, не решаясь коснуться моих губ.

В этот раз я поцеловала его первой. Мужчина, не медля, ответил, скользя ладонями по моей спине. Его руки нырнули под мою блузку, и я охнула, наслаждаясь его жаром.

Мы немного сменили положение. Теперь Себастьян нависал надо мной, вжимал меня в сидение повозки. В полумраке трудно было разглядеть друг друга, но зато я чувствовала его жар, слышала биение его сердца и отчетливо понимала, что хочу принадлежать этому мужчине. И только ему.

— Я люблю тебя, — прошептал мне в губы Себастьян.

— Я тоже тебя люблю.

Признание сорвалось с моих уст так внезапно, что я сама затихла, боясь нарушить воцарившуюся тишину. Мы смотрели друг на друга, и даже темнота не могла этому помешать.

Мои слова прозвучали не только очень неожиданно, а еще и очень искренне. Я не ожидала, что действительно буду признаваться Себастьяну в любви, так открыто и так правдиво, хотя знакомы мы были не так уж долго. Но это была именно любовь. Уже не симпатия, не простой интерес, не влюбленность, а настоящая, чистая, неподдельная любовь.

— Значит, нас ничто не разлучит, — прошептал Себастьян. — Совсем недавно я даже не мечтал о взаимности. Ты была далекой звездой на чужих небесах, а я видел тут только твоего двойника, твою жалкую тень. А теперь ты здесь, со мной. И говоришь, что любишь меня.

— Ты — лучшее, что я встретила в этом мире, — признала я. — И ради этих чувств стоило, наверное, даже рисковать жизнью.

Себастьян склонился ко мне, собираясь поцеловать еще раз, но не успел. Повозка резко помчалась вниз. Нас отчаянно трясло, и я едва не закричала, вцепившись в Себастьяна. Кони мчали на огромной скорости — а потом вдруг резко остановились.

Двери повозки распахнулись настежь.

— Господин бог смерти, рады приветствовать вас в наших угодьях! — раздался скрипучий голос.

Я повернула голову на звук...

И истошно завопила.

## Глава вторая

На нас смотрел скелет. Самый настоящий, давно облезший, белый, аки снег, скелет. В руке он держал симпатичный такой букетик бархатцев, в моей голове ассоциировавшихся исключительно с могилами, а сам приветливо клацал челюстью.

Так приветливо, словно мы — самое желанное блюдо в самом дорогом ресторане.

Я забила в самый угол кареты. Скелет протянул свободную руку, бодренько потряс ладонь Себастьяна, потом повернулся ко мне и совершил попытку вручить бархатцы. Я не взяла, только взвизгнула и отодвинулась еще дальше.

— Господин бог смерти, — уточнил скелет, — вы изволили привести сюда жертву? Или новую работницу? Позвольте уточнить, к какому виду относится юная леди? Умертвие, зомби, оживленка или...

— Живая я!

— Живая? — опасливо уточнил скелет. — Господин...

— Меня зовут Себастьян, — представился бог смерти. — А это Эдита. Она живая. И она — моя любимая женщина.

Скелет почесал затылок. Кажется, расстроился.

— А пополнения штата не будет? Мы же посылали вам запросы... Вы вот не реагировали, не реагировали, мы уж и не ждали, запустили дом, а тут вот вы, с проверкой!

— Ты переписывался со скелетами? — уточнила я опасливо у Себастьяна.

— Какое там переписывался, барышня! — возмутился скелет. — Он нас самым наглым образом игнорировал! Мы посылали ему письма, и ни ответа, ни привета! Я двадцать три года пытался до него достучаться, а...

Себастьян откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Потом открыл, потер их, очевидно, чтобы убедиться, что это не глюк.

— Ты тоже его видишь? — уточнил он у меня.

— Нет, что ты! Я ж визжала только потому, что увидела странную тень от дерева снаружи, — хмыкнула я. — Конечно, вижу! Он разговаривает! Он цветы эти нам впихнул!

Скелет, пользуясь тем, что мы отвлеклись, действительно всунул букет бархатцев в дыру, оставшуюся от стрелы. Теперь они торчали внутри повозки, как свидетельство нашей потенциальной гибели. Я вздрогнула и повернулась к Себастьяну.

— Может быть, — уточнила я, — мы все-таки выберем какое-то другое убежище? Где не так много скелетов, говорящих мертвецов и всего прочего?

— Они безопасны, — не очень убедительно промолвил Себастьян.

— И тут вас никто не найдет! — пообещал скелет.

— Почему? Потому что нас убьют? — хмыкнула я.

Кажется, скелет обиделся.

— Мы не обижаем бога смерти и его спутников, — возразил он. — Мы послушные работники. Но здесь очень сильная энергетика смерти, так что на картах дом не видно. И, — кажется, скелет совершил попытку улыбнуться, но, разумеется, не смог этого сделать, — что самое главное, местные жители сюда тоже не полезут! Ведь они считают, что тут опасное заброшенное кладбище!

— А тут на самом деле?... — уточнила я.

— Дом бога смерти посреди опасного заброшенного кладбища.

Если б я не сорвала голос, визжа при виде скелета, то сейчас бы издала полный досады стон. Но нет, я смогла выдать только тихий хрип, а теперь обреченно уставилась на скелет. Себастьян, кажется, уже и сам был не очень рад, что выбрал именно такое место для жизни.

— Ну, думаю, у нас все равно нет выбора, — обратился он ко мне. — Потому предлагаю попробовать здесь обжиться.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — опасливо уточнила я.

— Конечно!

Не сказать, что я была с ним согласна, но никакого другого выбора я не видела. Себастьян же выскочил из кареты, осмотрелся и повернулся ко мне:

— Ну, тут нет ничего такого кошмарного. Можешь выйти. И ничего не бойся! Я, разумеется, буду рядом с тобой.

Я вздохнула.

— Точно?

— Точно-точно!

Решившись, я приняла руку Себастьяна и выбралась из повозки. Конечно, внутри было безопаснее, но, возможно, обманчиво безопаснее.

Первым, что я увидела, был дом. Вполне такой приличный, ухоженный, примерно такого размера, как дом богини любви.

И все б ничего.

Если б после дома я не увидела штат прислуги.

— Ничего кошмарного, говоришь? — уточнила я у Себастьяна. — А вот это вот все не входит в список кошмарного?

— Ну, они тут работают, — пожал плечами Себастьян.

— Это что ж происходит в этом доме, что в нем работает почти все кладбище, и они еще слали запросы на пополнение штата?!

Мертвецов тут был целый отряд. Причем отряд, мягко говоря, немаленький. Скелеты, зомби, два или три призрака в цепях, сиротливо покачивающиеся в самом углу шеренги, а еще — нечто очень странное и, кажется, сборное, не похожее ни на человека, ни на животное. Благо, это странное было скелетом, и полюбоваться на него, скажем так, «в мясе» не было возможности.

У двери огромного дома — наверное, в несколько раз больше, чем дом богини любви, — топтался швейцар. Правда, вместо какого-нибудь красивого красного костюма он был облачен в бинты, да и выглядел, мягко говоря, не очень, сверкая пустыми глазницами, но зато поклонился с галантностью, которой бы позавидовал кто угодно.

Кажется, поражен был даже сам Себастьян. Он внимательным взглядом окинул всех присутствующих, а потом осторожно уточнил у них:

— И вы утверждаете, что каким-то образом пытались со мной связаться?

— Ну, разумеется! — кивнул тот самый болтливый скелет, решивший «порадовать» меня бархатцами, что до сих пор грустно торчали из дыры в повозке. — Мы писали письма. Обращались к вам. Но почему-то письма упорно игнорировались... Все двадцать три года!..

— Очевидно, — отметил Себастьян, — винить стоит не только меня. Потому что должность бога смерти я занимаю не более семи лет. И никакие письма не получал.

Шеренга скелетов, живых мертвецов и привидений задергалась.

— Вы в этом уверены? — уточнил скелет. — Вы точно не работали двадцать три года назад в Канцелярии?

— Двадцать три года назад я был еще мальчиком и только-только ходил в начальную школу, — Себастьян скрестил руки на груди. — Вы считаете, что это хорошо сочетается с трудами на должности бога Смерти?

— Но мы совершенно уверены, что связывались именно с вами. У нас есть ясновидящая! — скелет ткнул костлявым пальцем в своего собрата. Очевидно, это была женщина — по крайней мере, на то указывала пышная шляпа и платье, которые она на меня натянула. — И она сообщила нам, что наш бог смерти Себастьян... Себастьян же?

Оставалось только кивнуть.

— Проживающий вот по этому адресу... — скелет протянул нам с Себастьяном потрепанную, старую бумажку. Мы склонились над ней, всматриваясь в незнакомый адрес.

Ну, по крайней мере, мне незнакомый.

— Мы и подарки слали, — продолжил скелет, не замечая, как помрачнел Себастьян. — Презенты! Между прочим, даже отловили редкого вида крысу, большую такую, чтобы сделать достойное чучело! Она так-то вредительница, но должна была украсить дом. Мы думали, там новая резиденция смерти, и просили вас хотя бы пригласить нас посмотреть.

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Боюсь, — мрачно промолвил он, — это не резиденция бога смерти. Это дом богини любви. И впервые я там оказался несколько недель назад вместе с Эдитой, новой хозяйкой дома, — Себастьян кивнул на меня. — Так что ваша ясновидящая промахнулась.

Дама-скелет ощутимо смутилась. По крайней мере, опустила голову, кокетливо надвинув шляпку на выбеленный солнцем костлявый лоб, и принялась водить ножкой по земле, вырисовывая какие-то круги.

Наш собеседник повернулся к ней, сердито сопя.

— То есть, — прорычал он, — ты промахнулась на двадцать три года! Двадцать три года!.. И отправляла послания богине любви!.. Святые небеса, мы отправили богине любви чучело редкой крысы!.. И теперь даже не знаем, что с ним...

— Если что, оно сгорело, — протянул Себастьян. — Надеюсь, эта новость не очень сильно вас расстроит.

— Кто посмел?! — взревел скелет.

— Я.

— Вы?! — возопил он, глядя на свое прямое начальство. — Ну, господин бог смерти, вы, конечно, можете... Вам наверняка лучше знать. Я... Мы... — он замялся. — При всем глубочайшем уважении... Даже подумать не мог...

Себастьян коротким взмахом руки прервал словесные излияния скелета.

— Хорошо, — вздохнул он. — Мы выяснили, кто именно отправлял чучела, разобрались с тем, почему я не отвечал на письма — наверное, они тоже сгорели, мы же не стали перебирать все... Но теперь хотелось бы узнать, можем ли мы поселиться на некоторое время... Возможно, на достаточно длительный срок здесь.

— Ну конечно! — воскликнул скелет. — Конечно, вы можете! Это же ваш дом! Вы имеете полное право распоряжаться им так, как вам будет угодно! И нами! Даже если вы пожелаете лишить нас головы, мы готовы!..

Скелет даже попытался открутить собственную черепушку от шеи.

— Не надо! Не надо голову с плеч, — остановил его Себастьян. — Меня в вас и так все устраивает. Просто проводите нас с Эдитой в дом, покажите, что тут и как...

— И, возможно, вы останетесь?! — с надеждой выдохнул скелет.

— Да, — утвердительно кивнул Себастьян. — Возможно, останемся.

Можно подумать, у нас был другой выход.

Только-только услышав о том, что их начальник, возможно, не откажется немного пожить здесь, как пришли в просто-таки неопишуемый восторг. Если честно, меня это поражало. Казалось бы, мертвые — не те, от кого ждешь радушия или верности по отношению к хозяину, но они смотрели на Себастьяна так, словно он, вершитель их судеб, подарил им незабвенную радость.

Мои купидоны на меня глядели с такими кислыми минами, словно я принесла им дополнительную головную боль и очередную дозу проблем на голову. Ни о каком радушии, счастье от встречи и прочем даже заикаться не стоило.

— Пойдемте скорее! — решительно заявил скелет. — Мы старались поддерживать дом в идеальном состоянии все эти годы!

Швейцар-мумия низко поклонился и открыл перед нами двери в дом. Мы взошли по крыльцу, выглядевшему достаточно мрачно и, если честно, пугающе — по крайней мере, скелетистый декор на нем не радовал, — и наконец-то оказались внутри, в большом холле.

И я, если честно, потеряла дар речи от одного взгляда на все это великолепие.

Внутри было чисто. Нет, не так — тут было все отдраено до блеска, приведено в попросту идеальное состояние. Я никогда в жизни не видела настолько чистый дом. Даже моя магия не могла такое сотворить, а она делала много чудесного, между прочим.

— Поразительно, — прошептала я.

— Вам не нравится? — испуганно уточнил скелет.

— Очень нравится! — заверил его Себастьян. — Но в это вложено столько труда...

— Мы старались, — довольно сообщил наш собеседник, гремя костями. — Поскольку интерьер дома был несколько... устаревшим, да и вообще, все требовало немедленного ремонта, мы закупили новые материалы!..

— Закупили? — уточнила я. — За какие ж деньги вы это сделали?

— Ну, — скелет смущенно водил ногой по мраморному полу. — У нас был небольшой подъемный фонд... К тому же, рядом росло много очень полезных растений. Мы занимались рукоделием, потом продавали это на рынке.

— Мы продавали! — сделала шаг вперед парочка зомби. Издалека их довольно трудно было отличить от живых людей, разве что взгляд немного выдавал неладное. — Надевали очки и шли на рынок. Сначала на местный, маленький, потом на оптовый...

— Я в шоке, — честно промолвила я. — Мои купидоны, между прочим, вполне живые, не могли вынести три книжки на свалку, стереть пыль со стола. А тут такая преданность!..

— Может быть, — уточнил Себастьян, — вы хотите какую-нибудь награду?

— Ну что вы! — заявил с готовностью скелет. — Для нас лучшая награда — это ваша похвала! И разрешение, — он скромно отвел взгляд, точнее, повернул черепушку, и теперь пустые глазницы смотрели в сторону, — пожить еще немножко. Мы очень не хотим умирать!.. А для этого надо немножечко пополнить энергией смерти чашу в лаборатории. Но это для бога смерти не должно составить проблем! Конечно, если вы пожелаете, мы можем самоустранимся...

Но Себастьян, кажется, был настроен решительно.

— Не надо самоустраняться, — твердо заявил он. — Я сейчас же посмотрю, что можно сделать...

— Вы наверняка устали с дороги, — запротестовал скелет. — И мы проверяли, запаса

там еще на несколько месяцев. Так что, возможно, вы отдохнете, а потом будете заниматься нашими проблемами? Да? Спасибо огромное, господин бог смерти!

И они вновь все дружно поклонились.

— Разрешите проводить вас в ваши покои? — уточнил скелет.

Мы с Себастьяном только и смогли, что кивнуть.

— Замечательно! — расплылся он в довольной улыбке. — В таком случае, пойдете, пойдете. Не будем задерживаться... Дамы, принесите господину богу смерти и его спутнице чего-нибудь поесть, да повкуснее.

Судя по всему, не только я, но и сам Себастьян не ждал, что прием будет настолько радушным. Нам оставалось только последовать за скелетом, пока он водил нас по идеально вычищенным и замечательно отремонтированным коридорам, а потом зайти в спальню.

Да, в отличие от дома богини любви, тут тоже было чисто, просторно и совершенно не загроужено мебелью. Конечно, немного пугала мрачность интерьера, но в целом мне даже нравился контраст черного и серого. Что поделать, трудно ожидать, что спальня бога смерти будет разукрашена во все цвета радуги. Да что там! Уже то убранство, которое нам предлагали, приятно шокировало и заставило меня зауважать этих скелетов.

Когда... Если мне удастся все-таки вернуться к своим профессиональным обязанностям, я буду подходить к работе купидонов с удвоенной строгостью. Потому что то, как они себя ведут, совершенно не вписывалось ни в какие рамки.

— Оставлю вас наедине, — проронил скелет и, прежде чем Себастьян успел его остановить, выскочил за дверь. Мы остались в одной комнате.

— Наверное, — промолвил Себастьян, — тебе нужна отдельная спальня...

Он отвел взгляд, явно не желая меня смущать. Я почувствовала, как стремительно краснеют мои щеки, и улыбнулась.

— Думаю, мы на этой кровати вполне поместимся и вдвоем. Раз уж нам хватило места в твоей повозке.

Себастьян повернулся ко мне и взял за руку, явно собираясь что-то сказать. Задержал дыхание на несколько секунд, а потом вдруг выдохнул:

— Выходи за меня замуж.

## Глава третья

Я замерла. Предложение прозвучало не просто неожиданно — можно было сказать, что оно свалилось, как снег на голову. Я смотрела на Себастьяна широко распахнутыми от удивления глазами и понятия не имела, как правильно будет ответить.

Весь мой опыт общения с мужчинами заключался в том, что Митя, мой паскудный прошлый жених, пытался завоевать право прописаться в моей квартире. Желание это было настолько сильно, что он был готов жениться на мне, завести общих детей, а потом меня с этими же общими детьми выставить за дверь и наслаждаться квадратными метрами.

Не знаю, благодаря какому чуду мы не дошли ни до свадьбы, ни до детей, ни до процесса их создания, но мужчинам я как-то подсознательно не доверяла. Вот только Себастьян был иным. И он оставался рядом со мной, вопреки тому, что я не только не решала его проблемы, а еще и подкидывала дополнительные. Он был именно тем мужчиной, рядом с которым хотелось пройти плечом к плечу.

Я боялась другого. Не стану ли я для него обузой?

— Себастьян, — я протянула руку и погладила его по щеке. — Я... Очень хочу стать твоей женой. Но я теперь изгнанница. На меня будут охотиться. Ты уверен, что хочешь испортить всю свою жизнь?

— Я испорчу всю свою жизнь, — твердо промолвил Себастьян, — если вдруг оставлю тебя. А если ты станешь моей женой, то сделаешь меня самым счастливым мужчиной на свете. Что ж до изгнания... Какими б ни были законы, Матильда их нарушала. И я надеюсь, что Рене хватит смелости пойти на нарушение, чтобы спасти тебя. А в противном случае, мы все равно уже в одной связке. И я нисколько об этом не жалею. Но, — Себастьян серьезно взглянул на меня, — я хочу, чтобы ты помнила: это ни к чему тебя не обязывает. Да, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но хочу, чтобы согласилась только в том случае, если испытываешь ко мне чувства. Не из благодарности. Потому что когда все наладится, — я б тут скорее использовала слово «если», но перебивать Себастьяна было, мягко говоря, неэтично, — ты проклянешь меня, если вдруг выйдешь за меня не по собственной воле, а потому, что решила, будто это будет правильно.

Мы стояли вплотную друг к другу и смотрели в глаза. Себастьян был искренен, и мне хотелось доказать ему, что каждое мое слово тоже правдиво.

— Я тоже тебя люблю, — тихо промолвила я. — И я хочу быть твоей женой. Вне зависимости от того, будем мы в изгнании или на свободе. Но на свободе, конечно, лучше.

— Значит, да?

— Да.

Себастьян на мгновение замер, будто не верил своим ушам, а после сгреб меня в охапку и впился в губы страстным поцелуем. Я закрыла глаза и ответила на прикосновение его губ, настолько пылко, насколько вообще умела. Мои пальцы путались в его волосах, я чувствовала, как руки Себастьяна скользили по моей спине и забрались даже под кофту, и...

— Господин бог смерти, отведать ужин желаете?!

Мы с Себастьяном отскочили друг от друга, как два школьника, которых застали за гаражами за совершением всяких неправомерных действий. Я почувствовала, как стремительно краснею. Мужчина, к счастью, настолько смущенным не выглядел.

— Послушай... Как тебя вообще зовут? — поинтересовался он у скелета.

— Томас к вашим услугам, господин бог смерти.

— Послушай, Томас... Я, конечно, очень благодарен за заботу, — с трудом сдерживаясь гнев, промолвил Себастьян, — и за то, что ты собираешься накормить меня и мою будущую жену, — последнее он подчеркнул голосом, словно намекая, что я тут тоже что-то значу, и вообще, меня здесь принято слушаться не меньше, чем самого Себастьяна, — но я искренне надеюсь на то, что в будущем ты все-таки обзаведешься полезной привычкой стучать в дверь, прежде чем войти.

Скелет смутился.

— Ой, господин бог смерти, — пробормотал он. — Прошу прощения! Понимаете ли, мы мертвы, потому определенные физиологические про... Я хотел сказать, определенные аспекты отношений для нас уже несколько забыты, и мы не учли, что можем застать вас го... — он опять запнулся. — Можем нарушить ваше уединение в самый неподходящий момент. Мне стоит уйти?

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Останься, — разрешила я. — Если честно, я очень голодна.

— Да, — кивнул Себастьян. — Поужинать сейчас — замечательная идея. А потом, если никто не против, я бы все-таки взглянул на конструкцию, дающую вам жизненную энергию.

Хотя Томас в силу своей скелетистой анатомии и не мог улыбаться, эта новость его явно обрадовала. Он поставил поднос с ароматно пахнущим ужином на небольшой столик, придвинул к нему два удобных кресла и жестом предложил нам с Себастьяном занимать места.

Мы сели друг напротив друга и принялись за еду. Было невероятно вкусно; я поразилась, что скелеты могли настолько хорошо готовить.

— У нас, — похвастался Томас, — в сотрудниках покойный повар Истинных!

— Вот как, — улыбнулся Себастьян. — Если честно, я не ожидал, что меня здесь ждет столь радушный прием...

— Всегда к вашим услугам! Мне оставить вас наедине?

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Нет, — вздохнул мужчина. — Пойдемте, посмотрим, что с вашей энергией происходит и почему она не пополняется.

Я последовала за Себастьяном. Мне очень не хотелось оставаться в этом доме одной. Хоть скелеты и казались безобидными, но кто ж знал, как они себя поведут, если мы вдруг столкнемся? Как от них защищаться и можно ли использовать собственный дар, а самое главное, как правильно его активировать, я пока что не знала. И вряд ли кто-нибудь мне подскажет ответ на этот вопрос...

— Эдита, что-то не так?

— Да вот думаю, можно ли мне пользоваться магией, если вдруг будет такая возможность, — промолвила я. — Нас по ней не засекут?

— По идее, от дома валит такой энергетикой смерти, что тут не засекут ничего и никого. Разве что сверхчуткими заклинаниями, но не знаю, есть ли они в распоряжении Истинных. Главное, чтобы Рене не решил искать нас здесь. Но вряд ли он до этого додумается.

Как по мне, в одном предложении «Рене» и «вряд ли додумается» звучали очень нелогично, но делиться своими подозрениями с Себастьяном я в этом случае не стала. Не к чему ему было узнавать о моих страхах и подозрениях.

Томас же, немного гремя костями, уверенно привел нас на третий этаж дома. Стоило только подняться наверх, как я сразу же поняла: здесь лаборатория занимала места куда больше, чем в доме у богини любви. Она была не только очень просторной, я б даже сказала, впечатляющей, а еще и набитой доверху разнообразными приборами и устройствами. Тут можно было отливать и оружие, примерно по тому же принципу, что и стрелы в лаборатории любви, и создавать что-то на подобии клеток — Себастьян почему-то нахмурился, только-только завидев эти предметы.

В самом центре красовалась огромная сфера. Я сначала подумала, не была ли это такая карта, но потом осознала, что нет. Сфера вращалась вокруг своей оси с невероятной скоростью. Стенки сферы были прозрачными, и можно было увидеть, что некоей субстанции таинственного темного цвета внутри было очень мало.

— Что это? — охнула я.

— Это? — уточнил Себастьян. — Это шар смерти...

Он подошел к сфере вплотную и прижал к ней ладони. Энергия всколыхнулась, реагируя на прикосновение, но так и осталась лежать на самом дне. Зато стремительное вращение остановилось. Себастьян прижался лбом к поверхности сферы и всматривался в нее, пытаясь разглядеть что-то внутри.

— Что-то не так? — уточнила я.

— Ну как сказать, — он оглянулся на Томаса, что так и не рискнул подняться следом за нами и теперь топтался на последней ступеньке. — Ситуацию исправить сложно, но можно. У меня есть определенное теоретическое представление о том, что с этим всем делать, но я пока не уверен в том, что все удастся до конца реализовать. Понимаешь ли... Весь мир должен пребывать в балансе, — промолвил он. — И этот баланс Матильда нарушила. Потому что тьма, которая должна была концентрироваться здесь, перетекла в мир. Ее можно увидеть по карте, которую мы обнаружили в лаборатории любви.

Я прекрасно помнила ту карту и содрогнулась, стоило только Себастьяну упомянуть о ней. Зрелище действительно было не из приятных. Знать бы только, как все это исправить...

— Как думаешь, у нас получится как-то компенсировать потери?

— В идеале надо восстанавливать баланс, — протянул он. — Пока что мы можем потянуть энергию с кладбища... Да и здесь есть неплохой запас. Но я не уверен, что запаса хватит надолго. Все же, лучше проводить полное восстановление, а не только делать вид, что что-нибудь меняем.

— Но ведь с твоими работниками все будет нормально? — с надеждой уточнила я. — Мне они понравились. Старательные. Не то что мои купидоны.

— Если твои купидоны будут продолжать в том же духе, у них есть все шансы присоединиться к рядам зомби, скелетов и призраков... — ухмыльнулся Себастьян. — Но пока не стоит о них беспокоиться. Я уверен в том, что мы найдем способ выровнять ситуацию. Уровень здесь не критичный. Я думаю, на год его бы вполне хватило. Понятно, что мы не будем доводить все до полного истощения. Но ночь, чтобы отдохнуть, у нас точно есть.

— Конечно-конечно! — заверил нас Томас. — С нами совершенно ничего не случится! К тому же, этим можно заняться и не завтра, а, скажем, через месяц-другой...

— У меня нет привычки откладывать важные дела на потом, — отметил Себастьян. — Так что начнем сразу. Но не стоит волноваться, — он подмигнул Томасу. — Со всем справимся. Только у меня и вправду был сложный день, и у Эдиты тоже. Нам надо немного

отдыха.

Томас даже расстроился.

— Мне так жаль, — промолвил он, — что мы вынуждены грузить вас своими делами с самого начала! Возможно, я могу что-нибудь еще предложить? У нас есть замечательная ванная, а еще...

— Ничего не надо, — уверенно отказался Себастьян. — Мы с Эдитой хотим побыть немного вдвоем... Это можно обеспечить?

— Вы нас не увидите! Мы будем тихи, как мыши под веником! — заверил нас Томас и, поклонившись, помчался прочь.

— Прогуляемся по дому или пойдем отдыхать? — уточнил Себастьян у меня.

— Если честно, — я вздохнула, — то новых впечатлений не хочется совершенно... Пойдем, наверное, обратно.

Я действительно была очень рада вернуться в спальню. Впечатлений на сегодняшний день оказалось слишком много, и Себастьян, кажется, прекрасно это понимал, потому и отправил скелетов отдыхать до утра. Те, правда, твердили, что они совершенно не устали и готовы развлекать господина бога смерти хоть до рассвета, но вовремя поняли, что никаких развлечений мужчина не жаждет, потому поспешили всунуть нам какую-то сменную одежду — я очень надеялась, что она не только выглядела, но и была новой, а не вытащенной из могил, — рассказали, как пользоваться таинственными приспособлениями в старого образца ванной и умчались прочь.

У меня не было сил даже нежиться в воде. Быстренько приняв душ и поразившись тому, как в древнем доме смерти может быть такая роскошь цивилизации, я переоделась в свежую одежду и юркнула под одеяло. Себастьян все это время старательно делал вид, будто увлекся чтением какой-то книги.

В ванной он провел больше часа. Я никогда не замечала в мужчине такую страсть к воде и к усиленному повторению гигиенических процедур, потому никак не могла избавиться от ощущения, что Себастьян меня то ли стесняется, то ли нарочно избегает.

Прежде чем я начала успешную процедуру самокопания и поиска в себе разнообразных недостатков, мужчина таки вернулся.

— Ты спишь? — шепотом поинтересовался он.

— Не сплю.

— Извини, что мешаю. Наверное, мне стоит лечь на полу?

Я перевернулась на спину и удивленно уставилась на Себастьяна.

— С чего это ты взял, что тебе стоит лечь на полу? — серьезно поинтересовалась я.

— Не хочу тебя смущать.

— Ты меня совершенно не смущаешь.

Себастьян отвел взгляд.

— А я тебя?

Он кашлянул.

— Понимаешь ли... В мирах бывают разные правила. И мне бы очень не хотелось, чтобы, кхм, распущенность нашего мира тебя шокировала...

Я едва сдержала смех. Распущенность?! Это он мне говорит, жительнице двадцать первого века?

— Послушай, — я села. — Ты собираешься на мне жениться. Сам же предложил.

Себастьян серьезно кивнул.

— В моем мире нет ничего предосудительного, чтобы спать с женихом в одной постели, — я скрестила руки на груди. — Или чтобы прикасаться к женщине. Если люди любят друг друга, они могут... хм, позволить себе большее.

— Я всего лишь не хочу тебя пугать.

— Ты меня не пугаешь.

Себастьян улыбнулся. Он сел на краешек кровати и притянул меня к себе, заключая в теплые объятия. Я уткнулась лбом ему в плечо, прижимаясь к мужчине, и вздрогнула, чувствуя, как его руки поползли по моей спине. Почему-то возникло дикое желание смеяться — я даже не знала, чем оно было спровоцировано, только потянулась к губам Себастьяна и поцеловала его. Сама. Первая.

Он на мгновение застыл, будто не поверив этому, а потом ответил на поцелуй, сгреб меня в охапку, крепко прижимая к своей груди.

— Если б ты знала, — выдохнул, когда я отстранилась от него на несколько сантиметров, — насколько мне сложно сдерживаться, когда ты рядом.

— Так не сдерживайся.

— Я не хочу тебя испугать.

— Ты меня не испугаешь, — покачала головой я. — Ты именно тот мужчина, которому я хотела бы принадлежать. И это не жертва с моей стороны, Себастьян. Это просто наше взаимное желание.

Кажется, он понял меня правильно, подаваясь вперед и возвращая поцелуй, куда более страстный, чем предыдущий. Я вздрогнула, чувствуя, как его горячие руки забрались под мою кофточку, но вместо оттолкнуть только сама прижалась к мужчине.

— Уверена? — прошептал он, отстраняясь. — Скажи — и я уйду.

— Ты всегда такой нерешительный?

— Только с женщиной, которую я люблю.

— Тогда прояви настойчивость по отношению к женщине, которую ты любишь, — выдохнула я. — Своей страстью ты меня не обидишь. Скорее холодностью и равнодушием.

Кажется, он правильно понял то, что я пыталась донести. Осыпал поцелуями мои губы, шею, плечи, и мне хотелось, чтобы он никогда не останавливался.

Задрожала дверь в спальню, но Себастьян только вскинул руку, накладывая на нее какое-то заклинание. Попытки проникнуть внутрь комнаты прекратились.

Мужчина навис надо мной, будто предлагая выбор, остаться или уйти, а потом, вспомнив о том, что я просила, опять накрыл губы поцелуем.

Уйти?

Больше всего на свете в эту секунду я хотела только одного.

Всецело принадлежать Себастьяну.

## Глава четвертая

Я открыла глаза от того, что комнату залило солнечным светом. Даже не сразу поняла, где нахожусь — только четко осознавала, что это удивительное тепло, окружающее меня, из-за Себастьяна. Он нежно обнимал меня за талию, прижимая к своей груди.

Я завозилась, пытаюсь устроиться поудобнее.

— Не спишь?

— Не сплю, — прошептала в ответ на его вопрос. — Доброе утро.

Я привстала на локте и поцеловала Себастьяна в колочую щеку — вчера вечером он забыл побриться, а сегодня утром еще не добрался до ванной. Он сонно улыбнулся и потянулся к моим губам, явно собираясь повторить все то, что происходило между нами ночью. Я была не против и...

— Доброе утро, господин бог смерти и госпожа избранница бога смерти!

От стройного хора голосов мы отскочили друг от друга и ошеломленно уставились на присутствующих в нашей спальне. Я подтянула одеяло повыше, почти до подбородка, запоздало вспомнив, что совершенно голая.

Посреди спальни стояли трое. Повар — скелет в кителе и крупном белом колпаке, — официант, зомби с подносом, и уже знакомый нам Томас, которого я почему-то практически сразу узнала по характерному желтоватому оттенку костей. Сегодня он нарядился в какой-то почти карнавальный костюм — огромная шляпа со страусиным пером, плохо прикрывающем плешь в старом бархате, наряд из того же материала, только другого, более насыщенного синего оттенка, высокие сапоги, шпага на боку. Выглядел Томас, как мушкетер, сошедший с экранов старого советского фильма. Только мушкетер несколько... более мертвый, чем принято.

— Вы что здесь делаете?! — возмутился Себастьян. — Вы зачем сюда заявились?

— Мы прибыли, — гордо отчитался Томас, — чтобы рассказать вам, господин бог смерти, о том, что наступило ясное, прекрасное, светлое утро! И что уже совсем скоро наступит полдень, и если вы не хотите, чтобы у вас болели головы, то лучше встать сейчас.

Мы с Себастьяном переглянулись. Головная боль — это, конечно, не предел мечтаний, но мы уснули то ли вчера поздно, то ли сегодня очень рано, потому пока совершенно не чувствовали в себе готовности вставать.

— Я как-то привык вставать без посторонней помощи, — протянул Себастьян. — Может быть, вы бы вышли и дали нам с Эдитой одеться.

— Мы готовы помочь! — моментально отозвался зомби-официант, сотрясая своим подносом. — Все, что пожелаете! И...

— Лучшей помощью, — серьезно остановил их Себастьян, — будет оставить этот поднос вон на том столике и временно подождать нас...

— Под дверью? — тут же подсказал Томас.

— В холле, — возразил бог смерти.

— А когда нам заглянуть? Через несколько минут?

— Нет. Не надо заглядывать, — Себастьян сел на кровати и растерянно оглянулся. Штаны его лежали совсем рядом, но их еще надо было надеть, а мужчина явно не испытывал желание светить голым задом перед скелетами.

И не только задом.

— Может быть, мы бы все-таки помогли? — уточнил зомби. — Мы многое можем!..

— А выйти, — ядовито уточнил Себастьян, — вы можете?

— Конечно!

— Так сделайте это! — возмутился он. — Оставьте еду и закройте за собой дверь с той стороны. А мы с Эдитой присоединимся к вам через полчаса и, хм, подумаем, что делать с тем устройством, которое подпитывает вашу жизнедеятельность. Хорошо?

Томас, верно поняв намек, подал своим коллегам какой-то знак. Зомби в ответ низко поклонился и поставил поднос на столик, повар расшаркался, прежде чем уйти. Томас почему-то присел в глубоком реверансе, что выглядело особенно смешно, особенно если учитывать, что на нем были надеты брюки. Но я даже не рассмеялась, просто провожая его взглядом, и вздрогнула, когда хлопнула дверь.

— Ты знаешь, — обратилась я к Себастьяну, — вот они такие хорошие, но...

— Такие навязчивые, — согласно кивнул он. — К этому надо будет привыкнуть. Либо их перевоспитать. Но нам правда стоит позавтракать и пойти посмотреть, что можно сделать с тем устройством. Было бы жалко, если б они погибли.

Разумеется, я не собиралась спорить. Только, все еще немного краснея, отодвинулась на свою половину кровати и попыталась нашарить сброшенную на пол одежду.

На Себастьяна я старалась не смотреть. Вчерашняя смелость куда-то испарилась, оставив по себе только смущение.

— Тебе не стоит прикрываться, — улыбнулся Себастьян, касаясь моего плеча. — Ты прекрасно выглядишь, Эдита.

— Ты тоже, но ты ж не спешил за своими штанами при скелетах!

— Ну я ж не скелет.

Я только отмахнулась от него, под одеялом натягивая на себя одежду. Потом, уже более-менее приведя себя в порядок, выскользнула из постели.

— Приятного аппетита, — Себастьян предложил мне свободное кресло, и я устроилась в нем. — Надеюсь, тебя не пугает, что это приготовлено мертвецами?

— Ну, скелеты меня не смущают. Больше зомби, — призналась я, придвигая к себе тарелку с дымящимся бульоном. — И это выглядит потрясающе вкусно... — попробовала немного. — На вкус тоже замечательно, между прочим. Но... Как ты собираешься исправлять то, что произошло? Наполнять энергией смерти тот шар?

Себастьян ничего не ответил. У меня были подозрения, что он и сам толком не знал, что с этим делать.

— Есть один очень простой способ, — наконец-то заговорил он, нарушая тишину, что уже начинала давить на сознание. — Но, боюсь, этот способ тебе не понравится. Совершенно.

— Он опасный?

— И это тоже. Этот шар чудесно переваривает жизненную энергию и пополняется в момент чьего-то убийства, — мрачно ответил Себастьян. — Или естественной смерти, если ее подстеречь и забрать магический выброс человека в его последние секунды. Второй способ, разумеется, легальный и возможен для бога смерти при исполнении. Но есть одна проблема...

— Ты не при исполнении.

— Именно. А убивать никого для продления жизни мертвецов я не стану. Хотя... У меня есть ощущение, что эти скелеты вернули себе сознание, которое имели при жизни. Они

не просто глупые оживленцы, следующие приказам, они обладают мыслями, волей, желаниями. Это несколько необычно. Но... Это не тот случай, когда ради спасения можно пойти на убийство.

— Таких случаев вообще очень мало.

— Именно, — подтвердил Себастьян. — Какова б ни была моя должность, я не жестокое чудовище и не собираюсь так поступать. Потому... Я хочу пройти по местному кладбищу. Собрать остаточную энергию смерти.

Я вопросительно изогнула брови, словно спрашивая, возможно ли такое вообще, и Себастьян только серьезно кивнул. По его мнению, это действительно было возможно.

— Да, — проронил он. — Это даже не так сложно. Если, конечно же, там нет никаких прекрасных аномалий. Потому тебе лучше остаться здесь.

Очевидно, мой уничижительный взгляд многое сообщил Себастьяну.

— Тебе правда это не нужно, — попытался убедить меня мужчина. Даже за руку взял, ласково так, нежно, словно убеждая, что мне надо помнить об осторожности и не делать глупостей. Но я сейчас была очень даже настроена совершить какую-нибудь глупость. Например, последовать за ним на кладбище. — Я прекрасно справлюсь сам. Да, ты тоже одарена, но магия у тебя иной направленности. Зомби и скелетов — по крайней мере, тех, что здесь, — ты вроде бы не боишься. Да и они горят желанием показать тебе дом и!..

— Я тебя одного никуда не отпущу.

Себастьян нахмурился. Вероятно, тон мой был достаточно решительный, чтобы мужчина понял: просто так улизнуть не удастся. Он отвел взгляд в сторону, явно пытаясь придумать дополнительные аргументы, а я вернулась к еде. За столом воцарилось тяжелое, давящее молчание.

— Может, все-таки... — заикнулся Себастьян, но потом опять поймал на себе мой взгляд и умолк, только клацнул зубами.

— Пойдем вместе, — решительно заявила я. — Во-первых, я переживаю и не хочу, чтобы ты попал в какие-то неприятности. Мало ли, что может случиться! А я не такая уж бессильная девочка, как может показаться со стороны. Уж с магией-то я точно могу справиться! Во-вторых, ты что, мне не доверяешь?

— Конечно, доверяю! — пылко воскликнул бог смерти.

— И я тебе доверяю. Но хочу тебе помочь. И не смотри на меня так! Скажешь, что не женское это дело — обижусь!

Ответа не последовало. Себастьян, очевидно, справедливо рассудил, что такую, как я, не переубедишь и не перепрешь.

— Хорошо, — сдался он. — Пойдем вместе. Но ты не станешь проявлять излишнюю инициативу и навлекать на себя опасность!

— Обещаю, — поклялась я, прекрасно понимая, что в случай чего все равно смогу вмешаться и прийти Себастьяну на помощь.

Кажется, он не слишком поверил моим словам, но отлично понимал, что спорить в данном случае совершенно бессмысленно. Потому встал со своего места, подал мне руку, предлагая опереться о него, и еще раз предупредительно произнес:

— Пожалуйста, любимая, давай обойдемся без лишнего риска.

— Если ты не станешь навлекать на себя опасность, то и я не буду, — спокойно ответила я. — Гарантирую. Я бы тебя никогда не подставила.

— Мне было бы спокойнее, — вновь запротестовал Себастьян, если б ты осталась

дома...

— А мне спокойнее пойти с тобой.

Он только вздохнул. Судя по виду, смирился наконец-то с тем, что переубедить меня практически нереально. Улыбка, заигравшая на лице мужчины, свидетельствовала о том, что ему в какой-то мере даже нравится то, как я себя веду. Нравится эта настойчивость, местами граничащая с излишней смелостью. Только вот он пока что не стремился это признавать и искренне рассчитывал на то, что здравый смысл возьмет верх.

Тем не менее, когда мы спустились в холл, встреченные настоящей скелетистой толпой, я осознала окончательно, что свое решение не изменю. Мне действительно нужно пойти с Себастьяном. Если эти — безобидные, где гарантии, что такими же безобидными будут мертвецы и на соседнем кладбище?

— Сейчас я отправлюсь искать решение вашей проблемы со смертельной энергией, — решительно промолвил Себастьян. — Потому прошу вас запереться в доме, оставить доступным только один вход — парадный. Если вы почувствуете приближение меня или Эдиты, впустите нас внутрь. Если же будет кто-то посторонний — нет. Кто-то, от кого веет смертью — тоже нет. И если кто-нибудь нарушит мой приказ, жизнь для него прекратится.

В эту-то секунду я поняла, что ситуация была гораздо серьезнее, чем я могла предположить изначально.

Себастьян все еще не показывал большой радости от перспективы идти на кладбище именно со мной, но понимал: это неизбежно. Мы вышли на улицу, прямо под яркое летнее солнце, и он запрокинул голову, всматриваясь в синее небо, словно там можно было что-то рассмотреть, кроме белесых тучек вдалеке.

- Что-то не так? — уточнила я. — Вроде бы погода хорошая. Мне казалось, что днем мертвецы не вылезают из могил?

— Да, — подтвердил Себастьян. — Нормальные мертвецы днем из могил не вылезают...

— Нормальные и ночью тоже там лежат, — скривилась я. — А ненормальные?

— Не должны. В любом случае, при свете дня все гораздо безопаснее. Мы хотя бы увидим, если вдруг на нас кто-то нападет.

Он уверенно двинулся вперед, показывая, что больше не намерен отвечать на мои вопросы, так как все равно ничего не может гарантировать. Я пожала плечами и побрела следом, стараясь не позволять дурным мыслям лезть в голову.

Было жарко, а мы оказались не то чтобы очень легко одеты, и, если честно, я только и мечтала, что спрятаться в какую-то тень. Но деревья здесь не росли. Я запоздало осознала, что все эти холмики — не просто перерытая местность, на кладбище, тянувшееся далеко вперед.

За домом, впрочем, простиралось вспаханное поле. Колосился небольшой участок пшеницы, была парочка яблонь. Я вздрогнула, осознав, что все это возросло на чужих костях, да что там, возможно, этими же чужими костями и было посажено, но решила, что скелеты сами имеют право определять, насколько этично сажать яблони на их бывших могилах.

— Как-то тут пустовато, — поделилась я своим мнением с Себастьяном, когда мы миновали яблони и зашагали по узкой тропке, вилявшей между старыми могилами.

— Да, — согласился он. — Дикая местность так не выглядит. Здесь не пустовато, здесь попросту пусто. Ни одного животного. Птицы даже не поют!

— Мне казалось, я что-то слышала...

— То были куры, — отмахнулся бог смерти. — Тут есть домашний скот, его держат мои... подчиненные, но вот обычных птиц нет.

— И деревьев нет.

Какие там деревья, если здесь даже трава почти выгорела? Да, сейчас было жарко и сухо, но здесь же не все время так. А земля казалась мертвой, проклятой. Себастьян даже остановился, опустил на колени и прижал ладонь к одному из холмиков, словно пытался что-то услышать. Но безуспешно. Он только отрицательно покачал головой.

— Нормальный фон. Ну, да, есть мертвая энергетика, но это неудивительно, — поделился он. — Что-то тут не так.

— Ты ж сам сказал...

— Понимаешь, — скривился Себастьян, — не может быть нормальный фон вокруг дома, где заправляют скелеты, вокруг полно разрытых ими же самими могил... во-первых, кто-то их из этих могил поднял, и где этот кто-то, мы не знаем. Во-вторых, должны быть сильные колебания. А оно такое ровное, как будто кто-то специально сидит и глушит. Подозреваю, что тут вычислить кого-либо практически невозможно, настолько сильное перекрытие.

— Мне казалось, это нам на руку.

— Это на руку скрывающимся, — подтвердил Себастьян. — Но сейчас-то мы в роли ищущих...

Я задумчиво кивнула и оглянулась в поисках хоть чего-нибудь живого. И вдруг увидела вдалеке пастуха, погонявшего коров. Удивительно, но животные склонялись, чтобы пощипать какую-то травку. Я не видела в округе ничего пригодного для коров, но не землю же они, в конце концов, грызут! Может быть, отсюда просто незаметно, а там дальше чуть ли не альпийские луга?

Дернув рукав Себастьяна, чтобы привлечь его внимание, я спешно указала на пастуха.

— Давай его спросим, что тут происходит? — предложила я. — Он же живой человек, кажется! Должен нам что-то объяснить!

— Эдита, не стоит...

Но я уже уверенно направилась к пастуху. Окликнуть его не успела, мужчина повернулся сам, поправляя сползавшую на лоб соломенную шляпу.

Ослабился.

Я улыбнулась в ответ, но будто почувствовала, как стремительно эта улыбка превращается в кислую гримасу. Пастух сделал шаг в моем направлении. Я — тоже, только не к нему, а от него. И поняла, что единственное, чего мне сейчас хочется, это броситься бежать прочь.

Потому что ни пастух, ни коровы не были живыми.

— Мясо! — зарычал внезапно мертвец. — Фас!

И коровы, аки заправские собаки, моментально покинули свою траву и бросились пополнять запас жизненной энергии за счет наших с Себастьяном косточек, сахарных и не очень...

## Глава пятая

Не знаю, каким чудом я не выдала дикий вопль, но — таки не выдала. Вместо этого, перехватив сосредоточенный взгляд Себастьяна, сделала самое разумное, что только могла в этом случае — бросилась бежать. Бог смерти, даром, что все кости должны быть ему покорны, помчался следом за мной. Надежда оказаться в доме все еще присутствовала, но, когда я обернулась, осознала, что коровы не только послушны, но и быстры, как натренированные собаки. И копытами они перебирали ох как стремительно.

— Прямо кони! — воскликнула я на ходу, едва не свалившись в приветливо распахнувшую свои земельные объятия разрытую могилу.

Себастьян успел поймать меня за локоть и буквально поволочил следом за собой. Сейчас было не до ласкового обращения; я понимала, что секундная пауза может стоить нам жизни.

Расстояние между нами и мертвыми коровами стремительно сокращалось. У меня уже не было никаких сомнений относительно того, что столкновение с ними будет смертоносным. И неизбежным.

Себастьян внезапно свернул в сторону, увлекая меня за собой. Я бросилась за ним, осознав, что в качестве убежища мужчина избрал единственное более-менее подходящее дерево. Дуб, которого я раньше не замечала, был достаточно высоким и прочным, но как взобраться по его толстому стволу, я не представляла.

— Я подсажу, — коротко промолвил Себастьян.

— А сам как?

— Разберусь.

— Но...

— Мы теряем время. Давай.

Я покорилась, понимая, что если буду много спорить, то съедят нас двоих, причем еще до того, как мы успеем хотя бы попробовать добраться до верхушки дерева. Забравшись на плечи Себастьяну, я с трудом дотянулась до толстой ветки, уцепилась в нее мертвой хваткой, подтянулась и все-таки смогла устроиться там.

— Я руку подам! — крикнула я Себастьяну.

— Не надо. Выше лезь.

— Я тебя там не брошу!

— Выше! — рявкнул Себастьян. — И немедленно! Ты делаешь только хуже!

Мне очень не хотелось подчиняться — я все еще чувствовала себя так, словно серьезно подставляла Себастьяна, — но решила все-таки послушаться его, понимала, что могу лишним упрямством только создать дополнительные проблемы. Стараясь не смотреть вниз, я схватилась за следующие ветки и уверенно полезла вверх. Дуб казался просто огромным и достаточно крепким, чтобы выдержать не только двоих людей, а и всех этих коров, если б их развесили на ветках вместо желудей.

Странно, что в прошлый раз я его не заметила. Или мы шли с другой стороны?

Оказавшись достаточно далеко, я посмотрела вниз и едва не обомлела от ужаса. Одна из мертвых коров, самая прыткая, была уже совсем рядом, мчалась на Себастьяна, поклацывая зубами. На травоядное и живое существо она не походила совершенно. На одном из боков красовалась немаленькая вмятина, достаточная для того, чтобы убить даже самое сильное

животное. Крови не было. Либо корову помыли, либо ранение она получила уже после смерти.

Себастьян стоял на месте. Я едва не завизжала от ужаса, осознав, что корова сейчас протаранит его. Но мужчина просто прижимался спиной к дереву и, кажется, даже не собирался сходить со своего места. Мое сердце колотилось в груди, как обезумевшее, и я чувствовала, что слезы начинали катиться по щекам. Близилась истерика.

Если честно, я была готова броситься вниз, напрямик на корову, чтобы помочь Себастьяну. Но не успела совершить эту глупость. Он отскочил в сторону и внезапно запрыгнул животному на спину. Прежде чем корова поняла, что жертва теперь на ней верхом, Себастьян исхитрился и дотянулся до самой низкой ветви дуба.

Другие коровы, подоспевшие к нам, бросились в атаку. Массивный бык, не менее мертвый, протаранил корову, на которой еще мгновение назад стоял Себастьян, но он уже успел подтянуться и запрыгнуть на ветку.

Мертвые животные издавали какие-то странные звуки и пытались даже подпрыгнуть, но так и не смогли ничего не сделать. Себастьян цеплялся за ветки и лез все выше. Совсем скоро он оказался рядом со мной.

— Живой, — только и смогла выдохнуть я, прижимаясь к нему. — Ты зачем так рисковал?

— Думаю, не было другого выбора, — пожал плечами Себастьян. — Ты желуди видишь?

— Вижу, — утвердительно кивнула я.

— Собирай их, — велел мне мужчина. — И как можно больше. Все, до которых сможешь дотянуться. Нам явно понадобятся снаряды.

— Но ведь они не могут выбраться на дерево?

Себастьян тоскливо посмотрел на коров, штурмовавших дуб. Тот, благо, был достаточно крепок, чтобы его ствол даже не содрогался от тяжелых ударов.

Вот только, судя по выражению лица Себастьяна, он никакого оптимизма по этому поводу не испытывал и все еще был уверен, что что-то пойдет не так.

— Они нет, — отметил бог смерти. — А вот он, — мужчина указал на пастуха, спешившего к нам по палящему солнцу, — очень даже да. И я боюсь представить, сколько в них магической энергии, если они не распадаются на солнце...

Мы устроились на разлапистых ветках дуба. Коровы топтались внизу, периодически бодая дерево. Пастух по пути умудрился упасть, но, кажется, ничего не почувствовал. Мертвецы, повстречавшие нас в поместье, были какими-то более живыми, что ли. Мне казалось, что кое-какие органы чувств у них все-таки присутствовали. У этого индивида не было ничего, ровно как и у коров.

— Это имитация, — покачал головой Себастьян. — Вернувшееся в тело, пусть даже состоящее сплошь из костей, сознание считает, что должно что-то чувствовать. Потому ощущения присутствуют, хотя на самом деле их наличие почти абсурдно. А с этими не трудились. В них вдохнули не сознание, а двигательную активность. Но зато вдохнули так масштабно... И это странно, что я ничего не могу с ними сделать.

— Вообще ничего? — уточнила я, срывая несколько желудей. — И ты уверен, что эти снаряды будут достаточно эффективными? Что-то мне подсказывает, что это слишком просто, как для оружия.

— Это просто, да. Но иногда простые методы эффективнее всего. А я не могу ничего

сделать, потому что энергетическая линия не открыта. Ими кто-то управляет. Знать бы, кто, — протянул Себастьян. — Но ничего. Разберемся. Сначала отогнать бы и вернуться домой...

— А потом проделывать все то же по новой?

— А потом я пойду разбираться с проблемами, а ты останешься дома. Потому что это может опасно.

— Мне казалось, мы уже пришли к общему мнению, и ты смирился с тем, что я никуда от тебя не денусь. Но, вижу, тебя никак не оставляет в покое эта мысль? — усмехнувшись, поинтересовалась я у Себастьяна. — Бесплезно меня отговаривать. Я все равно не отпущу тебя одного. А разобратся надо. Иначе где гарантия, что какая-нибудь стая быков в следующий раз не разнесет весь дом?

Себастьян скривился. Наверное, я говорила слишком логично, и ему нечего было возразить.

— В любом случае, коровы не информативны. Они животные, а значит, никаких следов разума там нет и быть не может после смерти, — решительно заявил он. — Потому их надо уничтожить.

— Как? Желудями?!

Себастьян ухмыльнулся. Он взял из моих рук первые несколько снарядов, прицелился и швырнул желудем в корову.

Я не успела даже заметить, что произошло. Только увидела, как крохотный предмет вспыхнул в воздухе, превращаясь в огненный шарик, и врезался в прогнивший коровий бок. Животное издало громкий, совершенно нехарактерный и мало напоминающий мычание звук и бросилось прочь, разбрасывая прочь огненные искры. Пламя пробиралось внутрь, охватывало внутренние органы, и корова мычала всё активнее и активнее.

Дым был черный, еще и с отвратительным запахом. Я поморщилась, представляя себе, как долго потом придется отмываться в ванной, чтобы не провонять этим на всю оставшуюся жизнь. Но Себастьяна запах, кажется, сейчас совершенно не волновал. Он вновь прицелился и швырнул следующим атакующим снарядом во вторую корову.

В этот раз бог смерти не был столь меток. Огненные искры рассыпались по цельной шкуре мертвой коровы, оставляя на ней подпалины, но больше никакого вреда не причинили. Пока первое пострадавшее животное рассыпалось в пепел и уже больше не могло на нас нападать, это, казалось, еще больше разозлилось.

Корова выполнила трюк, собственно, для коров недопустимый: встала дыбом и забила копытами по дубу. Эффекта это не возымело, но на меня аж повеяло духом смерти.

Себастьян наклонился вниз и схватил руками тонкую дымную полосу. Я с удивлением наблюдала за тем, как он тянул на себя то, за что, казалось, невозможно было ухватиться. Дым превращался в тонкую паутину, и мужчина выдергивал ее из коровы, сминал в руках, формируя небольшой моток ткани.

— Это энергия смерти, — пояснил он мне, едва не шипя от сверхусилий. — Именно им можно подпитать наш шар и продлить жизнь скелетам.

— Так может, я буду поджигать желуди и бросать? А ты попытаешься вытянуть это?

— Пробуй, — разрешил Себастьян, даже не задавшись вопросом, смогу ли я это сделать. Может быть, он доверял мне и знал, что я не подведу. А может, полагал, что даже если у меня ничего не получится, то я все равно не пострадаю, а желудей вокруг предостаточно, снарядов хватит.

Я набрала целую горсть и, особо не целясь — ведь меткость никогда не была моим коньком, — швырнула на коров. Не зная толком, как управлять собственной магией, просто представила, как загораются крохотные огоньки, а желуди превращаются в угли, способные прожечь дыры даже в плотной коровьей шкуре.

Для верности и лучшего фантазирования я даже зажмурилась. Только отвратительный смрад заставил меня открыть глаза и все-таки посмотреть вниз.

Желудей я бросила достаточно много, чтобы навредить как минимум половине коров. Они все пытались прорваться к дереву, и искры перепрыгивали с одной на другую. Некоторые дымились достаточно сильно, чтобы дух смерти поднялся наверх, и Себастьян смог дотянуться до него и попытаться вытащить.

Я видела, сколько труда понадобилось богу смерти, чтобы выдернуть волшебство хотя бы из одной коровы, но дальше пошло проще. Он сплетал темные нити в единый клубок, и тот все рос и рос в размерах, сейчас превратившись в что-то похожее на футбольный мяч, только черный. Себастьян буквально втягивал в эту черную сферу тонкие нити, и структура колдовства становилась все плотнее и плотнее.

Одна из коров, издав предсмертный стон, тоже не коровий, а какой-то почти человеческий, рухнула, превращаясь в пепел. Такая же участь должна был постигнуть и следующую, и я обрадовалась, понимая, что Себастьяну удалось достичь успеха.

Но рано. Затрещали ветви, и я, вновь посмотрев вниз, узрела, как упрямо лез к нам пастух-мертвец, точно не собиравшийся оставлять в живых своих жертв.

Понадобилось немало усилий, чтобы не завизжать, как той сумасшедшей. Я уже занесла руку, чтобы швырнуть горсть пылающих желудей прямо в лицо противнику, но Себастьян вовремя поймал меня за запястье.

— Не надо! — предупредительно воскликнул он. — Атакуй тех, кто внизу. Коров. С этим сам разберусь.

Я нахмурилась, но решила, что не буду спорить. Вместо этого сыпанула своими импровизированными снарядами в столь приметные коровьи цели, надеясь, что все-таки в этом сражении смогу достигнуть успеха.

Мне повезло. Огонь легко догонял коров. Тем более, теперь, когда их стало меньше, а передвигаться им мешали уже не столь активные трупы поверженных собратьев, коровы не так легко уворачивались от желудей. Мне в какую-то секунду вообще показалось, что битва выиграна. Себастьян умело поймал последнюю тень, отлетевшую от коровы.

Но ликовать было рано. В ту секунду, когда я была готова издать победный клич, мертвец цепкими, скользкими пальцами уцепился мне в правую ногу. Поскольку одной рукой он держался за дерево, то за левую ногу попытался ухватиться более надежным инструментом — зубами.

Я лягнула его изо всех сил, пытаясь освободиться. Получилось не очень хорошо; держали меня крепко, еще и нагло пытались стянуть обувь. Понимая, что босой стану совсем уж незащищенной, я швырнула в мертвеца уже обычными, не зажженными желудями.

Один из них попал ему аккурат в рот. Зубы перемололи желудь так, как будто он был всего лишь сахарной конфеткой. Я испугалась, примерно представляя, что это существо сделает с моей ногой, но в последнюю секунду перед укусом мертвец, кажется, познал всю несъедобность сожранного растения.

Он отшатнулся и сплюнул. Вниз полетели, кажется, зубы. Желудь все-таки оказался крепче, чем рассчитывал на то мой дорогой мертвый друг.

— Сделай что-нибудь! — обратилась я к Себастьяну. — Слышишь?

Но бог смерти был слишком увлечен своим занятием. Он сжимал в руке что-то напоминающее огромный светящийся шар. Удивительно, но свечение было какого-то серого, землистого оттенка. Я запоздало осознала, что в руках у него та самая энергия смерти.

Себастьян прошипел какие-то несколько слов, и мертвец вмиг потерял ко мне интерес. Теперь он повернулся к Себастьяну и смотрел на шар в его руках с плохо скрываемым интересом. Было понятно: он намерен немедленно завладеть предметом, и никто, а мы в том числе, не должны встать на его пути. Жадность, сверкавшая в до того совершенно безжизненных глазах ходячего трупа, была просто неопишуемой. Он щелкал зубами, тянул к шару руку...

Себастьян не стал спорить. Вместо того, чтобы пытаться уберечь предмет от противника, он наоборот уверенным щедрым жестом сунул его мертвецу в руки. Тот уцепился пальцами в липкую поверхность шара и, не удержавшись, полетел вниз.

— За ним, — велел Себастьян. — И желательно быстро.

Мне не надо было повторять дважды. Желуди вокруг уже закончились, мертвые бегающие коровы превратились в не менее мертвых, но зато лежащих, а ходячий труп, рухнув на спину, все пытался встать. Шар прилип к его рукам, да так крепко, что оживленец все не мог его от себя отцепить.

Завидев нас с Себастьяном, таких близких, всего в метре от него, труп зарычал. Он попытался принять боевую позу, чтобы броситься в атаку, но тщетно. Как ни изгибался, ни изворачивался, все равно не смог избавиться от предмета в своих руках. Шар же, просто огромный, оказался отличной страховкой.

Тогда мертвец, кажется, осознал, что ему не победить. Воровато оглянувшись и покрутив шаром, он издал короткий рык и бросился прочь.

Я выдохнула было с облегчением, но Себастьян дернул меня за руку.

— Не отставай! Нам надо его догнать!

— Зачем?! — возмутилась я. — Мы ж с трудом от него избавились!

Но мужчина был неумолим.

— Он может привести нас к своему творцу. Именно потому я его и отпустил, чтобы найти средоточие мертвой энергии. Бегом!

— А если я не хочу?

— Тогда иди в дом!

В дом я не хотела тоже, потому, решив, что рядом с Себастьяном всяко безопаснее, помчалась за ним — и, соответственно, за мертвецом. Тот улепетывал настолько быстро, насколько это было возможно; бежал по прямой, не заботясь о том, что мог по пути потерять несколько пальцев ног.

Ему-то они, наверное, и не важны, а вот мне мои еще очень даже пригодятся! Потому, в отличие от мертвеца, приходилось сохранять осторожность и смотреть под ноги.

А вот Себастьян тоже мчал, не разбирая дороги. Впрочем, в его сапогах это делать явно удобнее, чем в моей обуви.

Цель виднелась впереди. Я с удивлением узрела нечто похожее на крохотную, но давно развалившуюся деревеньку. Себастьян даже притормозил на мгновение, всматриваясь в заботливо приоткрытые ворота, но потом решительно заявил:

— Идем туда.

— А если там опасно? — уточнила я.

— Там опасно, это точно, — хмыкнул он. — Но, боюсь, если оставить это на произвол судьбы, менее опасным оно не станет.

И, не слушая мои вялые возмущения, он уверенно шагнул внутрь.

# Глава шестая

В деревеньке было подозрительно тихо и пусто. И даже я, богиня любви, чувствовала откровенно мертвую энергетику этого места. Пастух-оживленец волочил все тяжелевший черный шар куда-то к центру.

Мы следовали за ним, стараясь ступать так, чтобы нас было не слишком видно. Приходилось идти под заборами, и я периодически заглядывала в узкие щели между досками.

На улицах были люди.

Мертвые люди.

Они сидели на скамейках, отдыхая. Рубили дрова. Пасли гусей — живых гусей, между прочим, единственный источник настоящего шума, а не вынужденного, прописанного в алгоритме.

Шар в руках пастуха наполнялся мертвой энергетикой и все разрастался и разрастался в размерах. Вот бросил свой топор какой-то старик, неживой уж лет как десять, и рухнул, осыпаясь пеплом под яркими солнечными лучами. Замерла, прежде чем рассыпаться пеплом, скелетистая домохозяйка со старым, полусгнившим бельем, которое она пыталась развешать.

Мертвец миновал еще один двор. Я привычно посмотрела в щель и обнаружила старушку, сидевшую на крыльце и грызущую семечки.

Она заметила нас тоже. Подняла голову, щуря старые глаза, и растянула беззубый рот в довольной улыбке.

— Живые!

Я дернула Себастьяна за руку, останавливая.

Он застыл и недоверчиво посмотрел на бабуку. Та засеменила к калитке, открыла ее и застыла, глядя на нас. Потом протянула руку, потыкала в меня пальцем, потом — в Себастьяна, и довольно изрекла:

— Точно живые! Чевой-то вы тут позабыли? Сюда заходите, да быстро! Пока хозяин не явился!

— Какой хозяин? — опасно уточнил Себастьян.

— Это можно спросить и в доме, — разумно отметила я, оглядываясь.

Ни с каким хозяином мне сталкиваться не хотелось. Если Себастьян и был намерен повоевать, то я надеялась выйти из этой ситуации не просто с гордо поднятой головой, а еще и головой, находящейся на родной шее, а не на какой-нибудь пике. И драки с мертвецами совершенно точно не входили в мои глобальные планы по покорению мира.

— Быстрее! — поторопила старушка. — Придет хозяин — вам не поздоровится!

Конечно, заходить в незнакомый дом было совсем подозрительно, да и огромный шар мертвой энергии, оставшийся посреди двора, никого из нас не радовал, но мертвец с трудом продолжал свой путь, а моя интуиция буквально вопила о том, что догнать его сейчас — чистое безумие. Потому, послушавшись старушку, я втокнула Себастьяна в чужой двор и захлопнула за собой калитку.

Женщина, горбясь, медленно зашагала к своему дому. По дороге подхватила нежившегося на пороге кота на руки, тоже совершенно живого. Дождалась, пока мы зайдем внутрь, и захлопнула за нами дверь.

Внутри было достаточно уютно, да еще и вкусно пахло.

— Борщику будете? — поинтересовалась старушка. — Ой, впервые за последние года два живых вижу...

— Как же так? — удивился Себастьян. — И что такое борщик?

— Суп такой, — пояснила я. — Красный. Украинский.

— Какой-какой?

— Это национальное блюдо одного народа, — пояснила я и Себастьяну, и старухе, а потом повернулась к ней. — А вы откуда рецепт знаете?

Женщина только таинственно усмехнулась.

— Мама моя принесла из одного далекого края, — подмигнула она мне. — Так будете? Бу-у-удете...

— Вы лучше вместо борщика, — нервно промолвил Себастьян, — расскажите, что тут происходит... И почему тут никого живого нет?

— Марфой зовусь, — сообщила ни с того ни с сего женщина, доставая тарелки. — А чего живого нет, так просто все... Лет десять назад хворь какая-то на нас напала... Мертвые умирать перестали.

— Это ж как же? — удивился Себастьян.

— Да очень просто. Похороним, а он через два дня как новенький. Муж мой вот, — она почесала затылок. — Сердцем болел, да и помер. А потом пришел, дед старый. Весь в земле. Выкопался, значит, говорит, чего это ты, мать, корову не доишь. А когда корова пала, то и она помирать не стала... Молодежь, кто мог, поужезжали из этого гиблого места. Дети мои туда же. Уговаривали, но не стала я родные места полишать. Мертвецы, они-то безобидные. Даже помнят! Ждут кого-то.

Мы с Себастьяном переглянулись. Безобидные? Вот уж точно нет. Вопрос вот в том, кого они ждали.

— А хозяин — кто такой? — поинтересовалась я.

— Маг наш, — вздохнула старушка. — Не так давно появился. Запретил деревню покидать, так все живые еще быстрее подорвали! Говорю ж, одна осталась. Мертвецы к нему на поклон ходят. Муж мой тоже ходил-ходил... Уж девять лет как должен в могиле лежать, а до сих пор как новенький ходит. Да только он и запомнил меня уже. А вот Делия, подружка моя, помнит еще, ей полгода всего. Как и я, доживать век в селе осталась. И я, как помру, последняя, к ним присоединюсь...

— Но вы ж понимаете, — осторожно промолвил Себастьян, — что мертвым надо бы лежать в могиле. И если кто-то ими управляет, то этот кто-то нарушает закон?

— Дак это, может бог смерти он? — пожала плечами Марфа. — Я его рада два-то видела. Стоял на расстоянии. Красивый такой. Только тоже неживой будто... В последнее время чаще появляться стал. Ждем вот, к обеду... Слышите, шумит? Это он.

И вправду. Земля под ногами задрожала, на улице потемнело.

Мы с Себастьяном переглянулись.

Что б ни происходило, это все точно не к добру.

Повеяло холодом. Марфа даже не обратила на это внимания, продолжила заниматься своим борщом. Но я очень сомневалась, что смогу впихнуть в себя сейчас хотя бы несколько ложек. Да, пахло вкусно, но все мои мысли крутились вокруг того неизвестного хозяина, в деревне которого мертвецы перестали спокойно лежать в могилах.

Себастьян тоже поежился. Он поднялся на ноги и подошел к окну.

— Ой, милоч, — нахмурилась Марфа, — не лез бы ты. А то вдруг ему что в голову взбредет, беды натворит, вас погубит?

— Не погубит, — мрачно проронил Себастьян. — Я посмотрю только.

Мне и самой хотелось попросить мужчину отойти от окна, но вместо этого я тоже встала и буквально прилипла к стеклу, всматриваясь в силуэт.

Человек, шагавший сейчас по дороге, не был ни великаном, ни каким-то жутким чудовищем. Его действительно можно было назвать красивым, но отстраненным, словно не из этого мира. Каждое его движение словно было сопротивлением, попыткой не превратиться в камень.

— Истинный, — выдохнула я, вспоминая, где видела этого мужчину. Он был одним из тех, кто стрелял в нас по приказу Матильды.

То, что он пребывал здесь, означало, что нас могут обнаружить? Мне не хотелось в это верить. Казалось, мы уехали достаточно далеко, чтобы не попасться под руку ни Рене, никому-то из Истинных, но теперь эта уверенность во мне стремительно таяла.

Я нашарила руку Себастьяна и испуганно сжала его ладонь. Он в ответ крепко стиснул мои пальцы и едва заметно улыбнулся.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Ничего не бойся, Эдита. Но его надо остановить.

— Ты с ума сошел?! — зашипела я, поняв, что собирается сделать Себастьян. — Вмешиваться?! Ты хочешь, чтобы нас убили?

— Я сделаю все осторожно.

Он рванулся к двери и выскочил на крыльцо гораздо быстрее, чем я успела хоть как-нибудь отреагировать. Марфа, кажется, внучка гостыи из моего мира, только и смогла, что вскрикнуть. Я же бросилась за Себастьяном, не желая оставлять его одного.

— Стой! — выкрикнула, но мужчина уже бросился к забору.

Правда, выпрыгивать на дорогу он все же не стал. Вместо этого опустился на колени возле забора, прячась за ним, оглянулся.

— У тебя есть какой-нибудь небольшой предмет? — встревоженно спросил Себастьян.

— Зачем тебе?

— Он, — мужчина сглотнул, — собирается воровать мертвую энергию и преобразовывать ее для своих целей. Вот чем он занимается столько времени! Мертвые должны лежать в земле либо оживать с помощью контролируемого шара — ты его видела, который бога смерти. И то, что он истощается, свидетельствует о том, что лишние мертвые лежат вне могил. Если мы сумеем собрать эту энергию, во-первых, пополним баланс, а во-вторых, обретем власть над этими мертвецами. И мне удастся уложить их на места.

— Себастьян...

— Это нарушение жизненного баланса. Они просто расшатывают мир своими желаниями и своими попытками откусить больше власти. Каждое действие мертвецов — удар по времени. Потому что они должны быть руководимыми с помощью посредника. Не напрямую. Истинные не имеют над этим власти!

Не сказать, что я много что поняла — разве что осознала опасность, которую это все несло для человечества. Но я очень четко представляла себе, что может произойти, если нас обнаружат.

— Не надо, Себастьян, — взмолилась я. — Если ты погибнешь, никакому балансу от этого проще не станет...

Но перепереть бога смерти в этом случае было невозможно. Он наконец-то отыскал какой-то крохотный кулон, чудом оказавшийся в кармане брюк, и сжал его в руке. Пробормотал какое-то заклинание и закрыл глаза.

— Надо забрать магию прежде, чем он обратится к ей, — упрямо прошептал Себастьян. — И тогда он ничего не сможет сделать.

Тонкие, едва заметные нити магии потянулись к рукам Себастьяна.

Сначала ничего не происходило. Истинный продолжал свой путь. Нити в руках Себастьяна становились все толще и толще.

Истинный, кажется, наконец-то что-то почувствовал. Он медленно обернулся, так и не дойдя до конца улицы, оглянулся. Я едва не застонала от досады. Зачем, зачем я позволила Себастьяну во все это влезать?! Теперь мы присоединимся к дружному строю мертвецов.

Лицо Истинного исказила ядовитая улыбка. Он быстро зашагал в нашем направлении, на ходу добывая золотой лук. Я вздрогнула, вспоминая, насколько трудно уйти от этих стрел. Кажется, собираясь продлить жизнь мертвецам, мы только что потеряли собственную.

Но Истинный не успел натянуть тетиву и попытаться выстрелить. За его спиной прозвучал до боли знакомый, ледяной голос.

— Истинный Базилий, друг мой! — радости в этих словах было очень мало. — Кого я вижу! И что же привело тебя в эту деревню? В самый центр аномалии?

В нескольких метрах от Истинного буквально из воздуха возник Рене. И, кажется, пришел он сюда не по нашу с Себастьяном душу.

— Остановись, — прошептала я на ухо богу Смерти. — Если кто-то из них нас заметит, то нам просто конец!

Но Себастьян так сосредоточенно смотрел на кулон в своих руках, словно ничего другого не замечал и не слышал. Мне стало не по себе от мысли, что он, поглощенный колдовством, способен подвергнуть опасности всех, и себя, и меня, и эту несчастную старушку, Марфу. Нельзя, чтобы нас увидел Истинный, а тем более Рене. Я зажмурилась, изо всех сил желая стать незаметной.

Когда открыла глаза, с удивлением осознала, что энергетические нити втягивались в пустоту. Не было видно ни меня, ни Себастьяна. Заклинание невидимости сработало вновь, причем абсолютно без понимания с моей стороны.

Не сказать, что мне стало намного спокойнее, но теперь я могла хотя бы вслушаться в разговор Рене и Истинного. Если честно, я даже невольюно залюбовалась братом. Бывший бог красоты подходил на роль Истинного куда лучше, чем Матильда. По крайней мере, в уверенном взгляде его синих глаз и в спокойной, почти равнодушной улыбке я не увидела ни корыстливости, ни изворотливости, что так отталкивали в Матильде. И, что самое главное, Истинный боялся своего нового Верховного.

— Я всего лишь провожу ежедневный мониторинг, — промолвил Базилий. — Слежу за тем, чтобы деревня не выходила из-под контроля. Очевидно, беглый бог смерти спровоцировал эту аномалию, а сам скрылся, оставил все бесконтрольным.

Судя по тихому шипению рядом со мной, невидимый Себастьян буквально задыхался от возмущения. Понятное дело, что он никого не оживлял. И Рене, который работал с Себастьяном столько лет в одной Канцелярии, не мог в это поверить!

— Тихо, — прошептала я. — Понятно же, что он лжет! Никто не поставит твою честность и порядочность под сомнение.

Себастьян не ответил. В его руках на мгновение вспыхнул, становясь видимым, кулон,

но потом опять растворился в магическом потоке, продолжая втягивать в себя излишнюю мертвую энергию.

— Значит, Базилий, ты считаешь, что все это сотворил Себастьян? — серьезно спросил Рене.

— Уверен, если ты проведешь проверку, то увидишь здесь массу его энергетических следов! — заверил его Истинный.

Я, если честно, не на шутку испугалась. Ведь это действительно так. Если вдруг кому-то придет в голову проверять ауру этого места, то тут будет трудно не обнаружить ауру Себастьяна. Рядом его поместье, а он сейчас сидит под забором и упорно колдует, не задумываясь ни о последствиях, ни о чем, просто желая восстановить шаткую справедливость!

Но Рене явно не проявлял ни малейшего желания сканировать ауру. Вместо этого он подошел к Базилию вплотную и протянул руку.

— Что это у тебя за артефакт? — требовательно поинтересовался Верховный. — Дай посмотреть.

— Рене... — Базилий сжал пальцы в кулак, явно не желая ничем делиться. — Тебе оно надо?

— Ну, раз я спрашиваю, логично, что надо.

— Ты еще молод, — неохотно усмехнулся мужчина. — И, конечно же, неопытен. Тебе не следует вмешиваться в эти дела. Я сам...

— Отдавай артефакт.

В голосе Рене зазвенели стальные нотки. Базилий отвел взгляд и вновь завел свое:

— Матильда никогда не вмешивалась в...

— В личные дела Истинных? Я знаю. Она говорила мне об этом. Но, напомню Матильда мертва. Между нами двоими время выбрало именно меня. А значит, ты обязан меня слушать.

Истинный явно не обрадовался такому заявлению. Он скривился и воззрился на Рене, как на врага народа.

— Ты слишком много на себя берешь, — наконец-то неохотно пробормотал мужчина. — Слишком много. Матильда не была идеальной, но она хотя бы прошла весь этот путь вместе с нами. Вместе с нами получала бессмертие. А ты — просто мальчишка, которому достались силы больше, чем он может себе представить. И ты до сих пор уверен в том, что имеешь право распоряжаться нами? Теми, кто прожил тысячи лет? Сколько тебе, двадцать семь? Что ты можешь знать? Ты...

Рене вскинул руку, и Истинный затих. Я могла предположить, что сделал он это не по доброй воле, а потому, что его только что самым наглым образом лишили дара речи.

— Да, — протянул Рене. — Я прекрасно помню, какая у нас разница в возрасте, благо, у меня с исчислением все хорошо. Но вот мне кажется, что аномалия эта не имеет особого отношения к Себастьяну.

— Почему? — вероятно, способность говорить к Истинному таки вернулась.

Рене осторожно отобрал у него артефакт и, взвесив на ладони, язвительно протянул.

— Потому что концентратор некроэнергии, готовый к наполнению, я почему-то нашел у тебя, а не у него. Не объяснишь мне, как так произошло?

## Глава седьмая

Даже с такого расстояния я видела, как Рене издевательски усмехался, взвешивая на руке какой-то странный, небольшого размера предмет. В его глазах плясали искры легкой издевки, словно мужчина дразнил всех своих противников, испытывал их терпение. От его ухмылки у меня мороз прошел по коже. Сейчас Рене выдавался опасным, как никогда прежде.

Истинный молчал. Он тоже не сводил глаз с Рене и явно не был рад тому, что тот забрал у него магическую вещь.

— Верни, — наконец-то с нажимом промолвил он. — Эта вещь принадлежит мне. И я не никому объяснять свои действия.

— Даже мне, Верховному?

— Тем более тебе! — выпалил Базилий. — Сопляку, который возомнил себя главенствующим только потому, что ему досталась побрякушка от Матильды. То, что ты несколько месяцев грел ее постель, еще ничего не значит! Если хочешь показать, какой ты великий Верховный, выполняй свои обязанности. Храни баланс. Разве не этим ты должен заниматься? А не цепляться ко мне по всяким мелочам.

— Ладно, — неожиданно спокойно согласился Рене. — Ты прав.

Базилий требовательно протянул руку за своим артефактом, но Рене проигнорировал его. Вместо того, чтобы вложить предмет в раскрытую ладонь Истинного, он только повернулся к нему спиной и уверенно зашагал по деревне.

В отличие от Истинного, Рене все еще выглядел как обычный человек. Он подошел уже совсем близко к нашему с Себастьяном укрытию, и теперь мы могли разглядеть Рене с небольшого расстояния. Его глаза остались все такими же синими и такими же живыми, и сейчас в них сверкали озорные искры. Я видела, что Рене что-то задумал, но пока что могла только гадать, что именно.

Кулон в руке у Себастьяна погас, и бог смерти выдохнул от облегчения. Я осознала, что ему удалось все-таки собрать все излишки энергии и по крайней мере каким-то образом управлять ею. Базилий, очевидно, не знал нужных заклинаний, которые позволили бы ему это сделать, потому и должен был воспользоваться исключительно концентратором.

— Куда ты?! — окликнул Базилий Рене, осознав наконец, что дело неладное.

— Как куда? Выполнять свои обязанности, — пожал плечами Рене. — Сейчас активирую поиск источника аномалии и пошлю направленный сигнал на ее уничтожение.

— Но ведь кто-то может пострадать!

— Зато аномалии больше не будет, — усмехнулся молодой Верховный. — Матильда никогда не считала человеческие жизни. Самое главное — это сохранение баланса.

Последнее он произнес так горько, что я уже не сомневалась: Рене окончательно разочаровался в Матильде и прекрасно знал, как именно она сохраняла этот баланс и какова была цена ее честности. Но я все еще до конца не понимала, чего пытался добиться своим демонстративным поведением Рене. Признания от Базилия? Но зачем?

— Ты не можешь так просто распоряжаться человеческими жизнями! — воскликнул Истинный. — Ведь они тоже имеют значения! Может быть, тот, кто создавал эту аномалию, пытался предупредить трагедию похуже.

— Мне все равно, — пожал плечами Рене. — Я буду действовать как Матильда. Ты же

сам сказал мне так поступать. Сейчас пушу стрелу по его следу...

— погоди!

— И все закончится.

— Разве ты умеешь пользоваться золотыми стрелами? Рене...

Золотые стрелы убивали Истинных. Я помнила это уже по Матильде, пронзенной насквозь собственными же стрелами, и прекрасно понимала: Базилию тоже было об этом известно. Он боялся не за мифических людей, которые на самом деле не имели никакого отношения к происходящему. Все, чего он хотел — это спасти собственную шкуру.

— Мне кажется, стрелять несложно. Время подскажет мне, как поступить правильно, — пожал плечами Рене.

Он добыл лук и стрелы буквально из воздуха. Натянул тетиву. Я невольно залюбовалась мужчиной, в очередной раз отмечая про себя, что найти лучшего бога красоты было невозможно. Мне рассказывали о том, что прежде Рене не привлек бы ровным счетом ничье внимание, но сейчас, наблюдая за ним, я испытывала некий восторг. Вроде того, который чувствуешь, глядя на произведение искусства.

Стрела легко легла мужчине в руку. Он прицелился, явно собираясь стрелять куда-то в пустоту.

— погоди! — воскликнул Базилий. — Ты неопытен...

— Разберусь, — легко ответил Рене. — Пострадавшим больше, пострадавшим меньше...

— Ты не можешь так легко...

— Могу.

Базилий не успел возразить. Рене наконец-то выстрелил, и стрела взмыла в небо, разрывая воздух на части.

Хотя стрелял Рене в противоположную сторону, стрела его взмыла в воздух, описала петлю и полетела в Базилия.

— Я все объясню, — прошептал тот. — Это ошибка!.. Это!..

Стрела была неумолима.

Базилий бросился бежать. Я с замиранием сердца наблюдала за тем, как стремительно опережала его стрела, буквально загоняя в угол.

Базилий прижался к какому-то забору, вскинул руки, активируя заклинание, но тщетно. Стрелу даже не задело. Она летела к его горлу. Мужчина захныкал, но стрела была неумолима.

— Стой! — выкрикнул вдруг Рене, и стрела замерла в миллиметре от кожи Базилия. — А теперь, друг мой Истинный, пора наконец-то рассказать всю правду. И ты не беспокойся. Возможно, я сопляк и не так давно был человеком, но стрелами управляю достаточно хорошо. Думаю, тебе лучше не пытаться убедиться, насколько.

По щекам Истинного потекли слезы. Я, если честно, удивилась — не ожидала, что он на такое действительно способен. Неужели так сильно испугался? Но Себастьян рядом со мной только презрительно хмыкнул и едва слышно прошептал:

— Истинные хорошо управляют физическими реакциями собственных тел. Они же бессмертны, потому с возрастом как будто каменеют. Движение их тел — это больше усилие разума, чем физическое состояние. Потому заплакать ему сейчас несложно.

— А Рене?

— Знает ли? Конечно, знает, — кивнул Себастьян.

— Нет, я не о том... Он тоже окаменеет?

— Не в ближайшую тысячу лет.

Рене все еще выдавался мне очень живым. То, с каким видом он сверлил взглядом Базилия, уже заслуживало аплодисментов. Я вновь пожалела, что мы вынуждены с ним сражаться по разные стороны баррикад. Мне бы очень хотелось быть с Рене заодно, иметь возможность полностью доверять ему. В конце концов, брат моего двойника был хорошим человеком.

Но мне из-за поступка Эдиты придется всю жизнь скрываться. И неизвестно, насколько эта самая жизнь будет долгой...

Себастьян уже успел спрятать свой артефакт — я не видела сейчас его, магия скрывала нас, но все же, могла по едва заметному дуновению ветра различать действия. Идти к дому мы оба боялись, понимая, что один не очень удачный шаг может стоить жизни. К тому же, мне очень хотелось узнать, что же скажет Базилию Рене. Этот его взгляд, буквально прожигающий насквозь, если честно, очень пугал меня... Но в тот же момент вызывал ощущения сродни восторгу.

— Что ты сделал? — холодно спросил Рене. — Говори правду. Иначе эта стрела вонзится тебе в горло, и мне будет плевать на то, что ты Истинный.

— Мерзкий сопляк... — прорычал Базилий. — Как ты вообще можешь так поступать? Я бессмертный! Истинный! А ты — просто любовник Матильды, один из тысячи, которому повезло отобрать у нее силу и статус Верховной... Не надо! Не убивай, молю! Я совсем не то хотел сказать!

— Боюсь, именно это и хотел, — усмехнулся Рене. — Но меня не интересуют эти нюансы. Рассказывай.

— Она об этом знала, — прошипел Базилий. — Мы все разделили сферы власти! Матильда получала больше всего, потому что она этим и руководила. Когда живешь тысячи лет, обычная жизнь надоедает. К тому же, мы начали стареть! Каждый решал вопрос старения как мог!

— И ты собирал мертвую энергию?

— Я воспользовался тем, что бог смерти бросил это место, и наложил на деревню заклинание. Они должны были перестать умирать после смерти и вытягивали на себя энергию из шара, который хранился в местной лаборатории смерти... А я ее собирал.

— Ты же понимал, что если б этот шар опустел, то это бы значило конец для всех? Смерти перестали бы быть контролируемы, — прорычал Рене. — Войны, пандемия... Ты понимал, какими будут последствия?

— Мне дали вечную жизнь, а теперь пытаются ее отобрать! — кажется, Базилий считал это достойным оправданием. — Что еще мне оставалось делать?!

— Теперь богу смерти придется постараться, чтобы восстановить баланс... — протянул Рене. — А он еще и лазит неизвестно где. Впрочем, с ним я разберусь позднее. Думаю, это будет гораздо проще...

— Ты убьешь меня?

— Зачем же...

Улыбка, что расцвела на его лице, была просто невероятной. Я поверила в то, что Рене был богом, а не простым человеком. Это шокировало. Казалось, мы с ним были неплохо знакомы, я видела его обычным парнем, а теперь...

Рене подошел к Базилию, взял стрелу. Она растворилась в ладони Рене. Базилий выдохнул с облегчением, сдвинулся было с места, но не успел ничего сделать.

Будто из воздуха появился и его лук с золотыми стрелами. Рене взял его в руки с шокирующей легкостью, хотя что-то подсказывало мне, что он не имел бы возможности это сделать.

А потом разломал его об колено.

Базилий охнул.

— Сколько тебе лет? С точки зрения физиологии? Примерно тридцать пять? — Рене вздохнул. — Что ж... Думаю, ты проживешь лет до восьмидесяти. Привыкай, обустраивайся. Теперь ты простой смертный. Как понимаешь, без магии.

Истинный задрожал. Лицо его перекошило, губы у него задрожали. Он явно собирался разрыдаться.

Но Рене это явно мало волновало. Он спокойно отступил от Базилия и зашагал по дороге. Остановился напротив нашего забора, усмехнулся.

— Надеюсь, — протянул он будто в пустоту, — Себастьян сможет разобраться с остатками мертвой энергии. Но, конечно же, не искать же мне его, — он покосился на наш забор. — И так дел куча...

Я шокировано наблюдала за тем, как Рене — Верховный, который должен быть заинтересован в поимке нас, опасных преступников, нарушителей порядка и, вероятно, приговоренных к смерти, — меланхолично взглянул на забор, помахал рукой высунувшейся было из дома Марте и прошествовал прочь. Где-то там, вдалеке, завывал Базилий, но Рене это явно не интересовало.

— И что это было? — шепотом поинтересовалась я у Себастьяна, когда Рене наконец-то растворился в вихре собственной магии.

— Кажется, он нас не заметил.

— Какое не заметил! Не будь хоть ты слепым! — в сердцах воскликнула я. — Он же смотрел на нас! Он, черт возьми, упомянул тебя! Так почему он ничего не сделал?

— Не знаю, — честно промолвил Себастьян. — Может быть, он решил дать нам возможность выжить. А может, считает, что если мы не попались ему на глаза, то можем спокойно жить дальше... В любом случае, кто-то должен разобраться с остатками некроэнергии. И этим кем-то может быть только бог смерти. Знаешь, как трудно найти нового?

Если честно, учитывая то, что творила Матильда, я сочла аргумент Себастьяна крайне слабым. Но спорить с ним на данный момент у меня не было ни малейшего желания. Не бежать же мне, в самом деле, за Рене с требованием немедленно пересмотреть его отношение ко всему происходящему! И не требовать же, чтобы он сейчас же меня убил!

Нет уж, в данном случае я была не на стороне закона.

Мы наконец-то встали, и я лишь раздраженно отряхнулась от прилипшей к одежде грязи. Если честно, единственное, чего я сейчас хотела — вернуться поскорее в дом и больше никого до следующего утра не видеть и не слышать.

— Борщик доедать будете-то? — поинтересовалась из дверного проема Марфа.

— Спасибо за гостеприимство, но мы, наверное, пойдем, — решительно заявила я. — Дел невпроворот...

— Да, — поддержал меня Себастьян. — Я к вам загляну на днях. Посмотрим, шалят ли мертвецы и что с ними можно сделать. Если что, воспользуйтесь магическим маячком.

Он оставил женщине какую-то монетку, и она благодарно сжала ее в своей руке.

— Пойдем, — велел Себастьян мне. — Нам уже пора...

Я только задумчиво кивнула.

Плестись обратно по залитым солнцем дорогам было, если честно, трудно. Мы, благо, не заблудились и не встретили больше никого по пути. Вокруг царила тишина, все такая же мертвая, как и прежде, у дуба встретилось несколько коровьих костей, а в остальном — ничего особенного. Как будто и не случилось ничего.

Я сначала опасалась, что нас может обнаружить Базилий, последует за единственными живыми людьми, которые пройдут мимо него, но нет. Собственно, Истинный так и валялся на земле и смотрел в небо; я подумала даже, что он умер, но издали заметила, как поднималась и опускалась его грудь.

Подходить мы не стали. Базилий, кажется, оплакивал собственное бессмертие и не замечал ничего вокруг, а это было нам на руку.

...Совсем скоро впереди показалось поместье бога Смерти. Я думала, что мы ушли от него гораздо дальше, но сейчас, без препятствий в виде мертвых коров или взбесившихся пастухов, этот путь удалось преодолеть примерно за полчаса. Ну, может быть, немного дольше.

На территории кладбища, окружавшего дом, и даже на небольшом дворике было невыносимо тихо, однако, когда мы подошли к крыльцу, изнутри донесся достаточно сильный шум. Что-то загремело, и я невольно поежилась.

— Надеюсь, они просто случайно уронили кастрюлю, — пробормотала я. — Потому что еще одну беседу со скелетами я, честное слово, не вынесу. Как же я от всего этого устала!

— Ну, не волнуйся. Сейчас сможем отдохнуть, только зальем энергию в шар...

Грохот повторился.

— Что-то мне все это не нравится, — хмуро высказал нашу общую мысль Себастьян. — Что они там творят?

— Откуда я знаю? Разве я умею управлять некроэнергией? Мое дело — стрелы да любовь, — пожалала плечами я, если честно, чувствуя себя очень неловко.

Мужчина ничего не ответил. Жестом велел мне оставаться за спиной, он двинулся ко входу. Я, разумеется, последовала за ним, даже не думая отступить или прятаться.

— А что тут происходит, собственно говоря? — поинтересовался Себастьян, настежь распахивая входную дверь.

Мы застыли в дверном проеме и пораженно смотрели на скелетов, которые после посещения деревни казались такими милыми и такими адекватными.

Томас, а вместе с ним и вся его компания, медленно повернулись к нам и дружно заклацали челюстями.

— Господи! — прошептала я, пятясь.

Скелет-предводитель был весь в чем-то красном, смутно напоминающем кровь. Да и вообще, судя по ощущениям, они собирались нас атаковать. Да что за напасть такая?! Только от одних отбились, а теперь следующие.

Я даже не успела выпалить «бежим», как Томас сорвался с места и бросился к нам с Себастьяном.

— Прибыли! — радостно воскликнул Томас. — Счастье-то какое!

Себастьян, собиравшийся было захлопнуть дверь прямо у скелета перед носом, удивленно застыл. Томас бросился обнимать его с таким шальным видом, что я уж было задумалась насчет хоть какой-нибудь адекватности скелета.

Впрочем, о чем это я... Он же скелет! Как скелет вообще может быть адекватным? Это однозначно мертвое существо!

— Мы уж думали, придется бежать за помощью! — пылко сообщил скелет. — Ух, едва удержали! Что ж вы нас в такой негожий час оставили-то, господин бог смерти...

Учитывая то, какой стресс мы с Себастьяном пережили сегодня, жалеть и утешать Томаса было точно некому. Но для начала хотелось разобраться, что вообще здесь происходит, потому что лично я ровным счетом ничего не понимала и могла только удивленно моргать, наблюдая за стремительными передвижениями Томаса.

Он же, вдохновившись, решительно схватил нас с Себастьяном за руки и буквально поволочил внутрь. Не то чтобы мы слишком сопротивлялись, но я все равно смотрела на скелет с опаской.

Что тут, собственно говоря, происходит-то? С ума сойти можно!

— Представляете, — начал Томас свой путанный рассказ, хотя ни я, ни Себастьян еще не успели проронить ни слова, а значит, не озвучили и все роившиеся в голове вопросы, — у нас сегодня на территорию проник лазутчик!

— Лазутчик?! — охнула я.

— Да! — утвердительно кивнул скелет. — Проник, значит, притворившись кустом. Засел в деревьях и думал, паразит, что мы его не обнаружим! Но мы наблюдательные!

— Очень наблюдательные! — подтвердил сердито один из зомби. — Я, между прочим, при жизни садоводом был! И мне прекрасно известно, что ромашки до размера кустов не разрастаются!

Это кто такой гениальный, что маскировался за кустом из ромашек? Я даже предположить не могла! Зато моментально отбросила в сторону мысль о Рене или об Истинных. Те пришли бы открыто, а если б вздумали замаскироваться, то сделали бы это гораздо разумнее, чем тот, кто потревожил покой наших дражайших скелетов. Я себе даже примерно не могла представить, впрочем, кто ж это так расстарался в надежде проникнуть к нам на территорию.

И кому это вообще было надо?!

— А после этого, — раздраженно продолжил Томас, — лазутчик проявил прыткость, крайне неожиданную для него. Спасаясь бегством от нас, он решил продвигаться внутрь дома и обследовать стратегические запасы.

— Заперся в подвале! — возопила скелет-женщина. — Разбил банки с моими консервациями! Отстреливался квашеными помидорами и солеными огурцами!

Я только сейчас поняла, что красное на Томасе было всего лишь остатками помидор. Надо же! А я успела придумать себе столько всего, что просто дурно становится! Уже решила, что скелеты там кем-то живым полакомиться решили.

— Между прочим, этот паразит перевел нам треть запасов, — хмуро сообщил скелет. — А мы копили их для вас, господин бог смерти! Хотели, чтобы вы зимой могли порадовать

себя квашеной капусточкой или, скажем, хрустящими огурчиками. А теперь мы эти огурчики ему, супостату, запихаем...

— Не надо ничего никуда пихать! — примирительно воскликнул Себастьян. — Подождите. Расскажите лучше в подробностях, что произошло дальше и где этот лазутчик сейчас?

— Дальше? — Томас хмыкнул. — Он не успокоился. Решил отстреливаться картошкой!

— Выбил мне зуб! — доложил зомби.

— А моему другу Петеру — два ребра! — мрачно сообщил Томас. — Теперь Петер вынужден чиниться! Использовать несколько капель ценной мертвой энергии!

— Вот как, — Себастьян прищурился.

— После этого лазутчик добрался до вина, — продолжил Томас. — А оно у нас немного того, прокисло... Неудачная партия получилась. А он напился!

— Выжил, я надеюсь? — уточнила я.

— Да выжил, что ему станется, — фыркнула все та же недовольная женщина-скелет. — Ромашками своими подтерся, паразит! Напаскудил в подвале, мне теперь там несколько дней убирать придется! Но зато потерял бдительность...

— Так где же он сейчас?! — в один голос воскликнули мы с Себастьяном, вовремя осознав, что наши ожившие мертвецы могут рассказывать о вреде, нанесенном лазутчиком, еще очень и очень долго.

Вместо ответа скелеты просто расступились в стороны, а потом гордо доложили:

— Вот!

— Связан и обезврежен! — воскликнул Томас.

— Ммммуууу! — подтвердил лазутчик, спутанный пробковой веревкой, да еще и с кляпом во рту, скрученном из какой-то тряпки.

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Этого только не хватало, — вздохнул он.

Я была с ним солидарна.

...Потому что лазутчиком оказался Димитрий.

Купидон, перемотанный по рукам и ногам веревкой, выглядел, мягко говоря, неважно. Но и скелеты после столкновения с ним заметно пострадали. На прежде идеальной, чистой одежде я узрела немало пятен от помидоров и соленых огурцов. Один из зомби был полит то ли компотом, то ли домашним вином. С его широкополой шляпы свисало несколько вишенок.

— Эди! — взвизгнул Димитрий. — Эди, живая!..

Он попытался вскочить на ноги, но один из зомби придержал Димитрия за плечо, не давая ему встать. Купидон задергался, пытаясь освободиться.

— Эди! — залепетал он. — У нас на работе творится форменный ужас! Просто форменный ужас! После того, как ты пропала, все пошло просто... Просто... Я пришел тебя искать, чтобы вернуть! Потому что без тебя все просто валится! Да!

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Веришь ему? — мрачно уточнил бог смерти.

— Конечно же... Нет! — воскликнула я, не скрывая своих эмоций. — Это же Димитрий! Он же лжец, до мозга костей лжец!

Димитрий захныкал.

Поверить в то, что он пришел к нам, чтобы вернуть меня на работу, да в таких еще

условиях? Просто невысказано! Я даже не представляла, каким местом думал Димитрий, когда все это мне наплел... Мы ведь с Себастьяном скрываемся, с чего б это я вдруг вздумала вернуться.

— Эдита! — заскулил купидон. — Ну почему ты мне не веришь...

— Думаешь, его Рене мог за мной послать?

Себастьян скривился.

— Рене терпеть не мог Димитрия. Еще до того, как ты поменялась, он требовал, чтобы ты перестала с этим паразитом общаться... Не помнишь?

Последний вопрос был риторический. Разумеется, ничего такого помнить я не могла, в первую очередь по той причине, что тогда была не я, а другая Эдита.

Но ответ был очевиден. Рене, разумеется, не мог попросить Димитрия меня найти. Значит, либо отделу действительно нужна богиня любви и меня простили — что очень вряд ли, тем более, кто мог установить режим для Димитрия хуже, чем мой?! — либо кто-то другой из Истинных таким образом пытается меня разыскать.

— Не слушайте вы этого шпиона! — возмутился Томас, привлекая наше внимание. — Разве ж неясно, что он, паразит, брешет? Он пытался что-то пронюхать, собака паршивая!

— Я всего лишь хотел найти тебя, о моя богиня! — воскликнул Димитрий. — Я... Я давно хотел сознаться, что жизни без тебя не представляю, Эдита!

Себастьян кашлянул.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что его признания в любви и дырки от бублика не стоят.

— Конечно, понимаю, — мрачно отозвалась я. — Но надо понять, пришел ли он сюда по собственной глупости. Может, его кто послал... Нас пытаются найти. И он каким-то образом смог нас вычислить! Понять бы, как! Ведь за ним могут прийти и другие!

— Когда-то между нами была установлена особая связь! — гордо провозгласил Димитрий. — Потому я всегда способен найти свою богиню!

Я недовольно покосилась на Себастьяна, задавая негласный вопрос, как вообще такое было возможно. Бог смерти хмуро пожал плечами, показывая, что он не до конца понимает, как такое вообще могло произойти.

— И что мы будем делать с ним? — спросила я. — Надо допросить, наверное... А я, если честно, просто с ног валюсь. Могу представить, каково тебе.

— Да нормально, — пожал плечами Себастьян.

Однако по его бледному лицу я могла определить, что чувствовал он себя очень не очень. Едва не пошатывался. Вот только чтобы этот мужчина признался в том, что сил у него не хватает, не знаю уж, что должно произойти.

В любом случае, я не собиралась рисковать его самочувствием и не хотела, чтобы мужчина ставил себя под удар.

— Я думаю, нам все равно сейчас немножечко не до Димитрия, — наконец-то осторожно промолвила я. — Возможно, ты считаешь и немного по-другому...

— Именно так я и считаю! — согласился со мной Себастьян. — Я сейчас точно не настроен определять, откуда этот паразит вообще появился.

— Тогда...

— Вы меня отпустите?! — подал голос Димитрий.

Мы с Себастьяном переглянулись. Нет уж, надо быть последним идиотом, чтобы позволить такому, как Димитрий, отправиться на свободу, особенно если учесть, что мы собирались скрыть факт нашего здесь присутствия.

— Нет, — решительно покачала головой я. — Я думаю, ты, Димитрий, побудешь немного нашим гостем.

Я покосилась на Себастьяна и уточнила:

— Пленным гостем. Томас, — обратилась к скелету, — у нас ведь найдется место, где можно удерживать одного не в меру наглого, но не слишком изобретательного купидона?

— Вы не имеете права! А как же независимость человека? Презумпция невиновности?! Я требую, чтобы меня немедленно развязали! И встретили как гостя!

Я скрестила руки на груди.

— А больше ты ничего не хочешь?

— Вина, — обнаглел вконец Димитрий. — Я видел здесь в погребке бочку, уверен, что оно там просто отличное...

— Не для тебя я компоты варила! — возмутилась повариха-скелет. — Не для тебя своими ногами топтала виноград! А Петеру ты вообще ребра выбил! Между прочим, это был мой супруг!

— Они еще и женятся... — закатил глаза Димитрий. — Эди! С кем ты связалась? Мы с тобой всегда были так дружны! Так отлично сотрудничали! А теперь ты окружила себя какими-то непонятными существами, да что там, даже не живыми, а дохлыми, скелетами! И позволяешь им надо мной измываться!

Я закатила глаза.

— И что мне грозит?! — возопил Димитрий. — Я, твой друг, сейчас окажусь заперт в подвале! Меня будут пытаться! Морить голодом. Меня будут пугать — ведь каждого приличного купидона способны привести в состояние ужаса эти скелеты, привидения, зомби! Небеса, разве я заслужил на такую участь? Разве не был для тебя надежной опорой...

— Не был, — уверенно заявила я.

— Не был твоим лучшим другом? Не был тем, кому ты можешь доверить свой самый страшный секрет? — опасно уточнил Димитрий.

— Нет, — возразила я.

— И ты готова теперь меня, своего самого верного купидона, бросить в заточение! Оказывается, ты мне даже не доверяла! — охнул он, решив, что сколь печальной бы не выглядела эта ситуация, он все равно умудрится выкрутиться.

Я только презрительно скривилась. Ни малейшего желания утешать Димитрия у меня не было. А уж тем более каким-либо образом ему помогать.

Он наверняка предатель! Пришел сюда, чтобы выведать у наивной меня информацию, а потом воспользоваться ею в свою пользу.

И мне еще предлагается ему помогать!

— Может быть, ты хочешь облегчить свою участь? — ни с того ни с сего поинтересовался Себастьян.

Обращался он, разумеется, к купидону. Тот заинтересованно подался вперед, всем своим видом показывая, что он готов сотрудничать. Я очень сомневалась, что от этого паразита можно получить реальную помощь, но надеялась, что из того бреда, который он по привычке будет нести, получится хоть как-нибудь вычленивать что-то разумное.

Ведь не может все быть настолько печально, в конце-то концов!

— Хочу! Очень хочу! — заявил Димитрий. — Но говорить я буду только с Эдитой! Потому что именно она — моя начальница, она...

— Еще два его слова, и тебе придется отговаривать меня от процедуры повешенья

одного излишне наглого купидона, — повернулся ко мне Себастьян.

Димитрий проявил чудеса понимания и только зубами клацнул, показывая, что он готов молчать и ни словом, ни полусловом не выражать своего недовольства.

Осталось только добавить «слушаюсь, мой господин», и вообще было бы замечательно! Вот только более искренним оттого не стало б...

— Скажи-ка, кто тебя сюда отправил?

Димитрий открыл рот, то ли собираясь нахамить, то ли придумать очередной бред, то ли — ну а вдруг? — рассказать правду, но не проронил еще ни единого слова. Просто не успел.

Дом внезапно затрясся. Складывалось такое впечатление, что снаружи кто-то выбивает дверь. Скелеты моментально приняли боевые позы, явно собираясь защищать Себастьяна, своего господина, до победного конца.

Димитрий задержался.

— Это тот, из-за кого я оказался здесь! — трагическим шепотом провозгласил он. — Это ужасно! Нам всем здесь грозит смерть! Я завидую мертвым!

Я почувствовала, что мне откровенно не хватало воздуха. Страх волной подкатил к груди. Неужели сейчас все для нас с Себастьяном закончится так бесславно? Ведь там наверняка какой-нибудь Истинный или кто-нибудь вроде того.

— Все равно будем сражаться, — твердо промолвил Себастьян. — Что б там ни было.

— Мы готовы защищать вас! — хором сообщили скелеты, хотя никто не просил их жертвовать собой ради нас с Себастьяном.

Но их рвение, кажется, было куда большим, чем мы могли рассчитывать. Верность, которой позавидовали бы даже живые!

Дверь задрожала и наконец-то распахнулась. За спиной что-то загрохотало: Димитрий, испугавшись до ужаса, потерял сознание. И, если честно, я была готова присоединиться к нему.

Потому что застывший в дверном проеме враг просто потрясал.

## Глава девятая

Признаться, растерялись все, и я в том числе. Себастьян ошеломленно моргал, не зная, то ли ему швыряться своим заклинанием, то ли все-таки немного повременить с активными действиями, скелеты не знали, бросаться ли в бой. Я же, шурясь, находила в этом огромном существе все новые и новые признаки...

Своего вазона.

— Это же трахиандра! — воскликнула я, когда растение заклацало своими зубами и совершило попытку подойти поближе. — Себастьян, помнишь? Твой подарок! Родная, а что ты здесь забыла-то?

Трахиандра на мгновение замерла, явно прикидывая, стоит ли доверять мне, та ли это Эдита, да и вообще, что именно тут происходит, а потом со всех... ног, лап, корней? Бросилась меня обнимать.

Я не ожидала, что вазон так быстро даст в рост. Если честно, от того крохотного растения, что подарил мне Себастьян, остались только воспоминания да торчащая на одном из корней подобно кольцу рынка с пробитым дном. На ней я впервые за долгое время рассмотрела и подарочную надпись. «Дорогой Эдите», — гласила она.

Трахиандра, словно большой пес, попыталась меня лизнуть, измазала растительным соком и свернулась у ног, ласково урча. Одно щупальце-корень, впрочем, уже совершало активные попытки приподнять доску и просунуться внутрь. Второе поползло к Димитрию и уверенно оплело его ногу.

— Это не враг, — рассмеялась я. — Это друг! Можете не переживать!

— Это оживший мертвец? — опасливо уточнил Томас, явно боясь представить, как же трахиандра могла выглядеть при жизни.

— Нет, — покачал головой Себастьян. — Это не мертвец. Он живой.

— Ого, — присвистнул кто-то из зомби.

— Не он, — я присела на корточки, почесывая трахиандру, — а она. Ты же девочка?

Вазон согласно заурчал и потерся о мою руку одним из стеблей.

Что ж, признаться, я была рада видеть это хищное растение у себя дома.

— Ты послала этого? — уточнила я у трахиандры, кивая на Димитрия, все еще валявшегося без признаков жизни. Он только подергивался изредка и, кажется, в самом деле был без сознания, а не притворялся.

Вазон задержался, отрицая любые отношения с купидоном. Трахиандра полежала немного, а потом вытянула один корень и попыталась что-то нацарапать на полу.

— Принесите земли или песка! — велела я, поняв задумку.

Томас повиновался. Не знаю, куда он сбегал, но уже через три минуты вернулся назад с ведром песка и высыпал его рядом с трахиандрой. Растение решительно провело стеблем по песку, выравнивая его, а потом осторожно принялось выводить буквы.

«Я следила за ним. Он действовал по чьему-то приказу и пытался выследить тебя, госпожа Эдита. Я пришла, чтобы защитить тебя. Но мне пришлось притворяться. Растение трудно перемещаться в общественных местах так, чтобы не привлекать лишнее внимание».

— Ты молодец, — искренне похвалила я трахиандру. — Видишь, Себастьян. Я ж говорила. Не мог этот паразит действовать из хороших побуждений!

— Да кто б сомневался, — пожал плечами мужчина. — Надо упаковать его куда-

нибудь... Томас?

— Будет сделано! — гордо сообщил скелет и, не медля, схватил Димитрия за плечи и поволок. Остальные мертвецы, шумя, бросились следом за своим предводителем.

Я проводила его взглядом и повернулась к трахиандре.

— Тебе б, наверное, в землю лучше?

«Я могу расти в саду. Мне надо минимум 12 часов в сутки проводить в земле. Я выйду?»

— Я провожу, — вызвалась я. — Себастьян, ты как, нормально?

— Конечно, — кивнул мужчина. — Потрясеный многовато, но как-нибудь я уж с этим справлюсь сам.

Я осторожно поднялась с пола и, так и оставив песок на полу с мыслью, что уберу потом самостоятельно, не буду уже звать скелетов, повела трахиандру на улицу.

Мы довольно быстро отыскивали мягкую, рыхлую землю, в которую удалось зарыться вазону. Я даже сумела осторожно снять с корня остатки рынки.

— И большая ты будешь, когда вырастешь? — поинтересовалась я у трахиандры.

Она согласно задергала стеблями.

— Хорошо... Отдохнешь?

Опять согласный «кивок».

— Тогда я пойду. Может быть, полить тебя надо? Или удобрений? — теперь, кажется, трахиандра отказывалась.

Я вздохнула.

— Ну хорошо.

Сейчас у меня было только одно желание — лечь в кровать и уснуть. Но, вернувшись в дом и обнаружив, что Себастьяна там нет, я поняла: он в лаборатории. И ему, возможно, понадобится помощь.

Я поднялась по ступенькам в лабораторию бога смерти, впрочем, остановившись на несколько секунд у самого входа — не хотелось помешать Себастьяну. Однако, мысль о том, что он может не справиться с чем-то сам, заставила меня все-таки ускорить шаг. Ведь Себастьян уже очень много колдовал сегодня и наверняка очень сильно устал. Помощь точно не будет лишней!

Мужчина стоял у того самого шара, наполненного энергией смерти, и рассматривал его с таким профессиональным интересом, будто раздумывал, с какой бы это стороны подойти и что попытаться сделать. Несколько раз он осторожно постучал по поверхности костяшками пальцев и прислушался к звуку, остался недоволен эффектом, хмыкнул и отступил на полшага.

— Что-то не так?

— Системе причинили достаточно сильный вред, — промолвил Себастьян. — Понимаешь ли, разово растрачивая энергию на мертвецов, она должна восстанавливать ее в результате действий этих самых мертвецов. Остаточная энергия не рассеивается, а возвращается на места. Но эту энергию очень долго нагло воровали. Всех тех оживленцев в деревне создали лишь для того, чтобы через них, как через канал, вытягивать магию...

— Но ведь ты ее забрал?

— Эту порцию да, — утвердительно кивнул он. — И она будет путеводной нитью для того, чтобы удерживать баланс... Хотя я все-таки полагаю, что их надо уложить обратно в могилы, чтобы не разгуливали. Бесконтрольные живые мертвецы — совсем не то, что нужно поощрять.

— Поняла, — серьезно кивнула я. — Но получается, что Томас и компания не должны были истощать шар? И он опустевал только за счет внешних потерь? Потому что Базилий воровал магию?

— Да, скорее всего, — согласился со мной Себастьян. — Но отобрать силу у Базилия уже нельзя — потому что, во-первых, он давно переработал ее во что-то иное, а во-вторых, Риан и так лишил его магии... И правильно сделал, между прочим, потому что это обязательно надо было прекратить, — мужчина защелкал языком. — Меня смущает другое... Где взять теперь силу? Что и как мне надо переделать, чтобы восстановить баланс?

— А оставить так нельзя? Ведь этот шар, по сути, должен функционировать, даже если магии будет совсем немножко.

Себастьян отрицательно покачал головой.

— Он-то должен, — протянул мужчина, — но это не значит, что он будет так делать. Понимаешь ли, тут мы сталкиваемся с такой неприятной штукой, как страховочный механизм. Подобный сработал на твоих стрелах.

— Поясни.

— По логике, благодаря дому богини любви можно было изготавливать без потерь неограниченное количество стрел. Они создавались из магии этого мира, из самого средоточия его творения. Однако, стрелы изготавливались у Георга в кузнице из остаточных материалов и из того, что удавалось обнаружить. Вполне возможно, что эти самые полезные ископаемые — это такие же щели, сквозь которые энергия любви пробивается в наш мир из другого измерения, того, на основании которого мир был создан. Есть определенный объем, который можно выпустить без последствий, и я полагаю, что сущность баланса в том, чтобы вернуть на место то, что взяли у мира. Взять стрелу, а отдать любовь, понимаешь?

Я сосредоточенно кивнула.

— А не поломанное нечто, — скривился Себастьян. — Вот и итог, поскольку стрелы стали лететь не туда, страховочные механизмы начали сворачиваться. Просто источников было много, и тот, который в лаборатории любви, еще не пострадал.

— Выходит, что этот шар — один из источников энергии смерти? И он стремительно истощается?

— Скорее, это та самая щель, которая, как страховочный механизм, может захлопнуться. У энергии смерти несколько иной принцип действия, чем у любви. Люди всегда умирают, и она пополняется автоматически, но определенные ее накопленные ресурсы можно использовать в собственных целях. Для поддержки обслуживающего механизма — то есть, для функционирования, — нужна излишняя энергия смерти. Она позволяет гарантировать, что в случае какой-то поломки будет чем латать дыры.

— А у нас нечем.

— Ну, немного осталось... Но запас придется пополнять. И в отличие от энергии любви, тут... Ну не убивать же кого-то нарочно и с особой жестокостью. Да и не поможет. Моих знаний недостаточно, чтобы сказать, откуда она берется.

Себастьян вздохнул и наконец-то добыл из кармана тот самый кулон, который использовал для накопления энергии. Он прижал его к шару, и тот неожиданно для меня — да и для самого Себастьяна, наверное, тоже, — буквально втянул в себя кулон. Снаружи осталась цепочка, на которой тот держался, а вот сам предмет оказался по ту сторону стекла. С него медленно, тонкой струйкой вытекала энергия смерти.

— Как думаешь, много она пополнит? — спросила я у мужчины, наблюдая за

смолянистыми капельками.

— Не знаю. Думаю, да, — пожал плечами Себастьян. — По крайней мере, что-то восстановить должна. Я завтра схожу, соберу часть мертвецов и отправлю их в могилы. Чтобы по крайней мере частично успокоить эту аномалию. И ты не будешь против, если я приглашу Марфу к нам? Негоже оставлять пожилую женщину одну в вымершей деревне.

— Конечно, не буду против, — улыбнулась я. — Она хорошая. Удивительно, как только с ума не сошла, в таких-то условиях.

Себастьян только пожал плечами. Он обнял меня, притягивая к себе, и ни с того ни с сего спросил:

— А какую ты хочешь свадьбу?

Я, если честно, оторопела. Вопрос Себастьяна прозвучал совсем неожиданно — казалось, мы только что говорили о мировом балансе, а теперь он совершенно серьезно спрашивал меня о замужестве и совершенно точно не спешил брать свои слова обратно и заговаривать о чем-нибудь отвлеченном.

Себастьян протянул руку, коснулся кончиками пальцев моих волос, будто представлял себе фату. Я вздрогнула и, позволив себе немного расслабиться, опустила голову ему на плечо. Себастьян казался таким надежным... Признаться, я никогда не думала, что мне может быть настолько легко и спокойно рядом с каким-нибудь мужчиной. Тем более, в подобных условиях!

Но Себастьяну хотелось верить. Он был в самом деле опорой. Не каким-то случайным человеком, на которого и рассчитывать-то не приходится, не просто кавалером, при котором все проблемы все равно решаешь сама, а чем-то незыблемым и постоянным. Мужчиной, который не оставит и не предаст, который готов разделить со мной и горе, и радость.

— А богиням любви и богам смерти вообще можно жениться? — ни с того ни с сего спросила я.

Себастьян пожал плечами.

— Можно, почему нет? К тому же, мы вроде как в бегах. Так что ничто не способно помешать нам стать супругами.

— Хочется в это верить, — хихикнула я. — Главное, чтобы нас не решили навестить какие-нибудь очередные Истинные.

— Это да.

Себастьян сбросил свое извечное полупальто, черное и добавлявшее его образу мрачности — он не расставался с ним даже на улице, — постелил на пол возле шара и уселся, потом протянул ко мне руки, поманив к себе.

Я с удовольствием устроилась в его объятиях, опустила голову ему на плечо и закрыла глаза. После тяжелой первой половины дня настоящим блаженством было вот так отдыхать, ни о чем не задумываясь.

— Я представляю тебя в белом платье, — прошептал он. — Таким... Не очень пышном, может быть, отчасти старинном. Красивом, с кружевами. Тебе будет очень идти.

— Белый — цвет непорочности. Невинной невесты с меня уже не выйдет, — хмыкнула я, забыв упомянуть, что в моем мире это никому белое платье надеть уже не мешало.

— Что за глупости? — возмутился Себастьян. — Порочная нашлась! Порочность — это не о том, с кем женщина по любви когда-либо делила ложе. Или мужчина. Порочность это о чистоте души... К тому же, — бог смерти усмехнулся, — на тот момент ты уже приняла мое предложение руки и сердца. И ты только моя.

— А тебе это важно?

— Ну, как тебе сказать, — пожал плечами мужчина. — Мне важно, чтобы ты больше не смотрела ни на каких других мужчин. А что было до, не имеет значения.

— Удобно так говорить, когда «до» ничего не было.

— Конечно, — хмыкнул Себастьян. — Так я ж не вслепую выбирал себе невесту!

Мы рассмеялись. Я еще больше расслабилась и подумала, что стать женой такого мужчины, наверное, лучшее, что может произойти со мной в жизни. А потом вдруг призналась:

— У меня был жених. Двойник Димитрия из моего мира. Меня он не любил; я была влюблена, но всегда сначала думала головой, а потом что-то делала. Он, кажется. Претендовал на мою квартиру. Мы расстались незадолго до того, как местная Эдита решила произвести обмен. Но это можно было назвать серьезными отношениями...

Я выдержала короткую паузу, а потом добавила:

— Почти.

— Почти не считается, — Себастьян поцеловал меня в висок.

— А у тебя были отношения?

— До того, как я стал богом смерти, у меня была девушка. О свадьбе мы не заговаривали, но оно как бы подразумевалось. А потом меня выбрали, и она ушла. Не каждому хочется, чтобы любимый приходил домой с торчащей из кармана костью, или чтобы за ним по пятам тащился какой-то обнаглевший скелет, поднявшийся от остаточной магии. А призраки! Когда я только начинал работать, они летали за мной толпами. Потом я научился ставить предохранители, чтобы они не возникали из неоткуда. Стало полегче.

Я вдохнула.

— Однако...

— Да, жизнь порой подбрасывает интересные приключения.

Мы с Себастьяном переглянулись и дружно рассмеялись.

— А потом меня с головой поглотила работа. Я настолько увлекся делами бога смерти, что как-то не особенно задумывался о приключениях. Родители мои вот вообще невесть как познакомились, но уже больше тридцати лет вместе и расставаться не собираются.

— У Рене и Эдиты ведь тоже есть родители? — вдруг промолвила я. — А я даже не знаю, кто... мои умерли. Я там была совершенно одинока. А здесь...

— Ты не должна думать о людях, которых не знаешь.

— Должна, — возразила я. — И ты прекрасно это понимаешь. Как им теперь? Дочь подевалась неизвестно куда, вместо нее самозванка с тем же лицом и тем же именем. А сын...

- Они могут им гордиться.

— Да. Но только трудно гордиться тем, кто перестал принадлежать этому миру, — вздрогнула я, вспоминая холодную улыбку Рене и такие живые, ясно-синие глаза. — Он теперь Истинный. Бессмертный. Только, кажется, совершенно не хочет им быть...

— Давай не будем о грустном, — Себастьян поцеловал меня в висок.

— Тогда давай о насущном, — усмехнулась я. — Например, о том, кто нас будет венчать.

— Между прочим, — донеслось со входа, и по ступенькам к нам поднялся Томас, — у нас в штате даже есть священник!

## Глава десятая

Мы с Себастьяном дружно уставились на скелет. Тот сиял, как начищенный пятак — значит, подслушивал как минимум часть разговора и уже преисполнился предсвадебного энтузиазма.

— Гарантирую, — торжественно заявил он, — что это будет самая лучшая свадьба всех времен и народов! Мы закажем пир на весь мир, шуметь будет так, что...

— Эй! — воскликнула я, понимая, чем могут закончиться подобные инициативы со стороны скелета. — Вот тут, пожалуйста, не надо! Никакого шума! Мы хотим тихую, спокойную свадьбу...

Томас недоуменно заморгал. В отличие от нас тихой, спокойной свадьбы он не хотел и явно настроился на то, что шуметь будет так, что с того света будет слышно.

— ...Желательно, не привлекающую ничье внимание, — продолжил за меня Себастьян, — и вообще без гостей.

— А на деле, мы бы просто тихонько обвенчались, — утвердительно кивнула я. — И все! Больше ничего не нужно!

Томас смотрел на нас, как на умалишенных. Колдовская энергия, концентрировавшаяся где-то в зоне пустых глазниц, сейчас отображала нечто схожее с удивленными глазами. По челюсти Томаса сползла одинокая смоляная слеза, невесть откуда взявшаяся у уже давным-давно мертвого существа.

— Как же!.. — прошептал он. — Как же!.. Мы так мечтали о празднике! Мы представляли, как будем радостно отмечать ваше бракосочетание...

Мы с Себастьяном недоуменно переглянулись.

Конечно, предыдущий опыт общения со скелетами явственно показывал, что не стоит принимать их за бесчувственные кости. Они и любили, и обижались, и восторгались — в общем, обладали полным набором чувств обычного человека, только с несколько видоизмененной физиологией.

Но я все равно не понимала, откуда в оживших скелетах может быть столько жажды праздника и торжества. И уж тем более даже не подозревала, что они будут уговаривать нас с Себастьяном погромче отметить свадьбу.

Зря не подозревала.

Потому что Томас, осознав, что его демонстративное поведение пока что не было достаточно убедительным, спешно грохнулся на колени и пополз к нам, сложив руки в молящем жесте.

— Ну пожалуйста! — взвыл он. — Мы все готовы не вставать с колен! Я могу даже открутить себе голеностопы, если вы разрешите!.. Если позволите хотя бы понадеяться!.. Умоляю!..

Себастьян крепче приобнял меня и нахмурился. Он явно не знал, как отказать Томасу так, чтобы он при этом не открутил себе ни голеностоп, ни какую-нибудь другую не менее важную часть тела. Судя по всему, скелет был готов приступить к воплощению угроз в действительность сию же секунду, не терпя отлагательств.

— Ну, хорошо, — сдалась я. — Мы обвенчаемся... Ты же сказал, что у вас тут есть священник, в штате? Вот, воспользуемся его услугами.

— А платье? — уточнил Томас. — И фрак?

Себастьян тяжело вздохнул.

— Нам неоткуда взять...

— Мадам Дюбо прекрасно шьет!

Я понятия не имела, кто такая мадам Дюбо, но могла предположить, что это одна из скелетих.

Что ж, ничего страшного в том, чтобы походить во фраке и в пышном платье мы с Себастьяном не видели. Ну, по крайней мере, я не видела, а посему надеялась, что Себастьян имеет идентичное мнение.

— Ладно, — пришлось согласиться. — Будет платье.

— И фрак, — утвердительно кивнул Себастьян. — Только, пожалуйста, не трогай свой голеностоп. И вообще, оставь ноги в покое.

— А застолье? — уточнил Томас.

— Никакого засто... — начал бог смерти, но не успел договорить. Томас, собиравшийся уже подниматься, пополз в два раза быстрее.

Кости гремели так, что, наверное, могли поднять оставшихся на кладбище мертвецов из могил.

— Если вы хотите, я могу выдрать себе ключицы! — пообещал Томас. — Или руки! Я готов на все!..

Он уже попытался выкрутить себе лучевую кость, но Себастьян, поняв, что шансов спастись от желания скелетов устроить празднество нет, поспешил его заверить:

— Вы можете сделать празднество! Но на свадьбе будет только двое... Ну, трое, если Марфа согласится к нам присоединиться.

— А мы?! — поразился Томас.

— Он имел в виду, только трое живых, — с улыбкой пояснила я, надеясь, что верно разгадала смысл послания своего будущего мужа. — Мы бы не хотели афишировать наше присутствие в доме Смерти перед посторонними. Потому никакого созыва жителей всех деревень из округи!

— А вы, — дополнил Себастьян, — можете присоединиться полным составом, разумеется. Но я не уверен насчет того, что вы употребляете что-нибудь в пищу...

— Не употребляем, — печально согласился Томас. — Но очень любим готовить! Можно мы приготовим много разных блюд? А уж сколько вы сможете попробовать, столько и будет.

— Можно, — вздохнула я, понимая, что спорить бесполезно. — Но не слишком большими порциями!

— Разумеется! — выпалил Томас, всем своим видом показывая, что нас услышал, сделал свои выводы, но все равно поступит так, как ему заблагорассудится.

— Только встань с колен, пожалуйста, — попросила я, понадеявшись, что требования относительно нашей с Себастьяном свадьбы закончились, и наш дорогой друг Томас наконец-то хоть немного успокоится. — И не надо вырывать себе кости! Ты нам нужен живым... ну, то есть, оживленным и здоровым. Хорошо? И, кстати, как Петер? Которого ранил Димитрий? Может быть, ему нужна помощь?

Томас наконец-то поднялся. Упоминание о раненном друге его несколько расстроило, но при этом еще и успокоило.

— Петер не очень, но ему уже лучше. Кости починятся, но ему придется еще долго отходить от шока. Этот отвратительный мужчина, этот слизняк называл нас жуткими словами!

Я могла себе представить, как высказывался Димитрий.

— Потому, — хитро дополнил Томас, — свадьба просто необходима нам для восстановления душевного равновесия... А когда мы будем ее отмечать?

Себастьян задумчиво почесал затылок.

— Мы еще не обсуждали дату...

— Значит, — сделал свой радостный вывод Томас, — чем быстрее, тем лучше!

Я замерла. Если честно, в эту секунду боялась услышать что-то вроде «мы еще не готовы» или «не стоит торопиться».

Себастьян выглядел так же растерянно, как и я. Он заморгал, словно пытаясь осознать всю серьезность положения, а потом осторожно промолвил:

— Да, если Эдита не против. Любимая?..

— Не против, конечно, — расплылась в улыбке я. — В нашем положении спешка не будет изъясном...

Невольно вспомнилось о том, что Истинные все еще охотились за нами. И хоть Рене и показал, что пока что не имеет никакого желания разыскивать бога смерти, а уж тем более превращать его в горстку пепла, я не знала, насколько то же самое можно было сказать по отношению ко мне.

Может быть, Рене считает, что мы разделились.

Или просто не думал, что настолько глупы, чтобы сидеть там, у него под носом, да еще и колдовать! И сказал те слова так, в воздух...

Вопросов было слишком много. Ответы же предоставить было некому. И у меня на задворках сознания промелькнула сначала эгоистичная мысль о том, что хоть умру замужней, а потом — тревожная, что таким образом увлеку Себастьяна с собой на тот свет. Нельзя тянуть любимого в петлю, даже если очень не хочется болтаться там в одиночестве.

— Замечательно! — радостно воскликнул Томас, явно не заметив нашей с Себастьяном общей печали. — Отлично! Прекрасно! Спасибо!

Он подпрыгнул в воздухе, щелкнул пятками, высекая несколько искр, и помчался вниз, вопя о том, что узнал.

— Господин бог смерти и его избранница собираются пожениться! Мы будем устраивать свадьбу!

— Где-то в подвале только что взвыл один Димитрий, — улыбнулся Себастьян. Настроение у него было явно хорошее.

В отличие от моего.

— Послушай... — я придержала мужчину за руку. — Ты уверен, что оно нам сейчас вообще нужно? Я очень хочу стать твоей женой, но... Я подвергаю тебя опасности. Тебя могли бы пощадить. А теперь ты будешь повязан со мной...

— Эдита, — Себастьян взял меня за руки, — во-первых, я хочу быть уверенным в том, что ты моя. И перед Небесами тоже. Во-вторых, я достаточно сильно тебя люблю, чтобы жизнь без тебя не казалась высшим благом. А в-третьих, если б нас нашли, меня бы все равно никто не пощадил. И это осознанный выбор, сделанный мною уже давно... Но нас не найдут.

— Ты так уверен в этом?

— Конечно. Никто нас искать не станет, — твердо промолвил Себастьян. — Никогда. В этом просто нет смысла. Рене же не дурак. Он прекрасно понимает, что баланс расшатан отнюдь не твоим перемещением. У него сейчас полно других проблем.

— Истинные будут настаивать.

— Ты видела, что произошло с Базилием.

— Но Рене не сделает такого со всеми!

— Мы не можем этого гарантировать.

Я вздохнула. С точки зрения логики Себастьян был прав, но неясное беспокойство, поселившееся в моем сердце, все равно никуда не исчезло.

Мужчина вновь обнял меня, прижимая к своей груди, и поцеловал в висок. Я наслаждалась теплом от присутствия Себастьяна и позволила убедить себя в том, что все действительно будет хорошо. Хотя бы какое-то время...

— Не бойся, — прошептал мне на ухо мужчина. — Мы со всем справимся. Я тебе обещаю.

Я хотела сказать, что верю ему, но слова встали комом в горле. Себастьян не провидец и...

— Не позволю! — вдруг раздался снизу громкий вой. — Этого не будет никогда, потому что этого не будет никогда!

Я аж подскочила на месте, едва не ударив случайно Себастьяна.

— Никого не интересует твое мнение, вражина! — возмутились в ответ. — А если ты не будешь себя хорошо вести, то мы не только запрем тебя в подвале, а еще и свяжем!

— Это Димитрий, — выдохнул с облегчением бог смерти. — Устроил очередную истерику относительно того, что мы собираемся пожениться, очевидно.

— От него еще будут проблемы, — покачала головой я. — Не просто так он здесь появился.

— Несомненно, но давай просто не переживать об этом, — с улыбкой предложил мне Себастьян. — Достаточно страха, это все равно никому не сделает лучше. Я хочу наслаждаться проводимым с тобой временем и не думать о том, что случится завтра.

Я усмехнулась. В нашей ситуации это было единственным способом не довести себя до состояния абсолютного морального истощения.

Потому что если начать смотреть на жизнь с умом, то сразу станет понятно: пора уже идти вещаться, настолько все грустно. Мы спрятались невесть куда от целого мира и пока что искренне надеемся на то, что нас не найдут, но если б знать, насколько долго удастся вот так легко укрываться от мира! Я очень сомневалась в том, что у меня действительно был шанс однажды стать полноценной частью этой вселенной.

— Все будет хорошо, — ободряюще подмигнул мне Себастьян. — А если не захочет быть — заставим. Наши скелеты могут научить.

Внизу что-то загремело.

— Надо пойти, посмотреть, что там происходит, — неуверенно промолвила я, если честно, очень сомневаясь в том, что действительно найду для этого достаточно сил. — Может быть, они там Димитрия уже пытаются?

— Я б не отказался...

— Себастьян, прекрати, — одернула мужчину я. — Он, конечно, не лучший из людей, но...

То, как демонстративно бог смерти закатил глаза, показывало, что никакое «но» по отношению к Димитрию он и вовсе не приемлет. Я только вздохнула и через силу улыбнулась, показывая, что на самом деле никакой милости оказывать купидону не собираюсь.

Шар за спиной, в последний раз польхнув и приняв оставшиеся несколько капелек магической энергии, буквально отплюнул наружу тот самый кулон, в котором Себастьян собирал энергию. Бог смерти поднял украшение с пола, сжал его в кулаке, а потом решительно встал и подал мне руку

— Достаточно на сегодня работы, — заявил он. — Пойдем. Нам с тобой просто необходимо отдохнуть.

— Ничего не имею против, — совершенно искренне кивнула я.

Сейчас очень хотелось насладиться теплой водой, понежиться в ванной, поесть вкусной еды... Тем более, Димитрий вроде как затих, а значит, я могла не переживать за его жизнь. Либо наши скелеты уже успели его придушить, чтобы не мешал, либо — я надеялась на второе, — купидон включил голову, активизировал те остатки серого вещества, что у него там содержались, и притих добровольно, без лишнего насилия.

Мы с Себастьяном, держась за руки, покинули лабораторию и направились было к спальне, искренне надеясь, что сможем там уединиться. Я уже представляла себе, как лягу на кровать, закрою глаза и провалюсь в сладкий сон, и плевать на то, что на улице еще ярко светит солнце, а до ночи еще очень долго.

Или, может быть, сначала принять ванную, а потом...

Мои мысли оборвались на полуслове. Себастьян открыл дверь, пропуская меня в спальню первой, а оттуда буквально вихрем вылетела скелетиха.

— Томас мне обо всем рассказал! — воскликнула она. — О том, что вы собираетесь пожениться! Это роскошная новость! Самая лучшая, которая только может быть! Я уже готова снимать мерки! Немедленно! Сию же секунду!

Наверное, все мои эмоции по этому поводу были отражены на лице, но скелетиха решила, что проявлять чуткость — удел не для мертвых, потому кислую мину уверенно проигнорировала.

— Я вижу, что вы очень рады! — заявила она с такой уверенностью, словно я только что пустилась в пляс от новости о пошиве платья. — Сейчас! У меня уже с собой сантиметровая лента...

Я смутилась. Отказывать скелетам, которые так мило смотрели на меня и, кажется, были готовы бросить весь мир к моим ногам, я совершенно не умела. Если честно, это казалось мне просто невозможным. Казалось бы, они мертвые, и я не должна была чувствовать по отношению к ним равным счетом ничего, а сама смущалась, словно ребенок, и боялась отказать.

— Нет, — неожиданно принял на себя эту миссию Себастьян. — К сожалению, мы не будем сегодня снимать мерки.

— Но... — запнулась скелетиха.

— Мы с Эдитой очень устали, — твердо промолвил бог смерти. — И хотим немного времени провести вдвоем.

— Так я могу зайти через полчаса?

Я уже почти согласилась и на это, радуясь хотя бы короткой передышке, но Себастьян явно решил проявить решительность и в очередной раз показать мне, каким именно должен быть настоящий мужчина.

— Нет, — еще раз твердо промолвил он. — Ничего делать не надо. Мерки будем снимать завтра. И не прямо с утра, а попозже, ближе к обеду. А сейчас мы с Эдитой хотим отдохнуть, и беспокоить нас не надо. Хорошо?

— Хорошо, — печально вздохнула скелетиха. — Как прикажете, господин бог смерти...

И ушла! Ушла!

— Себастьян, — прошептала я, — ты просто невероятен.

— Спасибо, — улыбнулся он. — Стараюсь удивлять мою любимую каждый день все больше и больше.

— Удачно стараешься, — хмыкнула я.

Нет, все же, мне достался лучший из мужчин!

## Глава одиннадцатая

Я нехотя открыла глаза и повернулась набок. После вчерашнего безумного дня хотелось поваляться в постели до обеда и не думать ни о чем плохом. Мир за окном приветливо тянулся к нам, пытаясь разбудить яркими солнечными лучами, и я, лежа на боку, сонно щурилась, пытаясь немного привыкнуть к свету.

— Доброе утро, — Себастьян придвинулся ко мне чуть ближе и поцеловал в плечо. — Как спалось?

— Замечательно. Хотя вчера я чувствовала себя так, словно на мне булыжники возили, — тихо рассмеялась я, переворачиваясь на спину и потянувшись к нему. — А ты как?

Провела ладонью по его плечу, наслаждаясь теплотой кожи мужчины. Себастьян наклонился ко мне, запечатлевая быстрым поцелуем на ключице, и я рассмеялась — было приятно и немного щекотно.

Себастьян навис надо мной, упираясь ладонями в постель, и заглянул в глаза, словно пытаясь разгадать что-то. Я вопросительно изогнула брови в ответ, как будто спрашивая — что не так, что заставило его засомневаться? Себастьян только тихо хмыкнул.

— Ты утром такая...

— Какая? — изогнула брови я.

— Настоящая богиня любви.

Я понятия не имела, что это могло бы значить, но только рассмеялась в ответ и потянулась к Себастьяну за поцелуем. Нас разделяли всего лишь несколько сантиметров, преодолеть которые было делом нескольких секунд, но мы даже этого не успели сделать. Все-таки, все самое важное происходит в одно мгновение. В одно мгновение человек влюбляется, в одно мгновение и на всю будущую вечность останавливается его сердце...

В одно мгновение, но обычно очень неудачное, настежь распахиваются двери.

— Господин бог смерти, госпожа невеста бога смерти! — восклицание, сопровождаемое жутким грохотом, заставило Себастьяна откатиться от меня в сторону, а меня саму — натянуть одеяло почти до подбородка, скрываясь от постороннего взгляда. — Я пришла снять мерки для пошива платья!

Я села, вжимаясь спиной в стенку кровати, и испуганно уставилась на скелетиху, застывшую в дверном проеме.

Мадам Дюбо — а это была именно она, — прибыла во всеоружии, окруженная горами сантиметровых лент, тканей, кружев, каких-то совершенно невероятных предметов, наверное, предназначенных для примерки, а еще — с манекеном. Сама она, как всегда хорошо одетая, в шляпке, да еще и с торчащим из нее пером, явно рассчитывала составить благоприятное впечатление о себе-любимой и собиралась действовать быстро и идти напролом. По крайней мере, вид у нее был невероятно решительный.

— Вы ж должны были прийти ближе к обеду, — неуверенно промолвила я, не зная, плакать мне или бросаться к окну, чтобы успеть спастись от этой женщины.

Хорошее утро было разбито вдребезги. Решительно настроенная мадам Дюбо точно не собиралась оставлять меня в покое.

— Восемь утра — очень близкое к обеду время! — заявила она, нисколько не стесняясь собственной наглости. — Это идеальное время для того, чтобы начать примерку!

К тому же, вы как раз в идеальном для нее состоянии.

— Но я раздета!

— Я же говорю — в идеальном! Не придется снимать одежду, чтобы как можно более точно снять все мерки!

Мадам Дюбо даже попыталась стянуть с меня одеяло, но я вцепилась в него мертвой хваткой. Себастьян же, явно утомившись от такой невероятной наглости, только раздраженно кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Оставьте нас наедине.

— Но ведь мы должны были снимать мерки! — возмутилась скелетиха.

— Все же, восемь утра не настолько близко к обеду, как десять. Или двенадцать. Или час дня, например. Потому мы выберем более близкое время, — мрачно промолвил Себастьян. — Мы с Эдитой сначала придем в себя, позавтракаем...

— Протестую! — возмутилась мадам Дюбо. — Мерки лучше снимать на голодный желудок! И вообще!.. — она перехватила внимательный взгляд Себастьяна. — Я подожду. Как прикажете, господин бог смерти.

Она попятилась, отступая за дверь, и тихонько прикрыла ее за собой. Я же едва сдержала полный усталости и разочарования во всем окружающем меня стон. Если честно, единственное, чего мне сейчас хотелось — это вновь провалиться в сон, а не опять браться за все эти невероятно важные дела, окружавшие меня.

— Может быть, — вкрадчиво промолвила я, обращаясь к Себастьяну, — мы куда-нибудь сбежим? Спрячемся от них? Чтобы нас никто-никто не видел?..

— Я думаю, — покачал головой мужчина, — что это невозможно. Это же мертвецы. Они достанут нас из-под земли и все равно заставят примерять платье да фрак и наслаждаться предстоящим праздником.

— Я никогда не задумывалась о том, что свадьба — настолько хлопотное мероприятие.

— Я тоже, — усмехнулся Себастьян. — Но, как видишь, в жизни случается много нового и незапланированного.

Он весело подмигнул мне, явно пытаясь развеселить, но я только поморщилась, уже представляя себе, как далеко могут зайти скелеты в своем отчаянном желании обеспечить нам с Себастьяном идеальную свадьбу.

— Пойду посмотрю, что там задумали все остальные, — вздохнул Себастьян. — Потому что какое-то у меня не очень хорошее предчувствие.

Я не очень хотела оставаться наедине, без Себастьяна, но знала, что не отпустить его сейчас было бы настоящей глупостью, да еще и вдобавок актом недоверия. Потому я только задумчиво кивнула и закрыла глаза, пока мужчина одевался — наслаждалась еще несколькими отвоеванными у сверхинициативных мертвецов минутами сна.

Когда за Себастьяном закрылась дверь, я поняла, что и самой пора бы вставать. Все-таки, скелеты, не скелеты, а дел было полно, и их таки надо было кому-то делать. Я б с удовольствием сейчас повалилась еще немного, хоть и не понимала причин такого бессилия и желания отдохнуть, но не могла себе этого позволить.

Потому, собравшись с силами, я отбросила в сторону одеяло, нашарила брошенную на стул одежду и принялась приводить себя в порядок.

Если честно, из зеркала на меня смотрела не сияющая от радости невеста, а уставшая, сонная, немного испуганная девушка. Я сначала даже задалась вопросом, откуда такая печать усталости у меня на лице, но потом сама же и нашла ответ — просто слишком много

всего навалилось в последнее время, и я даже не до конца понимала, ждет ли в итоге нас с Себастьяном что-нибудь похожее на хороший конец. Тут бы хоть маленькую уверенность в том, что все действительно будет хорошо, но...

Я провела расческой по волосам и вздрогнула — зубцы гребня уперлись в какой-то узел. Распутать его оказалось не так-то просто; я аж зашипела от боли, пытаясь справиться с невесть откуда появившимся препятствием, и тяжело вздохнула, потерпев практически окончательную неудачу.

— Помочь? — раздалось вдруг над ухом.

Я едва не подпрыгнула на месте от неожиданности и стремительно обернулась. Мадам Дюбо буквально нависала надо мной, причем с таким ласковым видом, словно успела смочить зубцы расчески слотворным, и сейчас я, пораженная действием препарата, буду полностью предоставлена ее власти.

— Кажется, вы ушли? — опасливо уточнила я, невесть почему обращаясь к скелетихе на «вы» и со странным оттенком уважения, смешанного с опаской.

— Конечно! Но я обещала вернуться ближе к обеду. А десять минут девятого однозначно ближе к обеду, чем восемь!

— Всего лишь на десять минут.

— Что есть время? Всего лишь совокупность бесконечно коротких мгновений! — патетично отозвалась мадам Дюбо. — И их за эти десять минут прошло бесчисленное количество! Я не успела сосчитать и миллионную их долю, а уже дошла до тысячи!

Я усмехнулась.

— Ладно. Давайте снимем мерки, — пришлось сдаться на волю победительницы, то есть, мадам Дюбо. — Но я все равно не понимаю, откуда появилось столь рьяное желание устроить нашу с Себастьяном свадьбу.

Она только вздохнула.

— Мы достаточно долго были довольно несчастны, — сообщила мне женщина, взявшись за сантиметровую ленту и принявшись снимать мои параметры. — Мы были одиноки. Что могут праздновать скелеты? День рождения? Уже не актуально. День смерти? Как-то не очень весело отмечать, дожидаясь очередного юбилея. Кто-то из нас хорошо помнил прошлую жизнь, кто-то умудрился все забыть, и трудно сказать, кому из этих двоих сложнее... Но важно другое. Мы наконец-то увидели в вас с господином богом смерти то, что подтолкнет нас к дальнейшей деятельности. Это какой великолепный стимул — прислуживать живым! Знаете, Эдита, ведь все мы при жизни частенько просим об отдыхе...

Я только задумчиво кивнула. Мне бы сейчас отдых не помешал.

— Но отдых... Он нужен только тогда, когда есть и нечто контрастное. Занятость. А когда постоянно отдыхаешь, это рано или поздно начинает надоедать. Теперь мое тело не испытывает той, прежней усталости. Зато разум остается ясным...

— Вы не спите?

— Мы можем созерцать, — отметила мадам Дюбо. — Это ценнее! Смотреть на звезды. Но тысячный рассвет и тысячный закат, даже очень-очень разные, надоедают. И чтобы вновь наслаждаться ими, необходимо познать также нечто другое. Нечто более яркое. Нечто впечатляющее! Потому, получив такую возможность — сделать что-то хорошее не впрок, не на будущее, а с пользой прямо сейчас, мы, разумеется, загорелись идеей!

Она едва не придушила меня, измеряя окружность шеи сантиметровой лентой, но я, прокашлявшись, не стала делать замечание.

В целом, мадам Дюбо все делала очень быстро и очень умело. Я не знала, где она могла найти достаточно опыта, может, работала швеей при жизни, но подумала, что такое мастерство просто не могло уйти в могилу.

— Да, — вздохнула мадам Дюбо, — когда я умерла, я не растворилась в пустоте. Я все еще была где-то рядом. Меня словно что-то держало. Другие растворялись, становились частью баланса, но во мне, наверное, было чуть больше уникального, так что меня придержали здесь.

— Чтобы приносить пользу людям?

— Наверное.

— Мадам Дюбо... — я замерла, не зная, корректным ли будет этот вопрос, но все-таки решилась. — Мадам Дюбо, а это ваш скелет?

Женщина рассмеялась. Смех ее был мелким, дребезжащим, и я удивилась — и его звучанию, и самой реакцией на мой достаточно странный и, наверное, очень личный вопрос.

— А какое это имеет значение? Меня оставили не за тело. Меня оставили за мой дух. Однажды я все-таки уйду, когда уже стану не нужна. Но только после того, как сделаю это платье! Самое роскошное платье невесты на свете!

Я поняла: говорить о теле и о материальном воплощении она не хотела. Что ж, это было, разумеется, ее право, и я умолкла, чувствуя себя немного неловко — словно залезла на чужую территорию. Мадам Дюбо, впрочем, практически сразу забыла о достаточно своеобразной теме нашего разговора.

Она наконец-то закончила с мерками и поинтересовалась:

— В каком цвете делаем платье? Белое?

— А каким еще может быть платье невесты?

Скелет, склонив голову набок, осмотрела меня с ног до головы.

— Да, вы темненькая и не очень бледны, наверняка подойдет белое... И лорду Себастьяну какой-нибудь черный фрак. Потрясающей насыщенности черный! Чтобы все, когда вы будете идти, просто шеи свернули, такая была красивая пара!

— Шеи сворачивать будет некому. Мы же никого не приглашаем.

— Что ж вы, милочка, полагаете, будто я не способна свернуть шею? — расхохоталась мадам Дюбо. — О, скажу я вам, я достаточно стара, чтобы сделать это с легкостью! Впрочем, не важно. Отправлюсь к господину богу смерти...

Я уж было подумала, что больше не понадобится мадам Дюбо и смогу как-нибудь потихому улизнуть от нее, но она, коварно усмехнувшись, встала у меня на пути.

— Погодите-погодите, моя дорогая, — решительно заявила женщина. — Не знаю, куда вы там держите путь-дорогу, но у меня для вас будет одно очень важное и интересное занятие. Каждая невеста перед свадьбой просто обязана заниматься подобными вещами!

Я нахмурилась. Если честно, уже начинала жалеть, что мы с Себастьяном вообще во все это ввязались. Нет, пожениться — это, конечно, прекрасно, но местные обитатели уж слишком активно взялись за дело!

— Возможно, позже? — с надеждой уточнила я.

— Позже? Но позже может быть слишком поздно. Помните? Череда бесконечных мгновений, каждое из которых может стать решающим! Потому надо пользоваться уже тем, что есть, и не останавливаться ни на минуту. На том свете будет предостаточно времени для отдыха! — решительно, ориентируясь на собственный опыт, заявила мадам Дюбо.

Я считала, конечно, иначе, но понимала, что до свадьбы никто меня в покое точно не

оставит. Скелетиха с удивительной решимостью уцепилась мне в запястье и буквально силой поволочила за собой. Упирается не имело ни малейшего смысла, и я, тяжело вздохнув, последовала за мадам Дюбо.

Она уверенным толчком открыла дверь. Я попробовала высвободиться, задержаться в комнате, но нет!

— Так а куда мы хоть идем? — предприняла тогда хотя бы попытку разобраться с тем, что происходит. — И чем я должна буду заниматься?

— Это сюрприз! — радостно заявила мадам Дюбо. — Зачем тратить драгоценные секунды на лишнее описание? Вы все увидите сами!

Я вздохнула. Ничего видеть самой мне не хотелось, но переубедить такую, как эта дамочка, было невозможно. У меня аж крутился вопрос на языке, была ли мадам Дюбо замужем и проезжалась ли она по мужу своим мнением, словно катком, но я, решив, что ее это может сильно обидеть, только прикусила язык. И, разумеется, велела себе молчать.

— Хотя бы намекните!

— Вам понравится, — заверила меня скелетиха. — Вот!

Меня втолкнули в какую-то комнату. Я зашла внутрь и с удивлением обнаружила, что это рабочий кабинет.

— Присаживайтесь, — велел мне Томас, находившийся в комнате, и указал на кресло. — Присаживайтесь-присаживайтесь, — прозвучало это почти как угроза. — У нас с вами еще много всего интересного впереди!

— Да? — изогнула брови я. — Это ж например что?.. И где Себастьян?

— Господин бог смерти, к сожалению, сказал, что у него появились срочные дела, — протянул недоверчиво Томас. — Ему надо кого-то там зарыть в соседней деревне, и он сказал, что это дело не терпит отлагательств...

Я хмыкнула. Дело, конечно, терпело, но Себастьян не просто так солгал скелету.

— И какое же важное дело Себастьян должен был отложить, чтобы заняться той соседней деревней? — опасливо уточнила я у Томаса.

— О! Это невероятно важно! — он поставил передо мной несколько листов бумаги, исписанных мелким шрифтом. — Ведь нам надо столько всего утвердить! Во-первых, праздничный стол! Во-вторых, ремонт! А в-третьих, рассадку гостей!

Я заморгала.

— Каких это таких гостей? — удивилась я. — Мы же никого не зовем.

— Мы не зовем никого живого! — заявил Томас. — Но ведь мертвецов-то позвать можно? В соседних деревнях у нас очень много знакомых!

## Глава двенадцатая

Если бы мне было куда упасть, я б обязательно упала. Но, так ни стула, ни дивана, ни хотя бы более-менее удачного коврика поблизости не оказалось, пришлось сохранять равновесие и просто удивленно смотреть — если не сказать «таращиться» — на скелетов и недоумевать, как они вообще могли додуматься притащить сюда целую толпу посторонних мертвецов!

— Я уверен, это будет очень шумный праздник, — пылко заявил Томас, хватая меня за руки и едва не бросаясь в пляс. — Мы подарим окружающим очень много радости! Я просто гарантирую это!..

— погоди, — попыталась успокоить я. — Не надо рубить сплеча. Какая радость? Какие гости? Какие мертвецы из соседней деревни?

— Вот эти!

Он всучил мне огромный список, которым, сказать прямо, можно было обмотаться, словно мумия бинтами, и отправиться в таком виде в свет. Фамилий я навскидку насчитала примерно несколько сотен, более того, могла с уверенностью сказать, что на самом деле их было гораздо больше.

Магия, плескавшаяся в пустых глазницах Томаса, попыталась сформировать молящее выражение. Томас умильно сложил руки и смотрел на меня с искренней надеждой. Как отказать этому существу, я пока что представляла с большим трудом.

— Нет, — набравшись сил и вспомнив о том, что каким-то чудесным образом отказывала, например, куче купидонов, тех еще любителей соорудить умильное выражение лица и попытаться убедить меня в том, что им не под силу выполнять какую-либо работу. — Мы будем праздновать свадьбу только с местным коллективом. Никаких друзей из соседних деревень. Более того, у меня есть ряд вопросов к населению тех самых соседних деревень. Откуда там столько мертвецов? Что здесь вообще происходит?!

— Ну пожа-а-а-а...

— Нет, — отрезала я. — И падать на колени не надо. Угрожать, что открутишь себе руку или ногу, тоже не надо.

— Но...

— Томас, это не подействует.

Он, кажется, пришел в полнейшее недоумение.

— Вам нас совсем не жалко, госпожа Эдита?

Я хмыкнула.

— Мне жалко, — утвердительно кивнула. — Но есть одна маленькая проблема. Мне прекрасно известно, что в данный момент вы просто занимаетесь наглыми манипуляциями.

— Но ведь...

— Я нисколько не сомневаюсь в том, — продолжила я упрямо, — что вам хочется праздника. И что все скелеты расстраиваются совершенно искренне, когда получают отказ. Но также я совершенно уверена в том, что это расстройство не настолько критично, чтобы тащить сюда невероятное количество незнакомых скелетов.

— Но...

— Без «но», — строго оборвала я. — Послушай, Томас. Нам с Себастьяном не хочется афишировать наше здесь присутствие.

— Но мы же хотим позвать только мертвых!

Я сердито воззрилась на скелет. Он сложил руки в молящем жесте, но после примерки платья и длительной беседы с мадам Дюбо я уже не поддавалась на все эти попытки задурить мне голову. Конечно, в какой-то мере Томас был честен, но я не сомневалась в том, что в какой-то мере его поведение — это просто попытки давить на жалость. Разумеется, ему хотелось получить желанное!

А в данном случае желанным был праздник.

Вместо того, чтобы ответить, я проследовала в гостиную и устроилась там на диване. Повелевающим жестом указала на кресло, предлагая сесть и Томасу. Этот разговор надо было провести максимально правильно, без единой ошибки, иначе мертвецы опять возьмутся за свое и начнут давить на жалость. А эта наглость — примерно такая же, как и у моих купидонов.

Хотя купидоны, конечно, еще и дикие лентяи... А эти, вероятно, соскучились по обществу.

— Послушай, Томас. Я знаю, что ты в этом доме главный среди оживленных, и они слушают тебя. И я вынуждена просить тебя передать мои слова всем здесь присутствующим. Я очень надеюсь, что ты правильно меня поймешь и сделаешь все, чтобы мы с Себастьяном были счастливы. А значит, проследишь за выполнением этой просьбы. Да?

— Да! — радостно воскликнул он. — Конечно! Я готов служить верой и правдой!..

— Тогда будь внимателен, — я подалась вперед, добавила в голос несколько ноток таинственности и начала свой рассказ. — Мы с Себастьяном в один момент столкнулись с очень страшной задачей. Баланс — невероятно важная составляющая нашей жизнедеятельности, и выдержать его в этом мире непросто. Сейчас баланс распался, и мы стараемся делать все возможное, чтобы его восстановить. Но нам могут помешать.

— Кто?! — ахнул Томас.

— Люди, не желающие, чтобы все вернулось на круги своя, — твердо промолвила я. — Аномалий вокруг много, и нам с Себастьяном надо время, чтобы разобраться в причинах их возникновения и все наладить. Но если о том, что мы тут, узнают те, кому знать не надо, то о любой миссии по спасению мира можно будет успешно забыть. Нас просто уничтожат.

— А кому знать не надо?

— Никому, Томас. Никому не надо знать.

Он тяжело вздохнул.

— И что ж тогда делать?

— Мы должны вести себя тихо. Да, свадьба будет. Но она будет только для местных мертвецов и для нас с Себастьяном. Никаких приглашенных со стороны. Никакого излишнего хвастовства. Я очень прошу отнестись к этому серьезно и не ставить под угрозу и нас, и вас. Ведь от баланса в первую очередь зависит ваше существование!

Томас застыл, показывая, что он проникся всей серьезностью ситуации, а потом вкрадчиво, осторожненько так поинтересовался:

— А меню-то утвердить можно?

Мой тяжелый взгляд, очевидно, оказался невероятно красноречивым. Томас втянул голову в плечи, точнее, попытался уменьшить расстояние между шейными позвонками и весь немного подался вперед. Я решительно скрестила руки на груди и воззрилась на него, явно желая всем своим видом предупредить его: не надо пытаться действовать мне на нервы! Это все равно не работает!

— Можно, — промолвила я, — утвердить меню. Но оно должно быть умеренным. И я не соглашусь, если там будет в огромных количествах невероятное сочетание сумасшедших блюд.

— Там все скромненько! — пообещал мне Томас и протянул очередной громадный список.

Первым делом я сосчитала количество блюд.

— Тридцать семь?! — моему возмущению не было предела. — Тридцать семь блюд?! Томас, я понимаю, что ты пытаешься устроить идеальный праздник, но это много.

— Но...

— Слишком много.

Томас тяжело вздохнул. Потом взглянул на меня и вздохнул еще тяжелее, очевидно, придя к разумному выводу, что его несчастный вид нисколечко не подействовал на меня, поинтересовался:

— А бутерброды можно посчитать как одно блюдо? Там с разными ингредиентами!

— Хорошо, посчитай как одно.

— Тогда тридцать три блюда!

— Это много, — возразила я.

— Но...

— Не больше десяти.

— Как?! — возопил Томас. — Десять — это... Десять — это невероятно мало! Это очень мало! Это безумно мало! — он попытался вздохнуть еще раз.

Получилось не очень натурально. Я напомнила себе о том, что скелеты ни дышать, ни вздыхать не должны, что хвататься за сердце им нет смысла, потому что сердца-то там нет, а все ощущения, если и присутствуют, то являются фантомными — эдакое следствие магического вмешательства, — и постаралась максимально здраво взглянуть на Томаса.

Шантажист умильно воззрился на меня и явно ожидал положительного решения по своему вопросу. Я серьезно кашлянула. Взгляд стал еще умильнее.

— Ну хотя бы тридцать! — взмолился Томас.

Я осталась такой же спокойной. Каменное лицо, кажется, могло испугать кого угодно. Томас убедился в том, что его попытки затрепетать отсутствующими ресницами прошли неудачно, склонил голую черепушку, примерился к моим ногам.

— Даже не думай падать, — сердито отрезала я.

— Двадцать пять, — решил идти на компромиссы Томас.

— Десять, — строго повторила я, хорошо наученная рынками и тем, как на них надо торговаться.

Томас собрался падать в обморок. Я оставалась невероятно стойкой.

— Двадцать? — осторожно поинтересовался он.

— Пятнадцать, — решила сдаться я.

— Семнадцать?

— Ладно, — пришлось согласиться. — Пусть будет семнадцать.

Томас от радости аж подпрыгнул. Причем качественно так подпрыгнул, что аж долетел до потолка — а потолки тут были, надо сказать, достаточно высокие. Скелет ударился черепушкой о люстру, она опасно зазвенела, но вниз не упала. Сам же Томас даже вида не подал, что испытывает хоть какой-то дискомфорт. У меня возникло подозрение, что скелеты и вовсе не могут испытывать боли, но на каких-то остатках воспоминаний все-таки могут

представить себе это ощущение и таким образом частично имитировать его. Наверняка Томасу хотелось таким образом добиться своего.

— Может быть, все-таки восемнадцать? — ласково уточнил он, глядя на меня так, как обычно маленькие дети смотрят на мам, требуя мороженое.

Я прикинула, до сколько Томас готов поднимать ставку, и решительно заявила:

— Никакого увеличения лимита. Семнадцать, и не блюдом больше. И я настаиваю на том, чтобы я сама определила, какое блюдо войдет в это меню.

Томас скривился. Я хмыкнула.

Кто б сомневался, что он собирался скомбинировать из пяти тортов один и в таком громадном виде установить его на стол!

Вооружившись пером, которое выдал мне скелет, и убедившись в том, что чернила там не смывающиеся, не исчезающие и не какие-нибудь еще хитро сделанные ушлым Томасом, я принялась ставить галочки напротив одобряемых наименований. Томас явно не обрадовался, когда прочь были убраны сразу несколько тортов, пара видов бутербродов с невероятно дорогими компонентами, а когда я поинтересовалась, откуда вообще взять средства на всю эту роскошь, он и вовсе стушевался.

— Ну так это, — Томас заморгал, — мы ж зарабатывали!

— Но ведь я просила не привлекать лишнего внимания...

— Так мы со своего, с огорода...

Я пробежалась взглядом по вычеркнутым пунктам.

— У нас на огороде растет лосось? — мрачно поинтересовалась я, тыкая пальцем в соответствующую позицию в списке.

Томас отвел взгляд.

— Ну, лосось не растет...

— И в реке соседней, я подозреваю, он тоже не плавает.

— Не плавает, — Томас явно решил, что согласиться проще, чем спорить со злой и несправедливой мной, опустил голову — потупить взгляд он не мог в силу отсутствия глаз как таковых, а магия с нужной задачей визуализации не до конца справлялась. — Зато там плавают карпы и караси!

— Ничего не имею против карпов и карасей, — усмехнулась я, — но жизненный опыт подсказывает мне, что они не дают черную икру.

— Но!..

— Вычеркиваем.

— А если...

— Вычеркиваем, — твердо повторила я и равнодушным росчерком пера лишила Томаса любых шансов добиться своего в этом споре. Он тяжело вздохнул, но справедливо рассудил, что всякие споры в данном случае были бы бесполезны. Вместо того, чтобы в очередной раз пререкаться, только опустил голову и сделал вид, будто окончательно смирился с моим решением.

Я еще раз пробежалась взглядом по меню, пересчитала пункты, которые оставила — ровно семнадцать, надо же, не оставила Томасу ни единой возможности схитрить и каким-то образом протащить черную икру в меню! — и строго сказала:

— Помни о том, что от того, насколько прилежно ты выполнишь все то, о чем мы с тобой только что договорились.

В ответ на эту аргументацию скелет протестовать уже не решился. Я нисколько не

сомневалась, что ему очень хотелось вставить свои пять копеек и попытаться меня переубедить, но, справедливо предположив, что его мнение все равно не будет учтено, он притворился страшно послушным и воззрился на меня в ожидании других указаний.

— Но ведь мы можем самостоятельно украсить дом так, как нам будет угодно? — поинтересовался Томас, лишний раз напоминая мне, что расслабляться было слишком рано.

Если честно, больше всего мне сейчас хотелось куда-то сбежать и не слышать всего этого бреда. В голову не лезли мысли ни об украшении дома, ни о предстоящей свадьбе, ни еще о чем-нибудь в том же духе. Я уже подумывала над тем, чтобы отыскать Себастьяна и поговорить с ним относительно поведения скелетов. Вот уж неумемные!

Но для того, чтобы осуществить это свое желание, надо было все-таки разобраться с текущими делами.

— Хорошо, — сдалась я. — Давай так. Вы приготовите план дома, а мы с господином богом смерти потом определим, на какие из изменений действительно согласны. Хорошо?

— Конечно! — радостно воскликнул Томас. — Мы обязательно все в скором времени подготовим! Спасибо большое за желание сотрудничать, госпожа Эдита!

Я вынужденно улыбнулась.

Желание сотрудничать... Где уж там.

— Куда пошел Себастьян? — решив не ввязываться в следующий этап диалога, поинтересовалась я у Томаса.

— В направлении деревни, где вы были вчера.

— Да? Хорошо. Пожалуй, поищу его на кладбище в той стороне, — приняла решение я.

— Может быть, вас проводить?

Я хотела согласиться, если честно. Кладбище выдавалось мне достаточно страшным местом, и я очень боялась там набрести на что-то опасное.

Томас тоже принял мое молчание за согласие и заметно оживился.

— Замечательно! — воскликнул он. — В таком случае, мы можем обсудить и изменения в доме!

— Я не...

— У меня уже есть список, — радостно воскликнул он, — по которому мы обязательно должны с вами пройтись и...

— Я прогуляюсь самостоятельно, — решительно заявила я. — А ты пока готовь план украшения дома. И без запросов в окружающие деревни. А уж тем более в более далекие места. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Судя по радостному кивку Томаса, достаточно размыто, чтобы скелеты придумали, как выкрутиться из ситуации. Но, тем не менее, я не собиралась поддаваться на провокацию... Когда-нибудь потом.

А пока пусть почувствует себя свободным и планирует.

# Глава тринадцатая

Себастьяна я обнаружила на кладбище, окруженного мертвецами. Многие из них были мне незнакомы, но я опознала несколько скелетов из нашего особняка. Большинство мертвецов просто стояли, смотря в пустоту. Некоторые, наименее «свежие», копали могилы.

— Что тут происходит? — поинтересовалась я, подойдя к нему. Вид мертвых уже не пугал так, как раньше, но я все равно смотрела на подчиненных бога смерти без особой радости. Трудно привыкнуть к тем, кто попрощался с жизнью, но так и не смог ее прекратить.

— Такое огромное количество мертвецов, гуляющих по деревьям, не есть хорошо, — скривился Себастьян. — Мертвые должны лежать в земле.

— Наши скелеты тоже?

— По логике да, но там они в доме Смерти, это нормально, — отметил Себастьян. — Их не так критически много. Но в деревне... Общее число давно перевалило за сотню.

— Томас сказал, есть и другие деревни.

— Тут бы с этой разобраться, — вид у Себастьяна был откровенно печальный. — Баланс расшатан донельзя.

— А чем они опасны?

— Кроме баланса? — уточнил Себастьян. — Так-то ничем, но ровно до того момента, пока вдруг не решат, что человеческое мясо — отличная пища, и не попытаются напасть на живых.

— Такое случается?

— Редко, но случается. Редко, если нет никакого стимула, толчка, — исправился Себастьян. — А его не так-то и сложно организовать. Потому я все-таки предпочел бы не рисковать. Конечно, в одиночестве заниматься восстановлением баланса не самое благодарное дело, но я хотя бы попробую. Попытка не пытка.

Я задумчиво кивнула. Хотелось верить в то, что у Себастьяна все получится, потому что описанные им перспективы меня слегка пугали.

— А ты как? — поинтересовался, улыбнувшись, бог Смерти. — Томас совсем достал?

— Пришлось вычеркнуть половину пунктов из меню, — закатила глаза я.

— Это сколько?

— Где-то двадцать.

Себастьян присвистнул.

— Что-то они разогнались.

Я только пожала плечами.

— Делаю, что могу, чтобы как-то остановить наших сверхинициативных, но, боюсь, это практически невозможно. Тут запугивать даже не помогает, не говоря уж о том, чтобы по-человечески попросить. Слишком уж они... Инициативные.

— Это мягко сказано, — усмехнулся Себастьян. — Прости, вынужден отвлечься... Пойдешь домой или подождешь меня?

— Подожду.

Если честно, мне было интересно, что же делает Себастьян — не бросает же оживших мертвецов в могилы прямо в таком состоянии!

Я оказалась права. Себастьян поманил одного из оживших мертвецов и опустил руку

ему на плечо, а сам заглянул в глаза. Несколько секунд контакта, и мертвец зашатался и рухнул прямо в разрытую для него яму. Я увидела только небольшое облачко тумана, который Себастьян взмахом руки загнал в обыкновенную стеклянную бутылку. В ней добавилось еще несколько капель черной жидкости, в которой я опознала энергию смерти, ту самую, которую выкачали из огромного шара, символизировавшего собой баланс.

— Зарывайте, — велел Себастьян и перешел к следующей яме и к следующему мертвецу.

Я запоздало заметила, что это, наверное, были именно их могилы. Себастьян мог бы велеть вырыть братскую, но собственное желание сохранить память об умерших людях не позволяло ему так поступать. Он вообще был достаточно мрачен, словно с каждой процедурой возвращения мертвецов в могилу заново переживал их смерть.

Наконец-то разобравшись со следующей партией мертвецов, Себастьян жестом велел подчиняющимся ему скелетам зарывать могилы.

— Чувствую себя отвратно, — сознался он, возвращаясь ко мне. — Но это лучше обсуждения оборок.

— Каких оборок? — удивилась я.

— Да я не понял. Для скатерти, что ли... Тут я хотя бы понимаю, что делаю что-то полезное, — Себастьян усмехнулся. — Нет, ты не подумай, наша свадьба очень важна, и я люблю тебя и хочу жениться! Просто все эти хлопоты немного не по мне.

— Не переживай. Не по мне тоже, — усмехнулась я. — Скелеты немного... Перестарались, пытаюсь устроить нам просто-таки праздник мечты, — мой смех прозвучал несколько неестественно, но я не сконцентрировала на это внимания, позволив себе просто немного расслабиться. — В общем-то, я понимаю, что они хотели только лучшего, но это желание несколько, м-м-м, гиперболизировано.

Себастьян только весело подмигнул мне.

— Они исправятся.

— Когда?!

— Когда-нибудь, — вздохнул он. — Переходим к следующим! — это уже относилось к самим скелетам. — Тут бы с текущими проблемами разобраться, а так... Все хорошо будет. Верь мне, — и задорно подмигнул.

Бодрости голосу Себастьяна не хватало, но я понимала, что разобраться со всеми мертвецами, продуцировавшими дисбаланс — задача не из простых, и на нее надо время. К счастью, ему не приходилось хотя бы самому рыть все эти могилы. Бог смерти просто присматривал за тем, как с этой задачей справлялись скелеты.

Однако после каждой новой порции мертвецов он становился все мрачнее и мрачнее. Бутылка с черной магией стремительно наполнялась, и когда Себастьян разобрался с последними жертвами Базилия, стало понятно, что емкости едва-едва хватило для всех мертвецов, однако я понимала, насколько же этого мало в сравнении с тем, что отсутствует в шаре.

— Да, — кивнул Себастьян, будто читая мои мысли. — Чтобы исправить дисбаланс, надо работать много дней и ночей. Тут на несколько лет только разбираться с мертвецами, выбравшимися из могил, и то если повезет легко вычислить такие аномалии. Не просто так у меня забрали Патруль, передали тебе...

— Он и там оказался совершенно бесполезен.

— Девушки захлебнулись в своей ненависти, — хмыкнул Себастьян. — У меня они

отслеживали именно такие аномалии, а также наблюдали за тем, чтобы не было лишних смертей, всплесков жестокости и прочее. Но второе легко отследить по новостям. Что ж до мертвецов...

— В этих деревнях они заметны.

— Однако, о них ни единого упоминания.

— Тоже верно. Но почему?

— Потому что они безвредные. Нет гарантий, что где-то нет заброшенных старых городов, которые полностью функционируют, ведомые такими вот оживленцами. Вдруг где-то есть предприимчивые, вроде нашего Томаса? В любом случае, — Себастьян скривился, — плохо то, что я не могу действовать открыто. Но ничего, — он привлек меня к себе, — однажды нам удастся выйти из тени.

— Разве что на тот свет.

— Уверен, что все решится гораздо раньше. Рене — умный мужчина. Он заметит, что с балансом что-то не так. Гарантирую. И он поймет, что ты — лучшее, что случилось с этим миром за последнее время, — Себастьян подмигнул мне. — Обязательно поймет.

Я не была настолько преисполнена позитива, но не решилась спорить. Все-таки, хотелось выжить в первую очередь, а потом уже спасать не слишком благодарный мир, в который меня, считай, силком забросили.

Наверное, я была труслива. Но каждый раз, когда я думала о том, что могла бы и сама сделать первый шаг и попытаться все объяснить Рене, перед глазами вспыхивал образ Матильды и это ее «стреляй». Тогда на мою защиту встал сам Рене, но кто сказал, что он повторил бы это второй раз? К тому же, он потерял любимую женщину... Если Матильду можно было хоть каким-то образом назвать любимой, конечно. Потому что у меня, если честно, были сомнения насчет ее умения любить и делать хоть что-нибудь хорошее. А прогнивший человек рано или поздно перестает вызывать любые чувства, за исключением стойкого отвращения.

— Пойдем домой, — обратилась я к Себастьяну, встряхнув голову в надежде отогнать прочь дурные мысли. — Ты устал, тебе б отдохнуть.

— Ты права... Эй! — он окликнул скелетов. — Приведите тут все в порядок, заройте могилы и можете быть свободны до завтрашнего утра!

Скелеты склонились в глубоком поклоне и направились к еще разрытым могилам выполнять свое предназначение. Мы же с Себастьяном, взявшись за руки, медленно побрели к видневшемуся вдалеке доме смерти.

Оба шли молча, погруженные в собственные мысли. Мне все хотелось сказать что-то Себастьяну, но не удавалось сформулировать предложение более-менее адекватно, и я не решалась заговорить первой. В какую-то секунду мне показалось, что и у самого Себастьяна та же проблема. Я несколько раз поймала на себе его пристальный взгляд, но он так и не решился произнести ни слова.

Когда мы оба наконец-то были готовы к разговору о нашем будущем, и я даже почти сформулировала мысль, которую хотела бы донести до Себастьяна, оказалось, что надежды на покой были излишни.

Возле дома, шокировано размахивая длинными стеблями и выписывая на земле витиеватые выражения, далекие от понятия цензурных, стояла трахиандра.

Я бросилась к вазону, позабыв обо всем.

— Что случилось?!

Мне показалось, это разумное существо было не из трусливых. Однако страх буквально отпечатывался на каждом листике, на каждом стебельке трахиандры. Ею буквально трясло, и она, спешно высовывая корни из земли, бросилась в мои широко распахнутые объятия и прижалась, как маленький ребенок. Ну и что, что этот маленький ребенок был уже значительно крупнее меня самой?

— Расскажи мне, — попросила я.

Трахиандра принялась дрожащим корнем выводить что-то на земле. Я сначала не смогла разобрать ни слова, настолько из-за нервов бедное растение не могло не то что сформулировать свою четкую мысль, а даже вывести более-менее ровно слово на земле. Но потом трахиандра собралась с силами и наконец-то сумела вывести завершённую фразу.

— Они хотели меня украсить, — прочитала я, — и подстричь... Скелеты?! Себастьян! — я повернулась к богу Смерти. — Клянусь, я убью Томаса.

— Боюсь, — мрачно хмыкнул Себастьян, — он для этого слишком мертв.

Меня этот аргумент не остановил. Преисполненная желанием все-таки объяснить Томасу, что он в этой жизни — точнее, в этом посмертии, — делает не так, я решительно взлетела вверх по ступенькам крыльца, открыла дверь настежь...

И, шокированная, замерла.

— Черт! — выругалась давно выброшенным из обихода словом из своего мира.

— Давно хотел у тебя спросить, — протянул Себастьян, — а что такое «черт»?

— Злой, озорной дух, родовое название для всяких темных сил, — на скорую руку вспомнила я объяснение и тут же поразились — как это мне вообще хватило сил хоть два слова слепить в кучу, после увиденного-то.

— Что ж, склонен с тобой согласиться, — протянул Себастьян. — Тут явно пошалили какие-то злые озорные духи...

Открывшаяся перед нами картина просто впечатляла. От гостиной, которую я оставляла всего несколько часов назад, не осталось и следа. Зато всюду были бесконечные оборки, рюшечки, бесконечные украшения и прочая дребедень, которую, если честно, даже рассматривать было стыдно.

Я обнаружила совершенно новый ковер, почему-то поросячье-розового цвета, несколько кислотно-салатовых и ядрено-голубых бантов на люстре. На столе, укрытом скатертью кричаще алого оттенка, красовался огромный секатор.

Он-то и уничтожил напрочь мою растерянность одним только своим грозным видом. Сложив два и два и вмиг определив, зачем здесь вообще находится этот секатор, я вновь испытала прилив гнева. Это они этими мерзкими ножницами собирались подрезать мою трахиандру!

— Эдита, — Себастьян придержал меня за руку, — пожалуйста, спокойнее.

— Они хотели ее подрезать! Она же не просто трава! Она разумная! Живая! — мои щеки залились краской, и саму меня буквально подбрасывало на месте. — Ну как? Как так можно, поясни мне, Себ?! Как вообще в голову пришло...

Вместо ответа он привлек меня к себе.

— Сейчас разберемся... Томас!

Скелет, до того делавший что-то на втором этаже, поспешил броситься к своему господину. Что-то загремело, и я невольно втянула голову в плечи.

— Томас, зови всех! У меня будет важное объявление!

— Будет сделано! — крикнул скелет.

... Не прошло и двух минут, как вся скелетистая толпа, проживавшая здесь, выстроилась гордой шеренгой перед нами и ждала указаний. Вид у скелетов был довольный. Стыда за содеянное они явно не испытывали.

— Боюсь, — скорбно вздохнул Себастьян, — для всех желающих подготовиться к свадьбе у меня будет не слишком хорошее известие.

Я потянулась было к секатору, надеясь укоротить обнаглевших скелетов на кость-другую, но он придержал меня рукой за плечо и коротко покачал головой, показывая, что не стоит того делать.

— Эдита рассказала мне о том, что в других деревнях тоже предостаточно мертвецов. Что ситуация в округе достаточно напряженная, и творятся тут с магической точки зрения не слишком естественные дела. Правда ли это?

Скелеты ничего не ответили.

— Правда. Уверен, моя невеста не стала бы мне лгать и коверкать донесенную до нее Томасом информацию, — он скрестил руки на груди. — Удивляет меня другое — что никто из вас не только не сообщил мне об этой проблеме, а и не озаботился ею!

— Проблеме? — поразился кто-то из толпы служащих Смерти. — Да мы даже не подумали, что это проблема... Мы такие, они такие...

— И вас всех кто-то породил, — сухо промолвил Себастьян. — Допустим, вы тут за счет срабатывания страховочного механизма, который требует, чтобы дом Смерти кто-то охранял. Почему этот страховочный механизм не остановился? Почему все кладбища вокруг разрыты? Почему мертвые оживают на следующий же день и отправляются к своим родным? Вы что, не понимаете масштаб катастрофы?! И в это время вы собираетесь украшать дом поросячьего оттенка рюшами и подстригать трахиандру, — строгий голос мужчины явно впечатлил его подчиненных. — Боюсь, с завтрашнего дня у нас два нововведения. Во-первых, все принимаемые по свадьбе решения будут утверждаться мной или Эдитой. И не устно, а с подписью. Это понятно?

Скелеты согласно загудели. Кто-то из зомби, очевидно, автор сего цветового безобразия, скромно повторил глаза.

— А во-вторых, раз уж вы служители Смерти, у меня будет для вас несколько заданий, — подытожил Себастьян. — И я очень надеюсь на качественное их исполнение.

— И что мы будем делать? — поинтересовался Томас.

— Вы — рыть могилы и указывать мне, где бродят внеплановые мертвецы. А я буду укладывать их туда, где они должны были находиться, — вздохнул Себастьян.

Я только покачала головой, не зная, соглашаться или спорить. С одной стороны, его желание привести в порядок округу было более чем логичным, а с другой...

Не привлечем ли мы к себе слишком много внимания таким поведением? Что-то мне подсказывало, что узнать ответ на этот вопрос невозможно, если не попробовать что-нибудь сделать...

# Глава четырнадцатая

Проснувшись утром и не обнаружив смиренно посапывающего рядом Себастьяна, я, если честно, даже в какой-то мере испугалась. В голову и так лезли всякие дурные мысли — мало ли, что могло случиться? — а тут еще и отсутствие любимого! Но, сев на кровати, я обнаружила, что Себастьян просто одевался, явно собираясь куда-то уходить.

— Что случилось? — поинтересовалась я.

— О... Прости, разбудил? Я старался тихо, — улыбнулся он мне, и я ответила такой же мягкой улыбкой. — Хочу отправиться в рейд в одну дальнюю деревню.

— Один? — серьезно уточнила я.

— Замаскируюсь как-нибудь, да, один, — утвердительно кивнул бог смерти. — Может быть, возьму с собой кого-то из зомби. Они достаточно естественно выглядят...

Я сердито скрестила руки на груди и воззрилась на Себастьяна. Он, до того собиравшийся не медля сорваться с места и броситься рассматривать соседние деревни в окружении зомби, кажется, осознал, что идея не самая лучшая, и серьезно взглянул на меня.

— Думаешь, не стоит, да? — поинтересовался у меня мужчина. — Считаешь это неудачной идеей? Тогда пойду сам... Но одинокие мужчины не вызывают обычно доверия у селян.

Я только хмыкнула, выбралась из постели и окинула Себастьяна оценивающим взглядом. Он явно решил изменить себе в гардеробе и вместо привычной черной одежды, четко обозначающей его как бога смерти, обрядился в нечто почти деревенское.

— А мужчины в окружении зомби, значит, у селян доверие вызывают? — поинтересовалась я, одергивая свою ночную сорочку. — И во что это такое ты одет?

— Попросил у Томаса что-то из деревенской одежды. Скажу, из соседней деревни пришел.

Мой скептический взгляд был достаточно красноречив, чтобы Себастьян и без слов ощутил мое отношение к этой безумной идее.

— Ну, я понимаю, что с зомби не так! Но с деревенским-то мужчиной будут общаться куда охотнее, чем с каким-нибудь горожанином?

...Я никогда не была деревенской жительницей, и вариант «на деревню к бабушке» в моем случае, увы, оказался нереализуемым, но все же, я знала, как выглядели люди из деревни в моем современном, технологичном мире. И очень сомневалась, что здесь они были какими-то другими. Нет, определенно, отличия были, потому что местные технологии хоть и шагали вперед, но какими-то рывками, а не равномерно, и использовались они далеко не везде. Но...

— Здесь деревенские люди работают с землей? — спросила я.

— Ну конечно!

— А у тебя руки какие? Холеные. Как у работника умственного труда, — серьезно промолвила я. — И кожа далеко не такая загорелая, как у человека, который проводит под палящим солнцем большую часть своего времени. Ты придешь к ним в своей деревенской одежде, а сам — как будто какой-нибудь горожанин, и они моментально что-то заподозрят. И я тебе гарантирую, что большого доверия к тебе испытывать эти люди точно не будут.

— Если я явлюсь к ним в образе горожанина, они тоже не будут порхать от счастья.

— Тогда давай притворимся семейной парой, которая приехала в соседнюю деревню

погостить? Оденемся попроще, но не как будто мы выбрались из огорода...

Себастьян прищурился и с любопытством взглянул на меня.

— Ты уверена, что хочешь выйти?

— Уверена, — решительно кивнула я. — Замаскируюсь как-нибудь. И ты же сам говорил, что вряд ли мои портреты рассылались повсюду, чтобы четко определить, что меня тут нет. Если что — и так узнают, даже если я просижу здесь.

— Но...

— И не надо говорить, что ты готов подвергать опасности себя, а не меня, — строго отрезала я. — Мне об этой твоей готовности прекрасно известно. Но это не значит, что я сама на такое согласна. Либо мы в равной мере рискуем вместе, либо, что еще лучше, не рискуем вообще.

Себастьян серьезно взглянул на меня.

— Второе невозможно, — промолвил он. — Потому что мертвецов слишком много. Я бы был спокоен, будь их два-три десятка, разбросанных по соседним деревням. По ощущениям — не меньше нескольких тысяч! Это катастрофа! Я уж молчу о том, что не понимаю, как мог настолько сильно разболтаться баланс и что вообще делали истинные, чтобы довести до такого состояния!

Да, судя по выражению лица Себастьяна, спорить было абсолютно бессмысленно. Да и что толку со споров, если он в самом деле прав?

— Хорошо, — кивнула я. — Давай тогда сделаем так, как ты говоришь. Пойдем в деревню и попробуем выяснить, где тут еще какие-нибудь мертвецы. Но вдвоем.

Себастьян кивнул.

— Возможно, так будет лучше.

— Подождешь меня? Две минуты — и я оденусь.

— Конечно, — кивнул он.

И я очень надеялась, что мне не придется потом невесть где ловить Себастьяна, потому что он, как тот мальчишка, просто сбежит от меня, надеясь уберечь.

\*\*\*

Деревенская ярмарка потрясла меня своим размером и шумом — точнее, их сочетаниями. Здесь было всего лишь несколько рядов, но зато каких! Мне казалось, что укрыться от звуков здесь просто негде. Можно было просто утонуть в чужих криках.

Мы с Себастьяном действительно немного выбивались из толпы и казались как будто гостями из другого столетия. Даже мое простое городское платье и его рубашка и брюки контрастировали с местными нарядами, которым в первую очередь сильно не хватало цвета. Я знала, что это характерно для домотканого полотна, но удивилась тому, что местное население практически не пользовалось никакими современными достижениями науки и техники.

Поразительно, неужели им все это недоступно.

— День добрый! — поздоровался с нами какой-то приземистый мужичок, буквально впиваясь пристальным взглядом.

— Добрый! — хором отозвались мы с Себастьяном, растягивая губы в приветственных улыбках.

— А вы ж не местные?

Я почувствовала, как напрягся Себастьян, реагируя на этот вопрос, но понимала, что он неизбежен. Как только мы появились здесь, сомнений в том, что будем выделяться на фоне

остальных, не осталось и вовсе.

— Не местные, — кивнула я, улыбаясь крайне радостно и не до конца адекватно. — Мы с мужем приехали погостить к тетушке, в поселок, — я махнула в том направлении, где, если верить карте, были довольно приличные дома и куда местные ходили редко.

Оставалось надеяться на то, что там был хоть кто-нибудь подходящий на роль тетушки.

— Но заскучили и решили прогуляться, посмотреть, что тут да как, — продолжила я, не сводя с мужичка взгляда. — А тут вот у вас ярмарка как раз в самом разгаре...

За соседнем прилавком кто-то зевнул с таким видом, что мои слова про разгар ярмарки прозвучали особенно комично. Пришлось для пущей убедительности подпихнуть Себастьяна локтем, и он стремительно закивал.

— Мы так устали от городской шумихи, — продолжил он, — что очень хотели отдохнуть немного! Но все же, привыкли к обществу...

— Может быть, — оживился мужичок, — что-то у меня купить хотите? У меня лучшие фрукты в округе! Персики — объедение! Могу потом и до дома вам их поднести...

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Да нам так много не надо, — запротестовала я, задаваясь вопросом, есть ли у нас хоть какие-нибудь наличные.

Картой-то здесь точно не рассчитаешься! Ничего даже смутно напоминающего терминал здесь не было, равно как и людей, понимающих, что то за зверь такой и как им пользоваться.

Да и даже если б у нас и были деньги! Не хватало только, чтобы местные жители вздумали осуществить доставку до дома Смерти! Потому что ж никакой таинственной тетушки в соседнем поселке ни у меня, ни у Себастьяна не было.

— Мы больше осмотреться, — кивнул Себастьян. — Может быть, я б купил супруге какое-нибудь украшение...

— У меня лучшие персики в округе! — решительно заявил мужичок, успешно пропустив мимо ушей все слабые протесты. — Если вы только попробуете их, то поймете, что ничего лучшего просто в жизни быть не может!

— Но...

— Каждый на ярмарке считает должным купить мои персики. И побольше! — решительно заявил мужичок. — Так что подходите, не скупитесь... Не пожалеете...

Я уже жалела о том, что мы вообще позволили себе с ним заговорить. Потому что теперь это могло обернуться для нас огромными проблемами. А мужчина, вцепившись мертвой хваткой в запястье Себастьяна, уже спешил к своему прилавку.

Разложенные там персики совершенно не походили на пригодные к еде. Я подозревала, что с их продажей у мужчины вообще были серьезные проблемы, но он явно не отчаивался и не терял надежды выручить немало денег за счет не слишком разумных туристов.

Беда была в том, что кроме нас других неразумных туристов тут не наблюдалось.

— Вот! Вы обязаны взять не менее пуда! — заявил селянин.

Моя память подсказывала, что в пуде содержалось шестнадцать килограммов. И никакого желания тащить на себе пуд персиков или грузить ими Себастьяна я не испытывала.

— Понимаете, у нас есть фрукты, — попытался в очередной раз отказаться Себастьян, но мужичок был непреклонен.

— В том поселке ничего не растет! Уж я-то знаю! — решительно заявил он. —

Выбирайте персики! Прошу! Два! Два пуда! Ах, какое из них получится варенье...

— Остин, — прогремело над ухом, — оставь людей в покое. Они ко мне.

Остин поднял взгляд на конкурента и скривился.

— Слушай, Брэй, у тебя и так бойко идет торговля. И зачем паре твои лошадиные подковы? Вот мои персики...

— Я сказал, ко мне они, — решительно прогорохотал незнакомец. — Пройдемте! Моя кузница неподалеку.

Мы с Себастьяном обернулись, чтобы сказать кузнецу, что в подковах тоже не нуждаемся, но вынуждены были проглотить свой отказ.

Во-первых, кузнец был не менее двух метров ростом, с широченными плечами и выглядел откровенно устрашающе.

А во-вторых, кузнец был зомби.

Хоть я и не могла этого видеть и не знала, как именно идентифицируется магия Смерти, но почувствовала невероятное напряжение Себастьяна. Он, казалось, был готов атаковать сию же секунду, но сдерживал себя из последних сил, старался держать себя в руках. Что ж, его желание напасть было для меня понятным.

Кузнец выглядел почти как живой мужчина. Никаких следов разложения, ничего такого. Вот только смуглая кожа все равно была какого-то неестественного, землистого оттенка, словно в этом теле уже много лет как не циркулировала кровь. Да и улыбка кузнеца, его взгляд — все это выдавало на месте вроде как живого человека мертвеца.

Он жестом велел следовать за ним, и мы с Себастьяном, изо всех сил пытаясь сохранить образ гостей ярмарки, которые просто заинтересовались предложением, шагали за зомби, названным Брэем.

Ярмарка осталась за нашими спинами. В остальной части деревни было тихо. Брэй ускорил шаг, и мы вынуждены были тоже ступать в два раза быстрее, чтобы не отпустить его слишком далеко.

— Они не знают, — не оборачиваясь, промолвил зомби. — Они предпочитают не замечать очевидного. Но это хорошо, что вы прибыли, господин. Еще несколько лет, и прятать это будет практически невозможно.

— О чем речь? — поинтересовался Себастьян.

В его голосе было слишком мало недоумения, чтобы зомби мог как-нибудь превратно истолковать этот простой вопрос. Мертвец коротко хмыкнул, реагируя на слова Себастьяна, и пророкотал:

— Их просто станет слишком много, чтобы это оставалось незаметным. Пока дураки считают, что землю роют кроты... Мы стараемся сдерживать их, но это трудно. Места скоро перестанет хватать.

— «Мы» и «они» — кто это?

Зомби наконец-то добрался до тяжелых кованых ворот, толкнул боковую калитку и с трудом протиснулся сквозь узкий проем. Мы с Себастьяном последовали за ним. Конечно, было немного страшно, но я понимала, что сейчас точно неподходящее время для того, чтобы спасовать и оставаться снаружи. Тем более, неизвестно, что сейчас опаснее.

За воротами оказался довольно просторный двор. Впереди красовалась кузница, а за нею — какое-то довольно большое помещение, больше похожее на склад.

— Когда-то там хранили сено, — пояснил Брэй, обходя кузницу. — Мы — это разумные мертвецы. Среди нас есть несколько скелетов, они работают внутри, не показываются, и

четверо зомби. А остальные... Остальные — это «они». Впрочем, посмотрите сами.

Он открыл перед нами двери старого сенника, но предлагать зайти внутрь не стал. Впрочем, и неудивительно — потому что мы с Себастьяном, шокированные, застыли в дверном проеме.

Внутри были живые мертвецы. Кто-то просто сидел и смотрел в одну точку, другие — ходили по кругу. Веяло такой кошмарной энергетикой, что мне хотелось завизжать и броситься прочь. Эти мертвые очень сильно отличались от скелетов, к которым я привыкла в доме Смерти.

— У всех смерть от естественных причин, — промолвил Брэй. — Здесь не только наши, с нескольких соседних деревень тоже. Мы решили скооперироваться, чтобы не дать этому выйти на свободу. Кто ж знал, что их будет так много. Люди перестали умирать... Хотя вот на днях скончался старик Уитмор, так вот его похоронили, и он не поднялся, нормально все.

Себастьян покачал головой.

— Несколько дней назад источник всех неприятностей был, хм, удален, — протянул он. — Но эти ж сами в могилу не полезут...

— Да-да, господин бог смерти, — кивнул Брэй. — Я когда вас увидел в толпе, моментально признал. По силе. Нас, разумных, совсем мало здесь. А вот таких — вот сколько. И это не все еще! Что делать будем-то? Надо как-то их того... Утилизировать.

Я вздохнула.

— Кажется, аномалия расползлась довольно далеко?

— Кто-то был очень жадным, — кивнул Себастьян. — Но этот кто-то уже получил по заслугам. Теперь нам осталось попытаться убрать все последствия, и, возможно, все будет хорошо.

Судя по внешнему виду, он не слишком в это верил. Но я понимала, что Себастьян будет делать все, что в его силах, чтобы хоть как-нибудь минимизировать негативное влияние Базилия на местные деревни.

— Они никому не вредили пока что, — промолвил Брэй. — Просто пугали б народ. Вот и мы решили взять дело в свои руки, чтобы деревня не опустела...

— Вы все правильно сделали, — кивнул Себастьян. — Здесь неподалеку дом Смерти, кладбище. Мы с моей невестой пришли оттуда, — он указал на меня. — Чтобы помочь вам. Если это, конечно, будет в наших силах... Но для начала всю эту толпу надо будет туда перевести. К вечеру собраться сможете?

— Сможем, — кивнул Брэй. — А нас вы тоже?...

— А вам, — Себастьян вздохнул, я предлагаю присоединиться к нашему штату. Рабочие руки лишними не бывают...

# Глава пятнадцатая

Дом Смерти мрачным изваянием маячил впереди. Несколько окон светилось, очевидно, в доказательство того, что внутри нас ждут, и мы ориентировались на этот свет.

За спиной раздавались шаги сотен ног.

— Кто бы мне сказал, что я буду идти во главе толпы мертвецов, чтобы сопроводить их на кладбище, я б покрутила этому человеку пальцем у висках, — сообщила я Себастьяну, недовольно кривясь. — Неужели Базилию настолько нужна была эта энергия, что он пошел на подобные преступления?

— У тебя это еще вызывает какие-то сомнения? — вздохнул Себастьян. — Мне кажется, жадность истинных была очевидна еще с самого начала.

— Не понимаю, как баланс вообще продержался столько времени.

— Ну, они ж увлеклись этим не сразу, — пожал плечами бог Смерти.

Я кивнула. Да уж... Увлеклись не сразу, но зато когда все-таки пришли к выводу, что могут творить что угодно, оторвались по полной.

— Иди к дому, — велел мне Себастьян. — Я сейчас отправлю всех наших сопровождающих на кладбище, пусть ночуют там... А утром начнем работать.

— Может быть, лучше сейчас?

Я так и не привыкла к грубому, безэмоциональному голосу Брэя, потому едва не подпрыгнула на месте, когда он заговорил у меня за спиной.

То, что этот зомби был гораздо разумнее даже его собратьев из дома Смерти, не вызвало никаких сомнений. Но мне, человеку из мира, в котором не было ни оживших трупов, ни богов, работающих в канцеляриях, ни Верховных, ни истинных, ни прочей ерунды, было дико и вовсе признавать, что нечто не до конца мертвое, но уже точно не живое, стоит нынче у меня за спиной и еще общается!

— Мне кажется, — мягко промолвила я, с трудом сдержавшись, чтобы не взвизгнуть от неожиданности вместо спокойного ответа, — что заниматься укладыванием мертвецов в могилы среди ночи — не самая лучшая идея.

Мы вынуждены были возвращаться к дому Смерти под покровом ночи — потому что вести за собой всю эту толпу днем было невозможно. Да и выводить из сеновала мертвецов приходилось группками, собирать их всех подальше от деревни и уже только оттуда выходить дружной шеренгой. Оживленцы покорно двигались в указанном им управлении и останавливались, реагируя на оклик зомби, но никакой другой активности не проявляли.

— Почему? Мы способны работать без усталости! — воскликнул Брэй.

— Вы — да, — утвердительно кивнул Себастьян. — А я — нет. Ночью работать с мертвецами гораздо сложнее. Они не слишком-то хотят укладываться в темное время суток.

— Но ведь...

— Брэй, — Себастьян вздохнул, — повторяю...

Я не стала слушать. Понимала, что Себастьян все равно настоит на своем, а мне сейчас еще надо было зайти в дом и собрать всех скелетов.

Трахиандра, услышав мои шаги, зашевелилась, подняла один стебель, убедилась в том, что это я, ее хозяйка, и вернулась обратно в спящее состояние. Я погладила ее по зеленому листку, почесала, дождалась почти кошачьего урчания и поднялась на крыльцо.

Стоило только приоткрыть дверь, как оттуда донесся радостный вскрик:

— Госпожа Эдита, вы вернулись? Я как раз подготовила платье для первой примерки! И не вздумайте отказываться, мы должны немедленно...

— Мадам Дюбо, — вздохнула я, зажигая свет. — Подождите. Не спешите с платьем.

— Но почему? — поразилась она.

— Потому что для начала вам предстоит познакомиться с новыми работниками нашего дома Смерти.

Я посторонилась, пропуская внутрь дюжих зомби, которые прибыли с нами из деревни. Мадам Дюбо попятилась, прижимая пышное свадебное платье к груди, и кашлянула. Если бы скелет имел цвет лица, а не сплошные кости, то она, наверное, сейчас была бы блее мела. Но, так как кость оттенок не меняла, то мадам Дюбо только застучала зубами.

— Здравствуйте, — поприветствовала она кузнеца и его сопровождающих. — А вы, э-э-э, прибыли помогать нам с подготовкой к свадьбе?

— Нет, — холодно отметил Себастьян, тоже заходя в дом. — Они прибыли помогать нам в более важных домах. И теперь они работают здесь. Скажи-ка, Брэй... Что ты думаешь о пышных торжествах?

Зомби выпятил грудь колесом и гордо, как мы и договаривались, сообщил:

— В нынешних условиях любое пышное торжество является нецелесообразным! Первоприоритетной целью является уложить в могилы всех неразумных мертвецов и минимизировать влияние аномалии на окружающие селения, при этом не выдав анонимность присутствия господина бога Смерти в его резиденции!

— И что ты, Брэй, будешь делать? — уточнила я, хотя прекрасно знала ответ. Зомби сам его подсказал, за что мы с Себастьяном были, признаться, очень ему благодарны.

— Я, — отчитался Брэй, — возглавлю местных скелетов и направлю их неуёмную энергию в нужное русло!

Платье с шелестом выпало из рук мадам Дюбо.

— А как же Т-томас? — осторожно поинтересовалась скелетиха, глядя на нас с Себастьяном с откровенным подозрением. — Разве он больше не г-главный?

— Ну, — пожал плечами Себастьян, — Томас, конечно, неплохо справлялся со своими обязанностями, но он иногда позволял себе много лишнего...

— Например, когда дело касалось свадьбы, — дополнила я.

— Потому теперь мы дадим Брэю возможность проявить себя.

Мадам Дюбо сглотнула, наклонилась, чтобы подобрать платье, после вновь подняла на нас ошеломленный взгляд. Не заметив на лицах ни тени смущения и ни грамма угрызений совести, она взвесила в руках платье и осторожно поинтересовалась:

— Может быть, примерим?

— Примерим, — кивнула я.

— И там Томас подготовил кое-какие документы для подготовки к свадьбе, — продолжила мадам Дюбо. — Там все относительно меню и разных других дел, и... Так что по поводу платья? Пойдемте?

— Себастьян, ты не против?

— Присоединюсь к тебе чуть позже, — кивнул бог смерти. — Сейчас распоряжусь по поводу того, где разместить наших новых сотрудников... И тех.

У Себастьяна все еще не поворачивался язык открыто называть мертвыми тех несчастных, что сегодня шли за нами. Я понимала, что они не чувствовали боли и умерли по естественным причинам, но ничего не могла поделать с жалостью, что периодически

вспыхивала у меня в сознании. В конце концов, никто не заслуживал застревать в состоянии между жизнью и смертью, когда телу не дают отдохнуть.

— Удачи тебе, — я повернулась к Себастьяну, поцеловала его в щеку. — Возвращайся поскорее... Мадам Дюбо, пойдете.

Скелетиха крепче прижала платье к груди, словно это было самое драгоценное ее сокровище, с которым она не хотела расставаться ни на одну секунду, и жестом велела мне следовать за нею. Я, конечно, не горела желанием утонуть опять в свадебных хлопотах, но решила, что лучше переговорю с мадам Дюбо наедине. Она явно волновалась.

Женщина дождалась, пока мы наконец-то останемся наедине, а тогда осторожно поинтересовалась:

— Это... Все?

— В каком смысле — все? — усмехнувшись, уточнила я.

— Кого-то из нас вернут в могилы? Или всех? — в голосе мадам Дюбо звенело неподдельное беспокойство. — Простите, госпожа Эдита, мы надеялись, что были достаточно хороши, но...

Конечно, я понимала, что некоторых скелетов не мешало бы припугнуть, но, посмотрев на печальную мадам Дюбо, решила, что Брэй и так отлично справится с задачей запугивания, даже без моего пособничества. Потому решительно заявила:

— Беспокоиться не о чем. Себастьян не сделает ничего дурного разумным мертвецам. Хоронить будут исключительно тех, кто не обладает собственным сознанием, но почему-то не может улежать в могиле.

Мадам Дюбо с подозрением уставилась на меня. Пришлось заверить ее:

— Вам совершенно ничего не угрожает. Обещаю, что Себастьян не задумывает ничего дурного. Только немного унять аномалию. Слишком уж она... Масштабной оказалась. Никто не думал, что масштаб проблем окажется таким.

Кажется, это немного успокоило скелетиху. Она жестом велела мне раздеться, натянула на меня платье и, вооружившись булавками, взялась за дело.

— Вы будете самой красивой невестой на свете! — пылко заявила она, кажется, пытаюсь выслужиться. — Самой прекрасной, самой доброй и самой хорошей. Самой-самой-самой! Только не хороните нас. Мы очень не хотим умирать...

— А кто ж хочет?

— Вам, живым, проще, — честно сказала мадам Дюбо. — Потому что вы не знаете, как оно, там. В забвении. А я уже кое-что почувствовать успела. Конечно, умерев, я ровным счетом ничего не пойму. Но мне не хочется умирать опять.

— Понимаю.

На самом деле, осознать все это было очень непросто. А мадам Дюбо больше не желала возвращаться к столь опасной теме.

Она поправила мое пышное платье, одернула подол, подтолкнула к зеркалу и поинтересовалась:

— Ну как? Вам идет! Что скажете?

Я замерла, всматриваясь в отражение, и поняла, что теряю дар речи.

— Мадам Дюбо, это... — выдавила я из себя несколько слов и тут же умолкла, чувствуя, как сжимается горло. — Это...

— Это прекрасно, не так ли?

— Мадам Дюбо, откуда тут эти банты?!

— Какие банты?

Я представила на месте скелетихи пожилую женщину, которая сейчас наверняка наивно моргала бы, упорно, всем своим видом пытаюсь убедить меня, будто ничего не произошло. Конечно, моргать мадам Дюбо не умела, но зато шила она роскошно.

Только вот... Перестаралась немного.

На самом деле, я б могла назвать платье красивым. Оно сидело на мне, как влитое, подчеркивало грудь и талию, и я в нем чувствовала себя самой грациозной девушкой на свете. Ткань приятно холодила кожу, а белый цвет на удивление не портил меня и не делал слишком блеклой.

Но с украшениями мадам Дюбо перестаралась.

...Когда я, еще будучи в своем мире, думала выходить замуж и присматривала свадебное платье, я однозначно решила для себя, что оно будет простое и элегантное. Конечно, в итоге оказалось, что денег на платье у меня нет, а жениха я и вовсе послала, да и свадьбы-то никакой не состоялось, но образ невесты в снежно-белом наряде без единой оборки, кружев и прочей гадости, запал мне в душу.

Поразительно, но мадам Дюбо изначально угадала мое желание. Струящиеся юбки, спущенные рукава, открытые плечи, элегантный вырез, шлейф, впрочем, не очень длинный...

И бантики. Кружавчики. Невероятное количество совершенно неуместного декора, который я и так терпеть не могла. Эта свадьба грозилась превратиться в настоящий парад бантов, оборочек и скелетов.

— Эти банты, — ткнула я пальцем в ряд розовых украшений на белом. Благо, хоть не яркого оттенка. — Эти оборки! Это... Мадам Дюбо!

Скелетиха подбоченилась, готовясь защищать свое творение.

— Я уверена, — я повернулась к ней, — что у вас потрясающий вкус. Вы удивительная мастерица. И все вот это просто не могло быть вашей идеей.

— Вам совсем не нравится платье?

— Мне нравится платье! Мне не нравится декор!

Мадам Дюбо, очевидно, задумалась, не стоит ли ей проявить исключительно женскую мудрость и сделать вид, что она к этим бантикам не имеет никакого отношения. Сомнение, вспыхнувшее в глазах — точнее, в заменявшей их магии, — немного успокоило меня. Я вполне могла предположить, что сейчас творилось у швеи в голове.

— Фасон, посадка, ткань... — прошептала она.

— Это идеально!

— А декор?

— Ужасен, — честно призналась я.

— Это все Томас! — моментально нашла виноватого мадам Дюбо. — Это из-за него тут появились все нескончаемые бантики, рюшечки и прочее! Но мы с вами, разумеется, можем это осторожненько отпороть, убрать...

— Я хочу гладкую ткань и никакого декора, — решительно заявила я. — Чтобы ничто не портило невероятную красоту вашего платья, мадам Дюбо. Ведь это так интеллигентно, так сдержано и так роскошно! Без этих оборок я была бы бриллиантом в дорогой оправе. А сейчас... Меня не видно. Вокруг слишком много лишних элементов.

— Все уберем, — решительно заявила мадам Дюбо. — Обязательно! Снимайте платье! К завтрашнему утру все будет сделано просто идеально...

— Спасибо.

Я понимала, то скелетихе, возможно, и хотелось добавить каких-нибудь бантов или чего-то в этом роде, но она правильно поняла мой тяжелый взгляд и решила, что спорить будет себе дороже. Если честно, я вздохнула с облегчением. Радовало то, что мадам Дюбо решила проявить мудрость и, чтобы не дать мне отбиться вообще от всего, решила найти другого виноватого.

— Госпожа Эдита, — проворковала она, касаясь моей руки. — Мы все сделаем! Но вам тогда придется завтра уделить немало времени свадьбе... Чтобы остановить Томаса и не дать ему продолжать свой произвол, разумеется.

— Конечно, — кивнула я. — Завтра будет время, и я обязательно этим займусь.

Я переделалась в свою обычную одежду, отдала мадам Дюбо платье и отправилась к себе в спальню, надеясь, что уже ничего сегодня не случится.

На кровати лежал конверт. Я не сразу заметила его, но бумага, казалось, светилась, привлекая к себе внимание, и я, не удержавшись, взяла ее в руки.

Никаких подписей не было, и открыла конверт. Уже пробежавшись взглядом по тексту, осознала, что предназначалось письмо не мне, но откатывать назад было слишком поздно.

Ровный, красивый почерк, мог принадлежать только одному человеку.

«Себастьян, не знаю, здесь ли ты, но если это действительно так, то твои попытки исправить баланс были очень удачными. Можешь возвращаться в Канцелярию.

Надеюсь, что ты примешь правильное решение.

Хранитель Времени,

Рене».

## Глава шестнадцатая

Себастьян шадить себя не собирался. Только-только рассвело, как он выбрался из кровати и отправился на кладбище, заниматься закапыванием мертвецов. Я осталась дом; обещала ведь разобраться с Томасом и закончить все предсвадебные приготовления, отдать четкие указания вконец обнаглевшим скелетам, сейчас дрожащим от одного упоминания Брэя.

Письмо прожигало карман. Мне надо было показать его Себастьяну еще вчера, но я... Струсила. Да, испугалась, поняла, что не смогу на такое решиться.

Это было отвратительно с моей стороны, пытаться что-либо скрыть. Самое мерзкое, что только могло мне прийти в голову! Почему я это сделала? Если честно, потому, что испугалась. Ведь любой разумный человек на месте Себастьяна, получив это предложение, обязательно отправился бы к Рене и согласился с ним работать.

А я...

А мне пришлось бы искать новое пристанище. И я пообещала себе, что отдам конверт чуть позже, когда Себастьян вернется после работы. Обязательно отдам! Только позволю себе еще несколько часов провести в сказке, где у меня есть любимый мужчина, который всегда поможет и всегда будет оберегать.

— Госпожа Эдита, — осторожно поинтересовался Томас, один из немногих, кто не отправился вместе с Себастьяном рыть могилы и укладывать туда мертвецов, — что-то произошло? Вы такая грустная сидите, как в воду опущенная...

Я вздохнула. Рассказывать скелетам о своих личных переживаниях мне не хотелось, а уж тем более — о том, что Себастьян скоро отправится обратно в Канцелярию, а я... А я буду бежать, куда глаза глядят, лишь бы только не погибнуть.

И это будет единственное правильное решение. Потому что я не могу привязывать к себе Себастьяна, не могу таким образом вредить ему. Он заслуживает гораздо лучшего и большего!

— Конечно, я буду грустная, — хмыкнула я, поворачиваясь к Томасу. — Как же мне не быть грустной? Весь дом в розовых бантах, кто-то пытался подстричь мою трахиандру, а вы занимаетесь чем угодно, помимо работы!

— Но ведь мы пытаемся сделать как лучше! — Томас так наивно возрился на меня, словно он был не взрослым скелетом, который, возможно, в прадеды мне годился, а нашкодившим мальчишкой, который теперь оправдывается, что он всего лишь пытался помочь.

— Я верю, — кивнула я. — Но уже говорила о том, что вместо «как лучше» мы будем делать «как нужно». Чтобы избежать дополнительных проблем.

— Я готов немедленно!..

— И для начала я предлагаю снять банты.

— Что?!

Томас, кажется, выпал в осадок. Он возрился на меня, как на безумную.

— Здесь должно быть чисто, — принялась загибать пальцы я, — светло. Никаких бантов, никакого поросячьего розового оттенка, никакого подстригания моей трахиандры и всего прочего. Мне нравится, когда все лаконично. Меню, я думаю, и так слишком обширное — не нужны нам эти восемнадцать блюд, Томас. И вообще, я полагаю, что свадьбе уделено

слишком много внимания.

— Но... Мы так хотели отпраздновать...

— Баланс расшатывается, — серьезно промолвила я. — Мы не можем себе позволить пышные празднества. Возможно... Возможно, никакого торжества не будет и вовсе.

— Вы хотите просто расписаться?!

На самом деле, я мечтала, что пойду к алтарю и скажу свое «да» Себастьяну. Вот только умом понимала, что этого, скорее всего, не будет. И все эти бантики, оборочки... Все просто будет припадать пылью. Себастьян отправится работать с Рене — и правильно сделает, потому что для него это будущее, отличные перспективы, для него это возможность быть счастливым!

А я...

— Я хочу, чтобы в доме убрали и сделали легкий ремонт, — твердо промолвила я. — Но не более того. Хочу, чтобы было чисто и просторно. А вам, скелетам, стоит помогать Себастьяну, а не бегать за мной в надежде украсить еще каким-то чудесным образом очередную стену.

Томас заскулил.

— Но мы так надеялись...

— Я сказала, — я подалась вперед, упираясь ладонями в стол, и почувствовала, как во мне вспыхивает плохо контролируемый гнев, — что мы не будем сейчас пререкаться и спорить об этом! Ваши надежды — это, конечно, замечательно, но сейчас не до свадьбы!

Томас не успел возразить. Он только шокировано уставился на меня. Я удивилась — неужели эти слова прозвучали настолько грубо и страшно?

А потом почувствовала, как волной с меня вырывается магия.

Та самая, которая однажды перестроила дом Любви.

Теперь эта сила расползлась по доме Смерти.

Магия напоминала голодных насекомых, разбегающихся из-под моих пальцев во все стороны, пробирающихся в каждую дыру. Мне казалось, что я давно уже научилась управлять собственным даром, но сейчас он открывался для меня по-новому, и ни единого шанса остановить это безумие я просто не видела. Сила была ключом; она пролежала в каждую щель, наполняя все собой. Даже Томаса коснулась, хотя он попытался отскочить в сторону и сбросить с себя магическую паутину.

В доме Смерти не было грязно, но магия все равно нашла что усовершенствовать. Крохотные искринки взлетели в воздух, сплетаясь воедино. Сила, столько времени не выпускаемая мною на свободу в страхе быть раскрытой, обнаруженной, постепенно освобождалась и легкими толчками покидала тело.

Я с удивлением осознала, что могу колдовать очень, очень долго. Наверное, прежде, не давая себе полной свободы, я до конца не познавала собственный дар. Потом его попросту негде было применять. Но... Кто, если не богиня любви, должен знать, как правильно обустриваются дома к свадьбам?

У меня получилось.

Томас отпрянул, когда на него понесся настоящий колдовской вихрь, но сила догнала его. Оплела с ног до головы, сметая со скелета лишнюю пыль и преобразовывая ее в магические частицы, а потом осела на его плечи. Наряд мужчины вмиг потерял излишнюю цветастость, приобрел более мягкий, спокойный оттенок.

Магия, ведомая моими подсознательными желаниями, помчалась дальше. Окружила

вихрем большой розовый бант, висевший на разукрашенной золотом люстре. И краска, и ткань растворились в воздухе. Люстра видоизменилась, вытянулась, становясь гораздо менее вычурной, но при этом куда более богатой на вид.

Еще одна вспышка — магия помчалась к шторам. Она поднималась по ним медленно, словно ткала заново, пожирая яркий узор и выравнивая оттенок. Я замороженно улыбнулась. Было приятно наблюдать за тем, как лишняя крикливость, дикость просто растворялась в воздухе, уступая место тому, что я в самом деле могла назвать красотой.

— Чудеса, да и только, — прошептал Томас.

Скатерть, укрывавшая стол, стала нежно-голубой. Цветастый ковер, лежавший на полу, взмыл в воздух и разлетелся во все стороны тысячами крохотных частиц. Теперь вместо него был чистый, но совершенно новый, светлого оттенка паркет.

Магия уже собиралась к центру и волной рванулась вперед, превращаясь в красную дорожку, предназначенную, очевидно, для невесты, когда она будет идти к алтарю. Разукрашенное цветами, окруженное огромным количеством каких-то цветов и поросячьего оттенка бантиков, будущее рабочее место священника тоже стремительно преобразалось.

Теперь там оказалась всего лишь аккуратная белая арка, украшенная гортензиями, сотканными из магии. Это не были ни живые, ни искусственные цветы; я пораженно замерла, рассматривая их, и подумала, что даже толком не могу описать природу этих растений.

Несколько лепестков упало на землю и рассыпалось алмазной пылью. Она, сверкая, так и осталась на полу, словно эдакий незавершенный штрих перед свадьбой.

Магия не останавливалась. Она дотянулась до каждого банта и каждой оборки, до всего, что так мне не нравилось. Декор на поручнях лестницы, ведущей на второй этаж, до того несносно лиловый, тоже побелел. Легкие сиреневые вкрапления напоминали о прежнем оттенке, но не более того. Странного вида висюльки, за которые Томас был готов воевать, аки за детей родных, превратились в россыпь алмазной пыли, упавшей на ткань и застывшей на ней легким блеском.

Даже обои — и те были изменены! По ним тоже пролетела волна колдовства, убирая все лишние отметки, кричащие пятна, все, что могло мне не понравиться. Дикий, кричащего оттенка узор сменился белым рельефом, едва заметно сверкающим при свете ламп.

Все, включая оконные рамы, паркет, стены, потолок, ступеньки, теперь окрасилось светлыми оттенками. В доме Смерти внезапно стало очень легко дышать, и я почувствовала себя тут настоящей хозяйкой. Пусть даже ненадолго, пусть всего на несколько минут, но вытолкнула своей магией отсюда все темное, что только могло быть.

Теперь мне было невероятно легко дышать. Даже воздух стал свежее. Магия вернулась обратно, на свое место, словно преобразование не потребовало от меня ровным счетом никаких усилий.

— Потрясающе! — прошептал Томас. — Госпожа Эдита, мы и не подозревали, что вы такое можете!

Признаться, и я тоже не подозревала. Не знала, что во мне откуда-то может найтись такая необычная, в какой-то мере странная сила. А еще я этого боялась.

Не знала, чего именно — трудно было четко определить источник моих страхов. Просто чувствовала себя как-то...

Словно позволила сорваться с цепи тому, что могло меня выдать. Ведь в доме Смерти не должно быть преобразений, сделанных руками богини Любви.

— Ого! — раздалось восклицание. — Ничего себе!

Я обернулась. В дом вернулся Себастьян. Заметно уставший после работы с мертвецами, сильно побледневший, но пытающийся держаться и никоим образом не выдать ни следа собственной слабости. Я улыбнулась ему немного несмело, словно пытаюсь убедиться в том, что мужчина нормально отреагирует на совершенно внезапные изменения. Мы ведь не планировали ничего перестраивать! Кто ж знал, что моя магия внезапно решит сорваться с цепи и проявиться во всей красе.

Но, судя по веселью, вспыхнувшему во взгляде мужчины, он был откровенно доволен тем, что получилось.

— Какая внезапная перестройка! — заявил Себастьян. — Теперь все такое... Опрятное и лаконичное одновременно. Дорогая, я думаю, можно практически сразу под венец. А ты как считаешь?

Я смущенно пожала плечами.

Что-то мне подсказывало, что «под венец» можно будет отменять в ту же секунду, как Себастьян поймет, какое именно послание я целые сутки скрывала от него. И, вероятнее всего, примет решение не в мою пользу.

Да что там! Он должен отсюда уехать, согласиться на то, что предлагает ему Рене. Я прекрасно об этом знала, хоть и в какой-то мере боялась признать...

— Мне кажется, — осторожно промолвила я, — тебе не стоит спешить с женитьбой, Себастьян. Это может разрушить тебе жизнь.

— Ты опять за старое?

Я вздрогнула. Магия подрагивала на кончиках пальцев. Я чувствовала, что могла сейчас затуманить сознание любимого и просто убедить его в том, чтобы он навсегда остался со мной. А могла просто никогда не показывать ему тот конверт с запиской от Рене и спокойно жить дальше, ни о чем не беспокоясь и ничего не боясь. Но что-то останавливало меня. Липкий, скользкий страх, толкающий вперед и заставляющий молчать, был чувством неизменным.

А Себастьяна я любила.

Любимых не обманывают.

— Не за старое — за новое, — промолвила я. — Я же вижу, как тебе больно от мысли о том, что ты никогда не сможешь наладить нормально баланс, просиживая все время тут, со мной. Тебе следует заняться этим серьезно. Вместе с Рене. Он не был бы против. Уверена, он с удовольствием принял бы тебя в новую команду...

— Ты мне важнее.

— Я не могу быть важнее всего мира.

— Можешь... Томас, иди-ка отсюда, не развешивай уши, — Себастьян повернулся к скелету. — У тебя что, мало работы?

— Никак нет, господин бог смерти! Работы много, господин бог смерти! — стремительно поклонился Томас, сверкнул магией в пустых глазницах и поспешил удалиться.

Себастьян проводил его раздраженным взглядом и тяжело вздохнул. Было видно, что он хотел поговорить со мной о чем-то, но все никак не решался.

— Как ты? Как мертвецы? — спросила я у него. — Все получилось?

— Да, — кивнул Себастьян.

— А баланс?

Он продемонстрировал мне бутылку. Она была чуть побольше предыдущей, наполнившейся тьмой после того, как Себастьян уложил в могилы мертвецов из первой деревни, но этого даже близко не хватило бы для того, чтобы все наладить.

Шар так и останется полупустым.

— Забудем о работе, — попросил Себастьян. — Тебе-то уж точно сейчас не надо задумываться о мертвецах. Это моя забота. Не твоя.

Моя магия вновь отозвалась тихим покалыванием пальцев. Разыгравшись, разогревшись и раззадорившись, сейчас она была готова на любые подвиги ради меня, своей хозяйки. Другое дело, что я сама на эти подвиги пока что не решалась. Мне хотелось честности и правды. А еще хотелось, чтобы Себастьян обнял меня и пообещал, что все будет хорошо.

Вот только поверить в это я смогу лишь после того, как четко пойму, что ему известна вся правда от первого до последнего слова.

— Ты сегодня какая-то слишком грустная, — Себастьян остановился рядом. — Что, совсем замучили с этой свадьбой?

— Да нет, наверное, — отозвалась я и сама усмехнулась в ответ на данную формулировку. — Все нормально. Только... — я велела себе быть честной. — Прости. Я должна была отдать тебе это сразу.

Я протянула ему конверт.

Себастьян взял письмо в руки, открыл его, пробежался взглядом по содержимому и едва заметно помрачнел.

— Да, я читала, — кивнула я в ответ на невысказанный вопрос. — И я буду очень рада, если... Если ты сможешь обрести свою свободу. Перестанешь оглядываться. Тебе больше не придется ни за что бояться. Это шанс. Рене предлагает тебе вернуться в нормальную жизнь. И если ты хочешь знать мое мнение, то... Я буду счастлива, если ты согласишься.

Себастьян отложил письмо в сторону и опустила руки мне на плечи. Я вздрогнула, чувствуя его жар, и прошептала:

— Это неправильно — лишать тебя шанса...

— Я люблю тебя, — твердо промолвил Себастьян. — И считаю, что нам больше не стоит ничего ждать. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Как можно скорее. Завтра. Я велю скелетам, чтобы они немедленно все подготовили. Довольно... Мы уже столько времени тянули. Я не хочу, чтобы оставалась какая-то недосказанность. Потому что я тебя люблю. И плевать на все остальное.

Я закрыла глаза.

— Ты потом можешь пожалеть...

— Никогда и ни за что. Так ты... Ты выйдешь завтра за меня замуж?

Я только мягко улыбнулась.

— Конечно. Конечно, завтра я стану твоей женой.

## Глава семнадцатая

Себастьян наотрез отказался принимать предложение Рене. И хотя я просила его подумать, он сжег письмо. Сказал, что Истинные давно пали в его глазах. Рене, может быть, и иной... Но для этого ему сначала надо пощадить свою сестру.

Мне, несомненно, выгодно было молчать и наблюдать за тем, как Себастьян нить за нитью разрывает свои связи с прошлой жизнью. Но я не могла. Попыталась убедить его в том, что он губит собственное будущее; может быть, хоть задуматься о сотрудничестве? Это ведь можно как-то совместить с тем, чтобы не выдавать меня. Можно что-то придумать...

Я понимала, что придумать будет сложно, да. Но также я знала, что Себастьян действительно хотел занять предлагаемое Рене место — не ради карьерных амбиций, а просто потому, что надеялся минимизировать причиненный Истинными за долгие годы вред.

Его «нет» оказалось тверже алмазов, и мне пришлось сдаться и продолжить подготовку к свадьбе. Не хотелось, если честно, ни праздничных столов, ни белого платья, ни торжественной церемонии, но отказываться от всего этого было слишком поздно.

У меня кошки скребли на душе. Дурное предчувствие давало о себе знать каждую секунду. И сколько б я ни уговаривала себя, не повторяла, что все нормально, мысль, что вот-вот все рухнет, не покидала меня до самой последней секунды.

В доме все было белым и чистым. После того, как моя магия уничтожила остатки праздничных бантов и поросячьего декора, подготовку к свадьбе можно было назвать законченной. Даже трахиандра выбралась из своей земли и сверкала светлыми, вымытыми стеблями.

Только я отнюдь не чувствовала себя невестой.

Себастьяна не было. Скелеты утверждали, что видеться с женихом до обряда венчания — дурная примета, и все попытки сослаться на то, что богиня любви в данном вопросе авторитетнее нескольких мертвецов, оказались безуспешными.

«Против традиции даже богини любви бессильны», — гордо заявили мне скелеты и так и не рассказали, где Себастьян. Потому утро я провела, наблюдая за расстановкой стульев, а сейчас, ближе к обеду, устроилась на ступеньках крыльца и просто смотрела в синее небо. Свадебную церемонию должны были начинать к вечеру, когда в большой зал будут проникать алые лучи закатного солнца, и мы с Себастьяном согласились подождать — сколько там, полдня? Не беда. К тому же, это традиционно для богов смерти, жениться в темной половине суток, а для богинь любви — купаясь в солнечных лучах. Скелеты полагали, что нашли идеальный вариант для нас.

Меня трусило.

— Эдита, это просто свадебный мандраж, — прошептала я, обращаясь к самой себе. — Ничего плохого не может произойти. Некогда! Сегодня ты станешь женой своего любимого мужчины, а потом...

Наверное, меня пугало именно это «потом». Что мы будем делать в своем «долго» и «счастливо», кроме как умрем в один день, столкнувшись с истинными? Или просто от старости и усталости. Вокруг пустые кладбища, мертвецы, которые не спешат в могилы, а о том, что творится в отделе любви, даже подумать страшно.

И не видно что-то, чтобы баланс изменялся в положительную сторону. Скорее

наоборот, все становится хуже и хуже. Я чувствовала, как стремительно уставал этот мир. Дела смерти, может, и налаживались, а вот с любовью — точно нет.

Я вздрогнула, чувствуя, как что-то легло мне на плечо, обернулась и с удивлением узрела трахиандру. Растение устроилось рядом со мной, ласково приобнимая, и я прижалась к теплому, прогретому солнцем стеблю.

Один из корешков изогнулся вопросительным знаком, и я только улыбнулась, радуясь тому, что могу понимать трахиандру и без лишних слов.

— Просто грустно что-то, — призналась ей. — Устала. Думала, что все будет гораздо проще... Странно радоваться свадьбе, когда в жизни ничего стабильного.

«Ничто не вечно», — вывела на земле трахиандра.

— Да, — согласилась я, — но все же, далеко не все живут в настолько подвешенном состоянии...

Растение ничего на это мне не ответило, только ласково погладило по волосам, будто пытаюсь утешить. Я улыбнулась, позволяя грусти просто уйти. Сейчас не время. Думать о тяжелом будущем начну завтра... Или вовсе никогда, просто постараюсь сделать все от себя зависящее здесь и сейчас, на том месте, на котором нахожусь.

— Госпожа Эдита! — знакомый голос мадам Дюбо уже не заставил меня вздрогнуть. Я и так понимала, что она будет меня искать.

— Спасибо, — поблагодарила я трахиандру, поднимаясь со ступенек, — за поддержку. Ты — хороший друг. Гораздо лучше большинства людей.

Растение только потерлось стеблем о мое плечо, а потом отпустило, позволяя уйти.

— Уже иду! — крикнула я мадам Дюбо. — Где вы?

Скелетиха ждала меня посреди зала. Узрев, окинула внимательным взглядом — насколько я смогла понять по сверканию магии в пустых глазницах, — и жестом велела следовать за нею.

— Через несколько часов уже начнется церемония бракосочетания, — спешно заговорила она, — а у нас еще практически ничего не готово! Это где ж видано такое? Надобно, чтобы вы, госпожа Эдита, и платье надели, и туфельки, и прическу сделать, и фату...

Я вздохнула.

— А может, ну его? — совершила последнюю попытку, но мадам Дюбо только решительно втокнула меня в комнату, предназначенную, очевидно, для подготовки невесты, и я застыла, удивленно глядя на платье.

Теперь оно не было ни грубым, ни аляповатым, и я, признаться, не смогла найти ни единого следа прежних излишеств. Наряд оказался в самом деле очень красивым.

Простая белая ткань, струящиеся юбки, открытые плечи, нежные кружева, украшающие лиф... Платье не содержало в себе ни единой сложной, заумной детали, но при этом оставалось невероятно элегантным и красивым. И хотя я не чувствовала в себе никакого настроения для праздника, все равно не смогла сдержать восторженный вздох.

— Вам понравилось, — мадам Дюбо не спрашивала, в ее голосе звенели утвердительные интонации. — Как замечательно, что вам понравилось! Я очень старалась!

— Это великолепно, — честно промолвила я. — Мне просто не могло не понравиться... Спасибо, мадам Дюбо. Это лучшее, что вы только могли сделать!

Обернувшись, я увидела в магии, заменявшей скелетихе глаза, что-то вроде недовольства, словно она собиралась сказать, что на самом деле могла совершить и не такое,

а нечто гораздо более впечатляющее, но мои вкусы оказались преградой, которую она не смогла обойти.

Но меня сейчас очень мало интересовало мнение мадам Дюбо относительно излишней — исключительно по ее мнению, — простоты платья. Ведь, и это было самым главным, оно умудрилось потрясти меня саму, причем до глубины души. А что еще нужно? Ведь, с первого взгляда влюбившись в собственный образ в этом платье, я уже ни за что не согласилась бы на какое-нибудь другое.

— Давайте я помогу вам переодеться, — предложила мадам Дюбо. — С платьями бывает сложно сладить...

— Я надеюсь, — усмехнулась я, — оно без корсета?

— Без, — если б передо мной была не скелетиха, а живая женщина, она наверняка сейчас хмурила лоб. В голосе появились ворчливые нотки. — В те времена, когда я работала швеей, дамам не претила необходимость носить корсеты. Насколько тоненькими и изящными они казались...

— И как им было бы приятно пробовать все восемнадцать блюд, которые изволил приготовить Томас, — отметила я. — Но это, разумеется, только после картинного падения в обморок у алтаря от низкого показателя сатурации крови.

— Чего-чего? — уточнила мадам Дюбо, подаваясь вперед.

— Это уровень насыщенности кислородом... Забыли, — я уже поняла, что никакого смысла разговаривать со скелетихой об этом нет. — Я сама справлюсь с платьем.

Из комнаты мадам Дюбо не вышла, но мне удалось скрыться за ширмой. Конечно же, к платью прилагалось и специально подготовленное белье, и я подозревала, что мадам Дюбо очень сожалела о невозможности предоставить мне какие-нибудь панталоны. Но, к счастью, обошлось без внезапных нововведений, и спустя несколько минут я, облаченная в белое платье, выглянула к скелетихе.

Она всплеснула своими костлявыми ладонями.

— Вы прекрасны, госпожа Эдита!

Что ж, платье и вправду сидело как влитое. Я, несомненно, узнала себя в отражении в зеркале, но выглядела, тем не менее, как-то иначе. Более элегантно, утонченно...

Наверное, именно так и следовало все время выглядеть богине любви?

— Присаживайтесь, госпожа Эдита. Прическа, макияж... — промолвила мадам Дюбо. — Давайте, давайте. У нас мало времени!

Я подчинилась. Плевать на свадьбу, но желанный мужчина был так близко, что я действительно мечтала о возможности спуститься к нему в таком виде, улыбнуться, почувствовать на себе полный восторга взгляд, сказать это короткое «да», которое может столь многое изменить в нашей жизни...

Мадам Дюбо умело расчесывала мои волосы, укладывая их в какую-то сложную прическу, и я позволила себе расслабиться и довериться скелетихе. Оставалось надеяться на то, что она не соорудит ничего в своих прежних традициях...

Но, если верить тому, что получилось с платьем, вкус у мадам Дюбо был отменный, и она умела отлично подстраиваться под клиентов.

Мы не говорили, но тишина не давила, а, наоборот, помогала расслабиться. Я откинулась на спинку кресла и просто наблюдала за быстрыми движениями скелета, зависшего у меня за спиной. Интересно было посмотреть на результат, хотя я обычно не испытывала ни малейшего интереса к своему внешнему облику.

В комнате вдруг стало холодно. Я удивилась, почувствовав, что руки скелета, до сих пор поправлявшего мне прическу, застыли. Костлявые пальцы так и запутались в густых прядях. Застыло и мое ошеломленное отражение в зеркале. Я дернулась, отшатнулась, а оно так и осталось стоять на месте.

Подул ветер и раздались тяжелые шаги. Стена, отделявшая комнату от коридора, внезапно исчезла.

Мое сердце на секунду перестало биться.

По ступенькам медленно поднимался Рене.

Это был другой Рене. Не тот, которого я видела прежде, не тот, которого была счастлива назвать своим братом. Этот мужчина стал еще красивее — но как будто потерял душу. В раскосых синих глазах можно было утонуть; о линию скул — порезаться; наверное, темные волнистые волосы наощупь оказались бы нежнее шелка. Кожа стала бледнее, но была идеально ровной.

— Здравствуй, Эдита, — проронил он.

Я сглотнула.

— Что ты сделал?..

Скелет рядом со мной замер. Отражение в зеркале тоже. Все замерло, только я одна, да сам Рене могли разговаривать и двигаться.

Новый Верховный улыбнулся.

— Не волнуйся, Эдита, — прошептал он. — Я просто остановил Время. Видишь.

Рене вытянул руку. На раскрытой ладони лежали крохотные песочные часы, закованные в стеклянную оболочку.

— Цена моего бессмертия, — ухмыльнулся он, сверкая синими глазами. Я вздрогнула. Рене изменился. Стал как будто каким-то... ядовитым.

И пугающим.

Я попятилась к стене, вжалась в нее, понимая: он обязан меня убить. Брат стоял напротив меня, крутил в руках тонкую цепочку с этими часами, а я могла думать только о Себастьяне, который ждет меня. Не быть нашему тихому венчанию...

— Долг Хранителя Времени, — протянул Рене, — уничтожить аномалии и разобраться с подменами. Восстанавливать баланс.

Я вздрогнула.

— Я должна умереть?

— Да, — коротко подтвердил он.

За спиной у Рене из воздуха появились двое — Истинные. Я узнала их по особенному, холодному взгляду и по строгим, будто из камня вытесанным лицам. Истинных нельзя было назвать живыми. Рене ещё хранил ту самую искру, что делала его человеком, а в этих двоих она погасла.

Оба мужчины были вооружены мечами. И, не дожидаясь команды, один из них сделал шаг вперед и поднял свое оружие.

— Как ты меня нашел, Рене? — прошептала я, пытаюсь выторговать еще несколько минут своей жизни. Истинные сделали еще один шаг ко мне, но Рене сделал едва уловимый жест рукой, и они остановились, словно превратились в камень. Он же отодвинул стул, устроился на нем, закинул ногу на ногу и окинул меня внимательным взглядом, словно изучал, искал какой-нибудь изъян.

Я замерла, даже не дыша. Сердце гулко колотилось в груди. Странно было смотреть на

свой портрет, застывшее в зеркале отражение.

— Себастьян сказал, — продолжила я, — что здесь нас невозможно обнаружить. Слишком сильна энергетика смерти.

Смех Рене был мягким, вкрадчивым, осторожным. Брошенный из-под ресниц взгляд можно было считать дружеским, но я же знала, зачем мужчина сюда пришел!

— Да, магически вас не найти, — утвердительно кивнул Рене. — Моя предшественница, Матильда, наверняка не справилась бы с этой задачей. Матильда во всем полагалась на свою силу, — он закрыл глаза. Безмятежная улыбка стала злой. — Но, в отличие от нее, я люблю также применять свои мозги. Если вас нет нигде, значит, вы там, где до вас не могут добраться, — он пожал плечами. — Это элементарная бинарная логика. А записи о доме смерти были, разумеется, в старых архивах. Я их поднял, еще когда надо было посылать приглашение Себастьяну. Эти, — он кивнул на Истинных, — предлагали мне просто испепелить вас, вместе с домом. Сказали, что так будет гораздо легче. Страшно ведь уничтожать близких. А так... Мне не придется смотреть. Ни на тебя, ни на Себастьяна.

— Но ты пришел.

— Да. Не хочу быть трусом.

Я заставила себя оторваться от стены и, мягко ступая по полу, подошла к Рене. Протянула руку, чтобы прикоснуться к нему, и провела кончиками пальцев по щеке, сама не понимая, зачем это делаю. Он улыбнулся, перехватил мою ладонь и поцеловал в запястье.

- Тебе очень идет это платье, — прошептал он. — Ты прекрасная невеста, Эдита.

Его дыхание приятно щекотало кожу запястья. Я вздрогнула, чувствуя себя, если честно, настоящей пленницей, которую пора бы проткнуть кинжалом насквозь, чтобы не страдала. Рене улыбнулся еще раз и отпустил все-таки мою руку.

Он совершенно не походил на убийцу. Я понимала, что это всего лишь его долг. Долг, который он обязался исполнить.

— Я могу тебя попросить кое о чем? — решила я.

— Проси, — кивнул Рене.

Я набрала полную грудь воздуха и выпалила:

— Пощади их.

— Что?

— Ну ты же пришел убить нас. Всех, кто не выполнил приказ. Я — аномалия, — я зажмурилась. — Я понимаю, что не имею права на жизнь. Еще и сопротивлялась. Но Себастьян ни в чем не виноват! И эти скелеты тоже! Подари им возможность существовать дальше, хоть и без меня. Пожалуйста. Забери меня одну. Я готова. Я не буду сопротивляться, не стану сбегать — все равно некуда. И тебе не стоит себя в этом винить. Ты поступаешь как должно. Просто... Забери меня одну.

Рене поднялся на ноги. В его руке появилась золотая стрела, так похожая на ту, которой Матильда уже пыталась меня убить.

— Прощу тебя, — взмолилась я. — Отпусти Себастьяна. Большого мне не нужно.

— С ним все будет в порядке, — усмехнулся Рене и занес свое оружие.

## Глава восемнадцатая

Я зажмурилась, не в силах смотреть в глаза своей смерти... А потом услышала тихий шорох.

— И с тобой тоже, — прозвучал мягко Рене. — С тобой тоже будет все в порядке, Эдита. Не надо жмуриться. Я все равно не смог бы убить тебя.

Я удивленно воззрилась на меня.

— Ты...

— Если руководствоваться правилом твоего последнего перемещения, — заговорил вдруг Рене, коротким жестом возвращая время Истинным, — то тебя действительно ждет смерть. Но если копнуть глубже... У девушки из другого мира не могло быть способностей. Матильда распознала тебя не сразу. И я не чувствую в тебе чужую. Потому, я думаю, мы повременим с карательными мерами.

— Верховный, это нарушение, — заговорил наконец-то Истинный. Лезвие его меча уже коснулось моего горла, и я чувствовала, что стоит сдвинуться ещё хотя бы на волосок, и меня ждет не слишком приятная смерть от перерезания артерии.

— Да? — ухмыльнулся Рене. — А не я ли, как Верховный, определяю правила баланса?

— Ты молод, — строго ответил Истинный. — Мы все прожили в тысячу раз больше.

— Но власть у меня, — он скользнул взглядом по лезвию меча, и то опасно задымилось. — Потому слушать вы будете тоже меня. Мне кажется, это логично? Или мы будем пересчитывать, насколько жизненный опыт нивелируется не умирающими мертвецами?

Он протянул руку и постучал ногтем по лезвию меча. Я заметила в синих глазах Рене знакомые мне еще с его обычной жизни озорные искры — а после с удивлением обнаружила, как меч медленно осыпался золотым песком на пол.

— Так-то лучше, — довольно проронил Рене. — Мне продолжить, или вы предпочтете сохранить все остальное в целостности и убраться отсюда самостоятельно?

Истинные ничего не ответили. Вспыхнули колдовские огни, и они растворились в вихрях золотого песка, оставляя после себя только немое осуждение.

Рене остался. Он смотрел на меня с вызовом, хитро щуря синие глаза, и промолвил:

— Я думал, вы с Себастьяном разбежались, когда он так активно взялся за деревни и принялся наполнять шар. А потом балансовая схема в доме Любви буквально взбесилась, реагируя на какой-то там акт самопожертвования, и я подумал, что вы с Себастьяном, возможно, здесь и перебираете варианты, как это так лучше уступить друг другу, чтобы сделать себе похуже, а второй половине — получше. Это как раз в вашем характере. Не ошибся. Правда, мне пришлось солгать Истинным по поводу цели моего посещения тебя, потому что живой мог уже и не застать... Но все хорошо. Теперь они не посмеют... Эди, ты обнимешь брата в конце концов, или мне так и стоять?

Он протянул ко мне руки. Я неуверенно переступила с ноги на ногу, не веря своим ушам, а потом сделала шаг ему навстречу.

— Ты же понимаешь, — прошептала я, — что я не та Эдита, с которой ты рос в детстве?..

— Не та, которая называла меня уродом и тупицей, а также написала тридцать семь рекомендаций Матильде выгнать меня поскорее. Конечно, не та! — хмыкнул Рене. — И,

разумеется, понимаю.

Я подошла достаточно близко, чтобы мужчина наконец-то смог поймать меня за запястье и притянуть к себе, заключая в теплые родственные объятия. Я уткнулась лбом Рене в плечо и тихо всхлипнула, наплевав на то, что может поплыть так и не завершённый мадам Дюбо макияж.

— Мне пришлось, конечно, потрудиться, чтобы найти лазейку, по которой тебе и Себастьяну ничего не грозит, — прошептал Рене мне на ухо. — Вообще-то, после того, что мы вытворили в доме Любви, нам всем троим полагалась казнь.

— И тебе?

— Мне первому! — фыркнул Рене. — Ведь я должен был предугадать, что Матильда умрет, и, по мнению Истинных, нарочно обнял ее, чтобы отобрать ее силу. Ты же понимаешь, что им трудно объяснить, что такое любовь и порыв, желание защитить своих близких? В общем-то, они бы с удовольствием устроили публичную казнь сразу после вашего с Себастьяном исчезновения, но вот незадача, «совершенно случайно» попавшая в меня стрела песком рассыпалась, стрелявший Истинный едва не отдал концы вместе с нею, а я так и не изволил помереть. Наш баланс только и ждал, очевидно, смены руководства.

Я улыбнулась.

— Почему тогда было не сделать этого раньше?

— Ну а представь себе, внезапно Матильда рассыпается в прах, и кого выбирают Верховным? Наверняка кого-то из этой золотой бессмертной компании, — Рене наконец-то выпустил меня из своих объятий и нагло уселся в кресло, которое до сих пор занимала я. Теперь руки мадам Дюбо касались его волос, и бывший бог красоты, очевидно, счел это забавным. — А так, у них просто не осталось возможности сопротивляться. Потому вот, подчиняются. У нас уже минус три. Себастьян, наверное, видел расставание с Базилием...

— Мы вместе.

— Вы еще и вместе! — хмыкнул Рене. — Безумству храбрых нет предела... Таких было еще двое.

— А баланс что?

— Стоит, как видишь. Вряд ли эти паразиты действительно могут оказать на него положительное действие, — он скривился. — В общем, я пришел бы раньше и не вторгался бы посреди вашей свадьбы, если бы раньше нашел доказательства, по которым могу вас оставить. С Себастьяном было проще, все же, избранный бог смерти — это не шутка, а вот с тобой...

— Ну да, — печально вздохнула я. — С иномирянкой... Вернешь меня на прежнее место?

Рене прищурился. Взглянул на меня и протянул:

— Мне пришлось перерыть два отдела архива верх дном и довести Милену до нервного срыва, а теперь ты предлагаешь вернуть тебя на прежнее место? Тем более, ты и так на нем...

— В каком смысле?

— Да в прямом, — холодно проронил Рене. — Матильда любила расшатывать баланс так, как ей было угодно. Потому, когда она узнала о том, что родился ребенок, идеально подходящий на роль богини любви, она просто перекинула его в другой мир и приволокла на его место ни в чем не повинного двойника.

Я застыла, не до конца понимая, о чем речь. Рене вздохнул, взял меня за руку и уже

мягче промолвил:

— Та, другая Эдита, просто вернулась на свое место. И ты тоже. Потому что ты — не из другого мира. Ты — моя настоящая сестра. А значит, и казнить тебя не за что...

Я отшатнулась от Рене и натолкнулась спиной на замершую в остановленном времени мадам Дюбо. Та даже не пошевелилась, так и осталась стоять, словно вкопанная, и смотреть в пустоту. Я невольно поежилась.

— Как такое может быть? — тихо спросила я.

— Каждое перемещение между мирами — серьезный энергетический всплеск, — протянул Рене, поймав меня за запястье и притянув к себе. — Матильда занималась этим, наверное, уже давно. Такие всплески легко заметить по аналитике, но у нас, кхм, были не слишком старательные сотрудники в соответствующем отделе. Потому она обменивала детей, а излишек силы просто впитывала в себя. Ты просто попала под раздачу. Подозреваю, она даже не сразу поняла, что закинула в другой мир одаренного ребенка, но всплеск был особенно сильным.

Я ткнула лбом Рене в плечо, не зная, что и сказать. Теперь, когда он признался в том, что мы — брат и сестра, кровные родственники, все как будто стало на свои места, и мое отношение к нему в том числе. Даже как-то странно было прежде, что я не могу испытывать к такому красивому мужчине ничего сильнее сестринской, платонической любви. Теперь это было логичным.

— А почему, — прошептала я, — гостей из других миров никогда не оставляют? Даже если там им грозит смерть? И почему Эдита, ну, та, другая Эдита, хотела вернуться?

Рене скривился.

— Потому что баланс жесток, — протянул он. — И я могу представить себе, сколько его жертв появилось на свет из-за Матильды... Мир — система, все же стремящаяся к равновесию, и в данном случае он тоже не подводит...

— Что с ними происходит?

— В детстве ничего, — промолвил Рене. — Потому что ребенок еще не способен серьезно влиять на мир. Но с каждым годом человек становится все более значимым и сильнее вносит энтропию в систему. Хаос опасен. Потому, из-за баланса, человека выталкивает на задворки жизни. Он оказывается ни на что не способен. К двадцати пяти, максимум к тридцати годам этот человек просто умирает.

— То есть, мои неудачи в личной жизни, то, что у меня не было ни друзей, ни родных, ни близких... Это из-за подмены? Из-за того, что мой мир не был моим?

Рене кивнул.

— А еще бестолковость Эдиты, ее склонность к странным связям, неизвестный, к которому она туда слиняла... Все это — совокупность факторов. Вы оказались слишком важными, чтобы просто раздавить, убить вас. А в мире есть десятки, сотни подменьшей, с которыми далеко не все так радужно. И их надо искать. Выравнивать баланс, обменивать, отправлять в родной дом. Пусть сначала всем им будет сложнее, но они по крайней мере не умрут лет на двадцать-тридцать-сорок раньше срока. А Истинных надо поставить на место. Залатать дыры в этом месте и... — Рене вздохнул. — И убрать внешние факторы, способны опять этот баланс расшатать. У меня впереди огромное количество работы. Но я не собираюсь сдаваться.

Я смотрела на него, не до конца понимая, к чему вел мужчина. Рене мягко улыбался, глядя на меня, и обнимал.

— Я позвал Себастьяна к себе на работу, — твердо промолвил он, — и зову тебя. Надеюсь, что вы не откажетесь и сможете все-таки помочь мне. Впереди много всего... Разумеется, никаких преследований! — в синих глазах мужчины светилась уверенность. — У вас будут полномочия и возможность делать практически все, что вам заблагорассудится. И вместе мы сможем разогнать черноту, которую создала Матильда. Вместе все поставим на место.

В моем взгляде промелькнуло что-то помимо удивления. Наверное, некое недоверие, желание убедиться в том, что Рене не лжет. Но он, кажется, действительно был серьезно настроен и не собирался отступать от принятого решения.

— К тому же, — выдал вдруг он, — я хочу, чтобы ты была рядом. Потому что я тебя люблю, — он перехватил мой недоуменный взгляд. — Как сестру, если что, пока ты не успела там себе какую-то гадость придумать.

Я шумно выдохнула воздух.

— Даже не собиралась!

— Ну вот и замечательно, — Рене подался вперед, утыкаясь носом в мои волосы. — Ну так что? Ты согласна?

Я замялась. Конечно, мне очень хотелось занять положенное мне место, но...

— Прямо сейчас?

— Ну, — протянул Рене, — времени у нас мало, приступать надо как можно скорее. Но я все-таки рассчитываю, что прямо сейчас тебе доделают прическу, и я отведу тебя к алтарю. Вы же жениться собрались?

— Да, — выдохнула я. — Жениться. Ты же не против? Себастьян говорил, что боги часто одиноки...

— Ну вот пусть и будут себе одиноки, — фыркнул Рене. — Там вон на должность одиноких целый боекомплект истинных! Их гонять надо, как сидоровых коз... А ваша женитьба нисколечко не помешает. Тем более, вы любите друг друга, — он серьезно взглянул на меня. — Любите сильнее всего на свете. Это даже не поддается сомнению. Люди, которые не испытывали бы друг к другу настолько сильных чувств, не прошли бы через все это, не расставшись. Себастьян даже знака мне не подал, что хочет вернуться, а ведь после письма мог бы! Но уверен, что у него в голове и мысли не было тебя бросать. Так что, сестренка, в сторону все сомнения. Эта свадьба должна состояться в подтверждение того, что наступило время перемен.

Я отстранилась от Рене, опустила обратно на стул, чтобы мадам Дюбо смогла все-таки сделать мне прическу, но остановила брата жестом, когда он потянулся к песочным часам, собираясь вернуть времени естественный ход.

— А ты сам как? После случившегося. Ведь ты любил Матильду...

Рене вздохнул.

— Приятного мало, но Истинные старательно пытаются меня утешить. Позавчера притащили троицу каких-то полураздетых барышень, позавчера — перепуганного мальчишку из расшатывателей баланса, мол, мало ли, какие у меня вкусы... Удачно притащили, кстати, хоть вернул беднягу в его мир и вытащил оттуда его двойника. Но, знаешь, любовь бывает только взаимной. А все остальное... Да, у меня были к Матильде чувства. У нее ко мне вряд ли.

— Мне показалось, она все-таки была к тебе равнодушна...

Рене только горько усмехнулась. Я ждала от него жестокого «тебе показалось», но

мужчина протянул:

— Пути баланса неисповедимы. Возможно, это все было только для того, чтобы я занял положенное мне место. Но любовь к Эдите если еще не вся выгорела, то догорает. А твоя, Эдита, как вечный огонь, когда не погаснет... Так что, запускать мне твою помощницу? — он кивнул на мадам Дюбо.

— Запускать, — решительно кивнула я и заворуженно наблюдала за тем, как в его руках закрутились крохотные песочные часы.

Время вновь запустило свой ход. Я вздрогнула, почувствовав, как костлявые пальцы ударились мне куда-то в черепную коробку, и скривилась, реагируя на повизгивание.

— Ох мамочки! Госпожа Эдита... А вы кто?!

Последнее касалось Рене. Он вальяжно расселся в свободном стуле и внимательно смотрел на мадам Дюбо, словно пытался понять механизмы ее функционирования. Во взгляде Рене было что-то такое... Недоверчивое, словно он не понимал, как потенциально мертвое существо может ходить и говорить, еще и возмущаться, задавать какие-то вопросы.

— Это мой брат, — промолвила я. — Он поведет меня к алтарю.

— В таком непристойном виде?!

Я заморгала.

— Это единственное, что вас волнует, мадам Дюбо?

Скелетиха хмыкнула. Она вновь взялась за мою прическу и тоном, не знающим возражений, заявила:

— Во-первых, невесту к алтарю обязан вести отец. Во-вторых, он должен быть во фраке, а не в чернющей, как ночь, рубашке и откровенно потрепанных штанах!

Своего здешнего отца я в глаза не видела, хоть и понимала, что если он жив, то мне рано или поздно придется с ним познакомиться. Про цвет рубашки Рене была правда — она и вправду оказалась черной, хотя я поначалу даже не заметила этого. Но почему брюки Хранителя Времени были обозваны потрепанными — этого я уж точно не понимала.

— Я полагаю, — протянул Рене, — что нашего с Эдитой отца лучше в это не вмешивать. А идти к алтарю самой ничем не лучше, чем идти к нему с братом под руку. Что ж до брюк и фрака... Полагаю, это несложно изменить.

Он щелкнул пальцами, и одежда моментально переменяла свой вид. Теперь это и вправду был фрак; мадам Дюбо, фыркнув, отвернулась, а вот я наоборот от интереса едва не протянула руку, чтобы потрогать рукав.

— Он настоящий, — улыбнулся Рене. — Магия — хорошая вещь. Научиться нескольким заклинаниям — и можно не зависеть от слуг, живых и не очень...

Мадам Дюбо только высоко задрала голову и продолжила трудиться над моей прической. Меня поражало то, с какой легкостью она приняла наличие у меня брата и его внезапное появление. Даже не спросила, кто он.

Рене же рассматривал скелетиху со все большим интересом.

— Скажите, — протянул он, — мадам Дюбо, так ведь вас зовут... А ведь вы, вероятно, некогда шили для очень известных людей...

Я удивилась — зачем Рене могла понадобиться эта информация? Мадам Дюбо же явно загордилась, что такими вопросами кто-то интересуется, поправила свой собственный наряд, немного провисавший из-за особенной костлявости ее фигуры, и сообщила:

— Да, да... Я работала при канцелярии любви и шила еще для самой богини мудрости, госпожи Тальбот... Помнится, она тогда работала в аналитическом отделе и была большой

подругой Хранительницы Времени Матильды...

Я увидела, как дернулась рука Рене. Он явно с трудом сдержался, чтобы не коснуться песочных часов, висевших у нее на шее. Мадам Дюбо этот нервный жест не заметила, она слишком увлеклась воспоминаниями.

— Госпожа Тальбот была юна и невероятно красива... Неудивительно, что она могла покорить сердце кого угодно, в том числе и одного из Истинных!

— Да? — усмехнулся Рене. — Насколько я помню, она проработала больше шестидесяти лет...

— Когда я на нее трудилась, ей было всего двадцать, — хмыкнула мадам Дюбо.

— А еще она никогда не была замужем.

— Истинные не женятся, это всем известно. Но она его очень любила. Всегда просила пошить для встречи с ним самое лучшее платье...

— Вот как.

Я не понимала, к чему ведет Рене. Он же впивался взглядом в мадам Дюбо, и в его голосе звучали уже слегка гипнотические нотки.

— Вероятно, причиной ссоры госпожи Тальбот и этого Истинного было то, что она больше не смогла носить ваши платья...

— Увы, — мадам Дюбо развела руками, — но когда я принесла ей очередной подарок и столкнулась с этим Истинным в коридоре, то почему-то умерла. Говорят, что от столкновения с Истинными простые люди умирают. Меня постигла эта участь.

— Да-да, — кивнул Рене. — Конечно. А потом вы ожили...

— Чтобы служить господину богу смерти, — хмыкнула мадам Дюбо.

— Именно вы, — отметил он. — А не любая другая швея.

— Потому что я была лучшей!

— Потому что вы, — возразил Рене, — умерли из-за столкновения с Истинным. Лет эдак на пятнадцать раньше, чем должны были. Иначе баланс бы просто не пропустил вашу душу обратно. Ни один из искусственно созданных мертвецов не был одухотворен и разумен. В отличие от вас.

Мадам Дюбо замерла. Она отступила от меня и уставилась на Рене так, словно увидела его впервые в жизни. Я поднялась со своего места и почти увидела пожилую, сварливую женщину, вечно вооруженную ножницами и иглой. Ее фантомные губы шевелились, шепча какие-то неразборчивые фразы.

Она боялась. Очень сильно боялась. А Рене смотрел на нее, так спокойно, словно констатировал факт, и промолвил:

— У вас впереди еще много времени, мадам Дюбо. Постарайтесь провести его достойно... И не попадайтесь Истинным на глаза. Эдита, ты готова? Мы можем спуститься вниз?

— Да, — кивнула я. — Готова.

И вложила руку в его протянутую ладонь.

# Глава девятнадцатая

В зале все было таким же белым, как и создала моя магия, словно подчеркивало чистоту и важность любви. Мы с Рене вышли из комнаты и одновременно сделали шаг к мягкому ковру, что тянулся от ступенек и аж до Себастьяна.

Мой жених еще не заметил нас. В зале уже собрались гости, сплошь скелеты и зомби, а еще парочка призраков — все облаченные в светлые одежды, специально к свадьбе. Себастьян втолковывал что-то Томасу, кажется, в очередной раз отбрасывал изменения касательно меню. Потом повернулся к священнику, старому зомби, облаченному тоже в светлый наряд, бросил несколько коротких фраз и наконец-то обернулся ко мне.

Замер.

Во взгляде Себастьяна вспыхнуло что-то подобное шоку. Он посмотрел на меня, на Рене, с трудом сплотнул и вопросительно изогнул брови, требуя объяснений. Я смогла только растерянно пожать плечами и мягко улыбнуться, пытаюсь таким образом показать, что нам совершенно ничего не грозит, Рене ни за что не причинил бы нам вреда.

Себастьян тяжело вздохнул и перевел взгляд на Рене.

— Все будет хорошо, — одними губами ответил ему мой брат. — Я с миром.

Он взмахнул рукой, и в зале зазвучала легкая музыка, сильно напоминающая марш Мендельсона из моего мира. Я вздрогнула, наслаждаясь мягкой мелодией, и почувствовала, как губы невольно растягиваются в улыбке. Мне хотелось танцевать; хотелось поскорее оказаться в объятиях своего жениха, встать рядом с ним и смотреть в его глаза, чувствовать себя с ним единым целым, и чтобы больше ничто не смогло нас разлучить.

Рене уверенно двинулся вперед. Он ступал медленно, памятуя о том, что мои изящные туфельки не предназначены для бега, как и пышное платье, но, тем не менее, не позволял застыть, как статуе, замешкаться, испугаться, в конце концов. Себастьян ждал меня там, впереди, и мое сердце заходило в нервном ритме, будто пыталось отстучать за короткие несколько минут все положенные мне удары.

Себастьян был очень красив. Его костюм, казалось, оставался единственным темным нарядом среди всего в этом зале, но в комбинации с белоснежной рубашкой только подчеркивал его мужественные черты и выделял, показывая, что вот он — виновник торжества, мой горячо любимый жених. Себастьяна нельзя было назвать безусловно красивым, как Рене, но для меня не было на свете прекраснее мужчины. Все вокруг просто меркли.

Я знала, что настоящая, чистая любовь выделяет, окрыляет, наполняет душу светом, но не знала, что это будет происходить вот так... В эту секунду, хоть я и опиралась о руку брата, я словно забыла о существовании всех.

Кроме Себастьяна.

Те несколько метров, что разделялись нас, казались мне бесконечными. Себастьян тоже не сводил с меня глаз, и когда Рене вложил мою руку в раскрытую ладонь жениха, я ощущала, будто преодолела невероятно долгий путь.

— Береги ее, — промолвил Рене. — И никому не позволяй причинять ей вред, Себастьян. Прежде ты с этим отлично справлялся... Надеюсь, не подведешь и впредь.

— Не подведу, — твердо ответил мужчина.

Рене отступил и занял свое место среди гостей. Себастьян повернулся ко мне,

вопросительно изгибая брови.

— Он...

— Все хорошо, — прошептала я едва слышно, надеясь, что наш разговор не станет достоянием скелетистой общественности. — Мне больше ничего не угрожает. Нам ничего не угрожает... Мы объясним тебе после. Сейчас... Просто поверь.

— Верю, — серьезно кивнул Себастьян.

Он чуть крепче сжал мои пальцы, словно пытаюсь убедить в том, что ни на секунду не сомневается в моих словах. Я ответила мягкой улыбкой. Рядом с Себастьяном я чувствовала себя невероятно, невообразимо счастливой, и сейчас мне хотелось только одного — петь от радости, кружиться вокруг него... Наслаждаться тем, что он был рядом со мной и никуда не мог исчезнуть. Не должен был раствориться в воздухе, не собирался исчезнуть.

Он был моим.

И нам больше ничего не угрожало.

Зомби-священник смотрел на нас с такой искренней улыбкой, словно ощущал эту любовь. Должно быть, он очень давно не исполнял свои служебные обязанности, но теперь светился, как начищенный пятак, радуясь, что будет венчать пару, которую соединила истинная любовь.

— Дети мои, — мягко провозгласил он своим практически живым голосом. — В этот день, вероятно, самый важный для вас, ваши сердца соединятся навечно перед небесами и станут единым целым. Вы становитесь семьей — а значит, двумя половинками крепкого союза, скрепленного перед глазами смертных и вечных...

Я краем глаза увидела, как усмехнулся Рене, реагируя на упоминание Истинных.

— Согласен ли ты, Себастьян, бог смерти, взять в жены Эдиту, богиню любви, и разделить с нею каждый миг и каждое чувство свое?

— Согласен, — спокойно ответил Себастьян.

— Согласна ли ты, Эдита, богиня любви, взять в мужа Себастьяна, бога смерти, и разделить с ним каждый миг и каждое чувство свое?

Я подняла взгляд на Себастьяна и, не сомневаясь больше ни секунды в правильности этого решения, выдохнула:

— Согласна.

Магия отреагировала на наши слова практически моментально. Себастьян еще успел притянуть меня к себе, наклонился ко мне и поцеловал в губы — нежно, буквально вдыхая в меня свою любовь. И в ту же секунду нас окутал поток магии. Я вздрогнула, цепляясь пальцами в воротник его костюма, закрыла глаза, чтобы не заслепило от внезапного сияния, и ответила на поцелуй.

В эту секунду для нас больше ничего не существовало. Ни гостей, ни даже Рене в переднем ряду, ни священнослужителей.

А когда мы с Себастьяном наконец-то отстранились друг от друга, у нас на запястьях засверкали белые венчальные браслеты. Они быстро растворились, будто втянулись в кожу. На запястьях осталась едва заметная вязь магических рун, да и та через несколько минут просто растворилась в пустоте.

Себастьян, тем не менее, потянулся к зависшей в воздухе подушечке, взял с нее кольцо, потом с нежностью коснулся моей руки. Я вздрогнула, ощутив, как он мягко надевает кольцо мне на палец, и расплылась в счастливой улыбке.

— Теперь ты, — прошептал мужчина.

Священнослужитель кашлянул, напоминая о том, что он тут не просто так стоит и вообще-то должен вести нашу церемонию, но мы не обратили на него внимания.

Я тоже взяла кольцо, чуть более массивное, чем то, что Себастьян надел мне на палец, и потянулась к своему супругу. Боялась, что оно окажется слишком маленьким или большим, ведь мы совершенно забыли о кольцах и не покупали их.

Наверное, их создала сама магия. Или Брэй решил проявить не только искусство кузнеца, а и умения ювелира.

И хотя эти кольца ровным счетом ничего не значили, теперь, когда они сияли на наших руках, я почувствовала себя в разы защищеннее. Я вдруг почувствовала себя такой счастливой... Вроде бы и до этого наслаждалась жизнью, но в эту секунду была готова просто летать от радости.

— Теперь ничто не разлучит нас. Даже смерть, — прошептала я. — Потому что она у тебя ходит в подчиненных.

— Любовь не знает границ между мирами, — мягко рассмеялся Себастьян и вновь потянулся ко мне за поцелуем.

— Кхе-кхе, — кашлянул над ухом священнослужитель. — Может быть, вы позволите мне закончить церемонию, как полагает?

Мы с Себастьяном засмеялись и отшатнулись друг от друга, стремительно краснея, как будто были маленькими детьми, которых застукали за воровством конфет.

— Объявляю вас мужем и женой, дети мои, — важно проронил зомби. — И пусть ваша любовь освещает вам жизненный путь, и пройдете вы по нему рука об руку, не расставаясь ни на минуту и не желая расставаться. Да будет так. Жених, можете поцеловать свою невесту.

Себастьян как будто только того и ждал. Он склонился ко мне и впился в губы страстным поцелуем. Магия на этот раз не лилась так ярко, но белое сияние все равно было.

Мы уже и отстранились друг от друга, но все равно волей-неволей тянулись обратно, надеясь на то, что сможем совсем скоро остаться наедине. Зомби-священник, вздохнув от умиления, уже успел покинуть свой пост.

И только тогда я наконец-то заметила подошедшего к нам Рене.

— Ну, детьми своими называть не буду, — усмехнулся он. — Но благословить — благословлю, — он поднял в воздух свои песочные часы и осенил нас с Себастьяном каким-то религиозным знаком. — Поздравляю, мои дорогие. Живите долго и счастливо.

Я только улыбнулась, а вот Себастьян буквально впился в Рене взглядом, словно пытаюсь испытать его на прочность.

— Не ожидал, — проронил он, — увидеть тебя здесь.

В его голосе звенела плохо скрываемая враждебность. Себастьян был готов вновь спрятать меня за свою спину и броситься на Рене.

— Я с миром, — улыбнулся в ответ Хранитель Времени. — Не рычи, Себ. Мы же с тобой дружили даже.

— Дружили, — кивнул Себастьян. — Но ты попытался убить Эдиту.

— Я не пытался убить Эдиту, — твердо ответил Рене. — Я не собирался причинять ей вреда. Но я не мог сразу пойти против истинных. Мне надо было защитить вас — но я мог сделать это только одним способом. Просто дать вам уйти. А теперь все встало на места.

— И что же такого изменилось, что ты готов пойти против законов и Истинных?

Рене вздохнул.

— Эдита из этого мира.

Себастьян застыл. Глаза его широко распахнулись от удивления.

— Что?

— Эдита из этого мира, — повторил Рене. — Моя родная сестра. Но чтобы подтвердить это, мне пришлось несколько суток проторчать в архиве и перегрызться со всеми Истинными подряд. Теперь вы можете вернуться. Занять свои прежние места... Только с уже более широкими полномочиями. Я нуждаюсь в вашей помощи, Эдита, Себастьян. И хочу восстановить баланс. Потому предлагаю вам вновь стать частью моей команды.

Он прищурился, глядя на нас, и дополнил:

— Это никак не будет мешать нашим отношениям.

Я взглянула на Себастьяна.

— Это должно быть твое решение, — твердо промолвила я. — Я поддержу его. Любое.

Себастьян вздохнул. Помолчал немного. А потом вдруг тихо рассмеялся.

— Неужели вы верите, что я действительно могу отказаться?

Я почувствовала, как меня накрыло волной облегчения. Действительно, это ли не счастье? Теперь я по меньшей мере могла с уверенностью сказать, что мы с Себастьяном сможем не только наслаждаться друг другом, а и помочь этому миру.

— Но сегодня мы работать не пойдем, — с улыбкой промолвил он.

— Ну конечно. У вас сегодня свадьба, да и завтра я вас на работе не жду, — подмигнул нам Рене. — Но, простите, придется обойтись без медового месяца. У нас слишком много дел... Но пока не будем о них. Праздновать?

— Праздновать, — вздохнула я. — Там Томас стол из восемнадцати блюд приготовил... Он обидится, если мы не будем есть.

Впрочем, я очень сомневалась, что Томас вообще был готов оставить кому-либо выбор, хотят они участвовать в праздновании или не собираются этого делать. Потому что когда мы, увлеченные разговором, наконец-то оглянулись, то увидели, что посреди огромного зала уже появился стол. Ковер, по которому шли мы с Рене, успели скатать в рулон и уносили куда-то наверх. Стулья скелеты расставляли вдоль стола, и кто-то из них уже занимал свои места, хотя, понятное дело, без тарелок — ведь они не могли есть.

Жениха и невесту — то есть, нас с Себастьяном, — усадили во главе стола. Если честно, я чувствовала себя немного неловко, все-таки, быть в центре праздника не всегда очень простая задача. Но скелеты явно ждали, пока мы начнем есть.

— Угощайтесь, угощайтесь, — хлопотал Томас, расставляя последние блюда на столе. — Прошу! Тут все свеженькое, только сегодня приготовленное! Овощи с города, дичь с лесов...

— Это же курица, — неуверенно промолвила я. — Разве курица — это дичь?

Томас опустил взгляд.

— Понимаете, — пробормотал он, — мы действительно собирались просто приготовить курицу. Но, подумав немного, решили, что она может принести куда больше пользы как несущка. Потому на столе не курица.

— А кто?

— Утка.

Я подозрительно покосилась на птицу, но, вовремя осознав, что травить меня тут точно не собирались, вздохнула.

— Ну, пусть утка...

— Угощайтесь! — поторопил Томас. — Может быть, вам насыпать чего-нибудь?.. Салатику? Вот хотите салатик в тарелочку?

Он вооружился тарелкой с чем-то, смутно напоминающим знакомый мне из моего мира греческий салат. Пришлось кивнуть, и Томас решительно принялся раскладывать его по тарелкам.

Увлечшись, скелет вознаградил нас не только греческим салатом, а и кусочком утки, каким-то замудренным гарниром, название которого я искренне не способна была выговорить, и налил в бокалы вино, а потом наконец-то изволил занять собственное место за столом.

Я смутилась. Скелеты, зомби, призраки — все они сидели и смотрели на нас, явно дожидаясь, пока начнем есть. Рене едва заметно улыбнулся и протянул:

— Мне, конечно, не привыкать к роли музейного экспоната — господ Истинные ведут себя за столом похожим образом, — но Эдите и Себастьяну, думаю, неловко, когда на них так пристально смотрят. Возможно, вы все-таки поумерите свой пыл и не станете прожигать нас взглядами?

Скелеты отвернулись с такой скоростью, что у кого-то даже опасно щелкнули позвонки.

— Спасибо, — выдохнула я, наконец-то спокойно принимаясь за еду. — Хорошо, что ты все-таки пришел, Рене.

— Ну, да, всяко приятнее вступать в брак богиней любви, а не беглой иномирянкой, — вздохнул мой брат. — Но теперь-то можно ни о чем не волноваться...

— Тем не менее, — проронил Себастьян, — я прекрасно понимаю, что нас впереди ждет огромное количество работы.

— Безопасной работы, — усмехнулся Рене.

— Хотелось бы в то верить...

Мы с Себастьяном переглянулись. Вспомнили, должно быть, одновременно о мертвец, от которого вынуждены были улепетывать по местному кладбищу, о мертвых коровах, которые с трудом сгорали даже под воздействием сильного заклинания. Теперь это казалось таким невыносимо далеким... Словно было в прошлой жизни.

— Но что мы все о работе и о работе, — нарушил неловкое молчание Рене. — Горько?

— Горько! — отозвались скелеты. — Горько! Горько! Горько!

Себастьян поднялся, подал мне руку, предлагая встать тоже, обнял за талию, привлекая к себе, и поцеловал. Нежно так, бережно, любовно, словно боялся, что лишняя страсть может меня оттолкнуть. Или, возможно, не хотел проявлять ее при свидетелях.

В какой-то момент крики «горько» вдруг стихли, и откуда-то из подвалов донесся громкий вой. Я вздрогнула от неожиданности, а Рене удивленно изогнул брови.

— Это что за несчастный у вас там завывает?

— Это Дмитрий, — нехотя отозвалась я.

— Дмитрий?! — воскликнул Хранитель Времени. — Надо же! А я думал, эта скотина пропала, никак найти его не могли... Вот так находка. Вы не перестаете меня удивлять!

— Он пришел к нам недавно, — промолвил Себастьян. — Требовал чего-то... Ну, и для усмирения пришлось закрыть его там. Наверное, надо б выпустить... Но мне что-то не хочется.

Да, я прекрасно понимала чувства своего новоиспеченного супруга. Ему, наверное, совершенно не хотелось сталкиваться с Дмитрием. Но вой, доносившийся из подвалов, было не так уж и просто игнорировать, и я, признаться, задумалась над тем, чтобы извлечь оттуда бывшего главного купидона и куда-нибудь переместить...

— Таким воем, — отметила я, — он может легко испортить нам свадьбу. Может быть, его выпустить оттуда? Пусть бы сел за стол... — я перехватила взгляд Себастьяна. — Ну, или просто освободить. Ведь теперь ничего страшного, если кто-то узнает о нашем местонахождении?

Но Рене был иного мнения.

— Вы можете жить открыто и смело, — твердо промолвил он, — но Дмитрий пусть посидит там. Нечего разгуливать. Завтра утром я с ним разберусь. А пока...

Он вновь взял свои часы на цепочке. Я заворожено наблюдала за каждым движением брата — все-таки, волшебство, которую он творил, выходила за пределы того, что я уже видела в этом мире. В какую-то секунду мне даже показалось, что он собирается просто остановить время, но нет. Рене провернул несколько раз между пальцами песочные часы, и громкое вытье Дмитрия вдруг затихло.

— Я положил его спать, — мило улыбнулся мой брат. — С ним ничего не случится, если он вдруг не сможет сегодня испортить вам праздник своим некорректным поведением, а нам же лучше — не придется наслаждаться столь неуместно громкими воплями целый вечер.

— Ах, — вздохнул Томас. — Вот бы нам тоже такую штучку, чтобы можно было по щелчку затыкать ему рот! А то так достал... И еда его не устраивает, и условия неудобные, и пуховую перину расстели, и корми какими-то непонятными блюдами... Не человек, а ходячая неприятность!

Я помрачнела. Томас говорил так легко, словно не понимал, что перед ним — Истинный, Хранитель Времени, который может одним поворотом этих часов и Томаса отправить в небытие. Если честно, я уже была готова вскочить и попросить прощения за болтовню скелета, но Рене только махнул рукой.

— Заберу его, не волнуйтесь. Но уже не сегодня. Могу же я немного погостить у своей сестры на свадьбе, а не уезжать на ночь глядя? Найдете для меня место, Эди?

— Конечно, найдем, — с облегчением выдохнула я.

Мне, если честно, и не хотелось никуда отпускать Рене. Я бы с удовольствием проводила рядом с ним немного больше времени. Мне так хотелось познакомиться поближе, расспросить его о том, какая у нас семья, о привычках, о... Да обо всем!

— Мы для вас лучшую перину подберем! — влез Томас. — Самую удобную! И комнату подготовим такую, что оттуда даже уходить не захочется! Будете как на тучке спать!..

— Весь в водных парах? — ухмыльнулся Рене.

— Да! То есть нет, конечно же... я не то имел в виду... — тут же засмутился он. — Но все сделаем по высшему классу, вы не подумайте!

— А говорили, нет перины... — протянул мужчина.

— Так то для паразита этого нет, — вмешался второй скелет, кажется, тот самый, которому Димитрий умудрился сломать ребра. — А для вас всегда найдется...

— И с чего мне вдруг такая честь?

Скелеты умолкли. Мне показалось, что они даже не понимали толком, с кем именно имеют дело, так, подумали, что это почтенный гость. Колдует — значит, кто-то важный. А кто именно, разве это имело для них хотя бы малейшее значение?

Меж тем, сила Рене действительно должна была их пугать. Я понимала, что столь легкое общение, как они себе позволяли, не то чтобы было предельно допустимым в случае Верховного...

Нужные слова нашел только до того молчавший Брэй.

— Потому что вы, господин, над балансом трудитесь. Вы опора наша. Потому вам и перины, и почести все. Я человек немолодой... И опыта у меня немало. Я способен отделить зерна от плевел. И знаю, что вы тут ради нашего блага.

Рене вздохнул.

— Что ж... Спасибо. Но сегодня точно не мой праздник, — он повернулся к нам с Себастьяном. — За вас. За настоящую любовь.

Он отсалютовал собственным бокалом и осушил его до дна, но я успела заметить вспыхнувшую во взгляде мужчины горечь.

Все-таки, ему было очень больно. Навренное, Рене до сих пор вспоминал о Матильде, столь грубо разбившей его сердце и даже не задумавшейся о возможных последствиях. Наверное, она даже не понимала, что причиняет кому-то вред. Считала, что имеет на то право.

— Бессмертные не созданы для любви. Они созданы для того, чтобы хранить баланс, — прошептал Рене, правильно истолковав мой взгляд. — Не жалея меня, сестра. Сегодня твой праздник, и мы должны отметить его на славу... И вообще, — он повернулся к Томасу, — а что вот то за мясо? Очень аппетитно выглядит.

Я увидела, с каким энтузиазмом вскочил на ноги скелет, и поняла, что Рене просто умело ушел от неприятной ему темы.

Но теперь завладеть его вниманием казалось невозможным. Ведь Томас начал рассказ о той несчастной свиной ноге — и явно не собирался быть лаконичным.

На улице стремительно темнело. Мы перепробовали почти все блюда, что предлагал скелет — просто потому, что отказаться невозможно, — сделали несколько фотографий — этот мир удивил меня вновь, я и не знала, что тут есть аналог привычного полароида, — и наконец-то закончили празднование. Скелеты гремели тарелками где-то внизу, Томас мучил Рене вопросами о том, сколько пуховых перин подложить ему под спинку и не надо ли подарить ему дополнительные два или три одеяла, чтоб господину Хранителю Времени спалось немного удобнее. Димитрий больше не завывал — к счастью, заклинание Рене сработало достаточно хорошо.

Я ощутила странную неловкость, воцарившуюся между мною и Себастьяном. Когда мы оказались наедине в спальне, я просто замерла посреди комнаты в своем внезапно ставшем таким неудобным платье и поняла, что не знаю, что делать дальше.

— Мы так долго думали, как будем выживать, — прошептала я, обращаясь к мужу, — что теперь непонятно, как оно будет дальше...

— Долго и счастливо дальше будет, — хмыкнул Себастьян. — Даже не смей в этом

сомневаться...

Он остановился у меня за спиной и осторожно извлек первые несколько шпилек из моих волос. Я вздрогнула, но позволила себе расслабиться. Прикосновения Себастьяна были мне не новы, так почему же именно сегодня появился такой страх?

— Я не сомневаюсь, — прошептала я. — Просто так непривычно. Я думала, я здесь чужая...

— А оказывается, попала домой.

— У меня, наверное, и родители есть...

— Рене познакомит тебя с ними. Но ты уверена, что сейчас лучшее время, чтобы думать о всем том, что могло у тебя быть эти двадцать четыре года?

Я только пожала плечами.

— Не знаю. Самое лучшее, что могло со мной произойти — это возвращение сюда, в родной мир. Рене сказал, баланс пытается все исправить. Если у него не удастся, просто убивает лишних. Чтобы не были внесены слишком сильные изменения...

— Ты здесь. Ты жива. Ты защищена. Ты любима. Просто забудь о плохом, пожалуйста, — попросил Себастьян. — И ничего больше дурного не случится. Нас впереди ждет огромное количество работы, но, вопреки всему, мы сможем ее выполнить. Ты мне веришь?

— Да, — твердо промолвила я. — Тебе верю. На все сто процентов.

Он вновь принялся за мою прическу. Не знаю, что там выплела мадам Дюбо, но Себастьяну пришлось потратить минут пятнадцать, чтобы мои волосы наконец-то свободно рассыпались по плечам.

— Помочь с платьем?

Я только кивнула. Стало почему-то очень нервно, и я вздрогнула, когда Себастьян скользнул сначала кончиками пальцев по моей шее, обрисовал позвонки, а потом — опустился к бесконечным застегкам и завязкам свадебного платья.

Прежде мне казалось, что совладать с этим шедевром могла исключительно мадам Дюбо, но нет. У Себастьяна тоже получалось замечательно. Он ловко и быстро тянул за нужные шнуры, и я чувствовала, как вместе с оковами свадебного платья с меня спадало и напряжение, страх, которому давно пора бы отойти в сторону. Роившиеся еще несколько минут назад в голове мысли теперь тоже поутихли, сменившись размеренными, спокойными раздумьями, готовыми в любую секунду уступить место страсти.

Себастьян осторожно потянул платье вниз, и оно с шелестом упало к моим ногам. Я переступила через белую пену тканей и оказалась в объятиях мужа.

Теперь пришел мой черед. Я с удивлением осознала, что у меня дрожат руки, пока помогала Себастьяну снять его фрак, разобраться с запонками и мелкими пуговицами рубашки. Казалось, их тут была целая тысяча, одна коварнее другой. Такие крохотные, они почему-то не хотели пролезать в соответствующие петельки, словно собирались замуровать Себастьяна в этом костюме.

Я не поняла, когда наступил тот момент, что пуговицы внезапно закончились, рубашка присоединилась к моему платью, а Себастьян внезапно крепко обнял меня и поцеловал в губы. Так страстно, так сладко и в тот же момент так нежно, что другим мыслям не оставалось ничего другого, кроме как затихнуть.

Он не был слишком настойчив, напротив, казался мне мягче обычного. Целовал как-то... Вкрадчиво, бережно, осторожно, словно боялся обидеть, но в тот же момент очень ясно

давал понять, что я принадлежу ему одному.

И ни у кого больше нет шансов занять место рядом.

Сегодня все было иначе. Сплетавшая нас магия любви стала еще более прочной; мне показалось в какую-то секунду, что я могу испытывать то же самое, что испытывает Себастьян, и наоборот. Наши чувства накладывались друг на друга, умножались, дублировались и открывались в совершенно новом свете. Мы больше не были разными людьми, а стали неожиданно едины...

Я выгибалась в его руках, мечтая принадлежать своему мужчине без остатка, и понимала, что ему хочется того же. Хочется, чтобы мы растворились друг в друге, и больше никто и ничто не смогли нас разлучить.

Я любила его и прежде.

Но в эту ночь, кажется, поняла, что такое истинная любовь.

# Глава двадцать первая

— Я требую честного суда!

От громкого восклицания, надо сказать, довольно внезапного, я едва не уронила вилку.

Было еще довольно раннее утро. Скелеты разбрелись по рабочим местам — надо было заняться огородом и разнообразными бытовыми делами, на которые все время не хватало времени. Мадам Дюбо занималась ревизией местного запаса тканей, потому что, вдохновленная моей свадьбой, уже раздумывала над тем, что может открыть настоящий свадебный салон и шить на заказ платья для невест. Томас, взявшись за починку прохудившейся в правом крыле дома смерти крыши, шумно вещал помощникам-скелетам о том, что готов стать поваром и желает получить рабочее место при Канцелярии.

Поскольку из всех присутствующих в доме есть полагалось только троим, то есть, мне, Себастьяну и Рене, мы рассчитывали на тихий семейный завтрак. Никаких скелетов, легкая беседа о предстоящих делах, абсолютное спокойствие и далее по тексту. Однако, судя по тому, какими громкими были крики Димитрия, о спокойствии предстояло позабыть раз и навсегда.

— Я искренне жалею, — протянул Рене, — что твоя трахиандра его так и не съела. Если этот цветок еще раз попытается отгрызть Димитрию голову, клянусь всем на свете, я не стану его останавливать!

— Пощади! — возмутилась я. — Ты хочешь, чтобы мой вазончик отравился этим паразитирующим Димитрием?

— Вы еще все от меня получите! — взвыл Димитрий. — Меня содержат в нечеловеческих условиях, нельзя так относиться к людям! Это отвратительно! И это бывшая богиня любви! Меня морят голодом!..

— Утром я видел, как Томас относил ему еду со свадебного стола, — флегматично отметил Себастьян, разрезая на кусочки утиное филе. — Так что не думаю, что он в самом деле там голодает.

— Ау-у-у-у!

Рене вздохнул. Было видно, что Димитрий раздражал его больше всего. Я, как женщина, даже слегка сочувствовала болезному и, признаться, верила в возможность его перевоспитания. Себастьян не питал столь наивных иллюзий, но все равно не рубил плеча и пока не спешил сыпать угрозами по отношению к несчастному купидону. Ну, больной он на голову, так что ж теперь делать?

А вот Рене явно думал иначе. Он считал, что такие, как Димитрий, ни пощады, ни жалости, ни любви не заслужили.

— Что у вас с ним был за конфликт? — поинтересовалась я, воспользовавшись моментом, когда Димитрий притих, и нас никто не мог прервать.

Рене сверкнул синими глазами, да так, что несчастный салат в тарелке едва не задымился. Себастьян удивленно хмыкнул.

— Не знал, что тебя так легко вывести из себя. Одним простым вопросом, — отметил он. — Но мы с Эдитой имеем право знать, с чем имеем дело.

— Да ничего особенного, — наконец-то сдался Рене. — Этот красавец спал с Матильдой.

— О, — вырвалось у меня.

Себастьян тоже опустил взгляд.

— Да, я знаю, что то же самое можно сказать про половину канцелярии, — закатил глаза Хранитель Времени. — Мы с ней, конечно, договаривались не упоминать прошлое. Мол, что было, то прошло...

Я подозревала, что это «было» у Матильды выразалось не только в Георге или Димитрии. Она же тянула силу из своих мужчин, только с Рене что-то пошло не так.

— И не смотри на меня так, — мрачно буркнул Рене, — я знаю, что влюбился не в ту женщину, по отношению к которой вообще можно испытывать теплые чувства.

— Сердцу не прикажешь, — осторожно промолвила я.

— Нет, на самом деле, это был самый глупый поступок, на который я только мог пойти, — легко промолвил Рене. — Но уж как есть. Ничего не изменишь... Но в любом случае, большинство мужчин, у которых Матильда воровала время, предпочитали после не вспоминать о том, что у них вообще что-то было. Выбрасывали ее с головы. Ни у меня, ни у Димитрия этого не получилось.

Я хотела что-то сказать, но Себастьян коснулся моей руки, останавливая.

— Если честно, мне кажется, я даже принял за влюбленность просыпающуюся магию, — честно промолвил Рене. — Моя сила становилась сильнее, разум — яснее, а Матильда никак не хотела оставить меня в покое. Может быть, считала, что я у нее что-то ворую. С Димитрием такого прекрасного эффекта не случилось, в другом деле — она использовала его, вероятно, для того, чтобы передавать другой Эдите приказы. Полагаю, от нее Эдита и узнала случайно о том, что из другого мира, и сделала все, чтобы тайно поменяться с тобой местами. Сама понимаешь, мало приятного осознавать, что к тридцати годам, скорее всего, отправишься на тот свет. А Димитрий нафантазировал себе с три короба. Результат налицо.

— О, Верховная! — в подтверждение слов Рене раздалось из подвалов. — О, Верховная, приди и помоги мне!

— А он что, не в курсе, что уже нет никакой верховной? — кашлянул недоуменно Себастьян.

Рене пожал плечами.

— Он же трус. Трус и подлец, — спокойно промолвил мужчина. — Он сбежал, как только понял, что ему может грозить какая-то опасность. Испугался, что Матильда посчитает его причастным к сокрытию подмены — он же мог догадаться, мог раньше сообщить, что что-то с тобой не так! Они вроде как дружили... Потому Димитрия и след простыл. Я искал его — мне нужны были свидетельские показания, — но, как видишь, нашел в самом непредсказуемом месте...

— Верховная! — продолжил завывать Димитрий. — Прошу!..

— Знаете, — не удержался Рене, — пойду-ка я побеседую с молодым человеком!

— Ты уверен? — я поймала его за руку, останавливая. — Уверен, что оно тебе надо?

— Более чем, — утвердительно кивнул Рене. — Но если боитесь, что я не сдержусь и снесу ему случайно голову, то, конечно, можете проследить за мной. Пойдемте вместе...

Тяжелый вздох Себастьяна явно свидетельствовал о том, что Рене он в плане нашего драгоценного Димитрия не доверял, но запретить ему спуститься вниз на отчаянный зов Верховного не мог. Да и вообще, учитывая нынешний статус Рене, ему никто ничего не запретит.

Мы спустились по крутым ступенькам в подвал. Здесь тоже был коридор, только узкий

и короткий, и местонахождение Димитрия мы обнаружили по громкому вою, доносившемуся из-за двери. Себастьян шагнул было вперед, собираясь открыть дверь, но Рене жестом остановил его и продемонстрировал свои песочные часы.

— Позвольте сделать нашему общему другу сюрприз?

— Оно тебе надо? — хмуро поинтересовался Себастьян.

— Ну, — протянул Рене, — позвольте мне немного побыть мальчишкой, который творит глупости. Я ничего не нарушу. Время — тонкая материя, но я — не Матильда, хорошо считаю и умею корректировать последствия.

— Точно?

— Точно. Когда останавливаешь время, главное не допустить серьезные перемещения.

Нельзя воспользоваться остановкой времени для того, чтобы, к примеру, убить человека — иначе вышвырнет из петли. А вот открыть дверь и сесть в кресло — это пожалуйста. Это Верховным разрешается. Матильда даже детей умудрялась менять, — Рене зло скривился. — Только жаль, не понимала, что последствия все равно догонят... Нарушая течение времени, надо следить за тем, чтобы случайно не натворить чего-то, что не могло произойти и что нарушит общие устои жизни.

Я хотела возразить, что никогда нельзя предсказать, какие именно события могут оказаться критичными, вредоносными, но не успела. Рене уже успел повернуть песочные часы несколько раз, и время вокруг застыло. Мы с Себастьяном остались в петле, выдернутые из заточения времени, возможно, самим Рене.

Он решительно повернулся к толстой дубовой двери и склонился к замку. Димитрий, разумеется, был заперт на замок, но колдовство в руках Рене стремительно формировалось в подходящий ключ, который отлично вошел в предназначенную для него замочную скважину. Раздался тихий щелчок, и замок упал на землю. Рене осторожно поднял его, сдул пылинки, словно боялся повредить, а потом решительно дернул засов.

Все предметы легко подчинялись власти Хранителя Времени, но засов, очевидно, стоял на страже пространственно-временного континуума. Только слепой дурак назвал бы Рене слабым, однако, ему пришлось здорово напрячься, чтобы открыть все-таки дверь и заглянуть внутрь. Впрочем, мой брат только криво усмехнулся, узрев то, что происходило внутри, и жестом велел нам с Себастьяном следовать за ним.

— Смотрите-ка, — протянул он, — какая прелесть. И он говорит, что его морят голодом! Позер несчастный...

И вправду, Димитрий малость преувеличивал, когда рассказывал о постигнувших его лишениях. По крайней мере, я ничего критичного тут не обнаружила. Нормальная комната, даже меблированная... В углу стояла узкая, одноместная кровать, причем, для одинокого парня вполне пригодная, застеленная стеганным покрывалом. На ней валялось несколько перьевых подушек. Одну из них Димитрий пытался разорвать в приступе гнева, потому из одного уголка торчало несколько перьев.

Рене подошел к кровати и выдернул эти перья, покрутил в руках и недовольно хмыкнул, роняя обратно на пол.

Во втором углу стояло кресло, тоже достаточно удобное. Рядом с ним красовался стол, на котором заботливые скелеты даже оставили еду, судя по всему, с праздничного свадебного стола. Ничего ядовитого, а уж тем более несъедобного там не было. Да и вообще, Димитрию устроили вполне приличные жизненные условия. Чтобы не скучал, оставили книжки, какой-то блокнот и ручку, чтобы он мог записывать свои мысли, наверное.

Сам Димитрий нашелся у стены. Он приставил к ней стул, на стул водрузил табурет, сам забрался наверх и, балансируя на пошатывающейся конструкции, вылез в вентиляционную решетку. Сейчас Димитрий больше напоминал статую, но только потому, что время для него было остановлено.

Мы с Себастьяном остановились у двери, не решаясь зайти дальше, чтобы ничего случайно не нарушить, а вот Рене явно не мелочился, на подсознательном уровне ощущая, насколько далеко может зайти. Он опустился в кресло, нагло закинул ногу на ногу, всем своим видом демонстрируя, что особого уважения к Димитрию не испытывает, и с неподдельным любопытством воззрился на купидона.

— Ну что, — поинтересовался он, кажется, у меня, — запускаем время?

— Ну, а что толку тянуть? — удивилась я. — Запускаем.

Рене усмехнулся.

— Что ж... Замечательно.

Он провернул песочные часы в обратную сторону. Я услышала тихий шелест песка, пересыпавшегося из одной части часов в другую, и время восстановило свой бег.

Димитрий ничего не заметил. Зашатавшись на своих стульях, он вновь заорал, цепляясь пальцами за вентиляционную решетку.

— Я требую, чтобы ко мне привели Верховную! Она обеспечит справедливый суд!

— Я за нее, — протянул Рене своим спокойным, вкрадчивым голосом. — Ну что? Приступим к суду?

Димитрий обернулся, уставился на Рене широко распахнутыми от ужаса глазами и издал тихий писк.

А после успешно свалился с нагромождения стульев на пол.

Димитрию понадобилось немало усилий, чтобы прийти в себя. Оказавшись на полу, он сначала просто смотрел на Рене, ошеломленно моргал, то открывал, то закрывал рот и издавал целую череду неприятных звуков, вызывающих, признаться, весьма странные ассоциации. Понять, чего именно пытается добиться Димитрий, признаться, было отнюдь непросто. Он даже отчаянно замахал руками, выражая всю меру собственного возмущения, пропищал нечто ну совсем уж невразумительное, попытался подняться, но быстро сполз по стеночке.

— Т-ты, — наконец-то выдал хоть одно нормальное слово купидон. — Т-ты! Ты что здесь делаешь? Г-где Матильда? Я призываю свою В-верховную, а не ж-жалкого отступника!

— Отступника? — изогнул брови Рене. — Будь добр, подробнее.

Димитрий наконец-то сумел встать на ноги. Правда, он практически моментально зашатался, не в силах удержаться на своих двоих, но на этот раз плюхнулся уже на табуретку и направил на Рене свой немигающий взор. Мой брат ответил ему лишь мягкой улыбкой.

— Эдитушка! — повернулся ко мне экс-купидон. — Как же ты могла? Как?! Связалась с этим!.. Он презрел закон! Он решил пойти против Хранительницы Времени, Матильды!..

— Да-да. И именно за все мои грехи мне досталось вот это, — ухмылка Рене и без лишних доказательств могла кого угодно, а уж тем более Димитрия выбить из колеи, а уж когда он продемонстрировал песочные часы на цепочке, купидону стало совсем худо.

— Эд-дитушка, — опасливо уточнил он, — твой брат украл часы у Хранительницы Времени? Как? Этого же никак нельзя сделать.

— Можно, — отметил Себастьян, тоже ввязываясь в эту словесную игру. Очевидно, Димитрий тоже раздражал его достаточно сильно, чтобы мой супруг не смог просто

остаться в стороне. — Правда, для этого необходимо, чтобы прежняя Хранительница Времени погибла...

— Погибла?! — взвизгнул Димитрий.

— Да, — подтвердил Рене. — Погибла.

— Но тогда, — Димитрий вскочил на ноги, — эти часы должны быть у нового Хранителя Времени! У нового Верховного!

— А они и есть, — лениво протянул Рене, накручивая на палец тонкую цепочку, на которой держались песочные часы, — у нового Верховного.

Прилив сил, наблюдавшийся у Димитрия минуту назад, очевидно, схлынул. Он заметно пошатнулся, стремительно побледнел и воззрился на Рене так, как обычно смотрят на чудовищ. Потом сел и тихо выдохнул:

— Мам-ма.

— Твоя мама тебе не поможет, — протянул Рене. — Ничья уже не поможет, Димитрий... Но не понимаю, чего ты так расстраиваешься! Ведь Матильда была какой-то посторонней женщиной, с которой у тебя один раз случилась связь, и то, по ее словам, не слишком удачная. А теперь смотри как все чудесно складывается! Новый Верховный, новый Хранитель Времени — не абы кто! Брат твоей лучшей подруги. Человек, с которым ты проработал в одной Канцелярии столько времени! Что может тебя расстроить?

Димитрий все бледнел и бледнел.

— Верно, ни-че-го! — гордо провозгласил Рене и улыбнулся еще шире. Димитрий только втиснулся в стену, словно надеялся, что камни его поглотят. — Ведь ты же точно не из тех, кто будет мелко пакостить брату своей подруги...

Я изогнула брови.

— Не из тех, кто станет устраивать глупые розыгрыши, — продолжил Рене, прожигая Димитрия насквозь далеко не самым доброжелательным взглядом, который только можно представить. — И уж точно не тот, кто станет обзывать его и всячески подчеркивать свое превосходство... Ведь ты, Димитрий, всегда говорил: внешность не главное, она ничего не определяет! Люди часто болеют, не всегда раскрывают весь свой потенциал сразу... Зачем дразнить, зачем бросаться в человека обвинениями, а уж тем более натравливать на него какую-нибудь компанию своих друзей, разыскивающих мальчика для битья...

У Димитрия дрожало все. Клацали зубы, дергались руки и ноги. Если б я не понимала что это у него так проявлялся страх, то посчитала бы, что купидон болен.

Однако, сейчас мне совсем не было жаль его. То, что рассказывал Рене, звучало просто омерзительно. Мне было страшно даже подумать, что именно пришлось пережить моему брату, чтобы все-таки добиться уважения от окружающих его людей.

Но он не выглядел сломленным. Наоборот, спокойно смотрел на Димитрия и улыбался. Однако, я понимала, что это никоим образом не означало, что Димитрий может выдохнуть и дальше спать спокойно. Его явно ждала месть. Справедливая, да. Но месть.

Вот только мне очень не хотелось, чтобы Рене опускался до такого.

— Ну что же, Димитрий, — протянул тем временем Верховный. — Раз уж ты сам все понял... — он скользнул взглядом по побелевшему мужскому лицу. — То мне остается только вынести свой окончательный приговор. Ведь я принял решение еще до того, как даже заговорил с тобой.

Димитрий, и до того бледный, как смерть, задергался. Улыбка Рене пригвоздила его к месту, и он, словно прибитый к камням гвоздями, то сжимал руки в кулаки, то пытался

подняться, но все равно оставался на все том же стуле. Зубы купидона отбивали неистовый ритм, пяты — настоящую чечетку.

— Я очень сожалею! — воскликнул он. — Мне жаль! Мне правда очень жаль, что у нас так с тобой все получилось, Рене! Я готов загладить свою вину!

— Что ты можешь загладить?.. Ты можешь только гадить, Димитрий. Ты всю жизнь только этим и занимался.

— Я исправлюсь, честно!

— И почему я должен тебе верить?

Димитрий застыл. По щекам его бежали слезы. Несомненно, он делал вид, что очень сильно раскаивается, но я, прекрасно помня, на какие пакости Димитрий был способен, понимала, что до истинного желания исправиться там, как до луны пешком...

— Потому что я друг твоей сестры? — мягко уточнил купидон, а потом повернулся ко мне. — Эдитушка! Эди! Эдюзик!..

Он перехватил взгляд Себастьяна и поспешно исправился:

— Эдита, мы с тобой столько времени провели вместе! И, — Димитрий втянул голову в плечи, — во многом ты была инициатором... У нас с тобой огромное количество общих воспоминаний...

— Боюсь, ничего не получится, — отметил Рене.

Димитрий стремительно повернулся к нему.

Верховный выглядел спокойно донельзя. Крутил песочные часы на цепочке с таким видом, словно это было лишь банальное украшение, и если оно разобьется, то ничего страшного не произойдет. Да и вообще, я поймала себя на мысли, что Рене не выглядит очень мстительным. Скорее просто издевается. Мой брат не был убийцей. Даже если Матильда погибла из-за его поступка — тогда Рене не пытался причинить ей вред, а скорее жертвовал собой.

Кто ж знал, что так выйдет...

Может быть, потому мир и выбрал его следующим Хранителем, что Рене не был ведом корыстными побуждениями? И при этом умел думать, а не вел себя, аки овца, вряд ли способная на что-то вразумительное?

В любом случае, пока что мне было не суждено это узнать. Я лишь наблюдала за тем, как Рене, мягко улыбаясь, продолжал сверлить Димитрия взглядом. А купидон, придумывая себе тысячу и одно наказание, уже оглядывался в поисках окна, в которое можно было бы выброситься, или люстры, на которой бы повеситься.

Да вот незадача, окон в подвале по понятным причинам не было, а вместо люстры под потолком блуждали два магических огонька, даривших ровный, мягкий свет. Повеситься на них было невозможно, сымитировать сие действие — тоже.

— Не понимаю, — наконец-то мягко промолвил Рене, — как можно так тесно дружить человеком, а потом даже не заметить, что его подменили... Они даже внешне далеко не одно и то же. Меня, отнюдь не близкого на тот момент с сестрой, смутили резкие перемены в ее поведении, а ты, стало быть, посчитал, что все нормально? Эдите свалились на голову три книжки, она получила сотрясение, но решила не сходить к врачу, а заняться купидонным перевоспитанием?

Мое оправдание и вправду звучало смешно. Но Димитрий почему-то не смеялся. Я подозревала, что ему сейчас вообще было ни капельки не весело. Надо же, такой стресс пережить!

— Это не твоя Эдюсик, — припечатал Рене. — Это моя сестра Эдита. Нормальная Эдита, которая наконец-то заняла в этом мире положенное ей место. А твоя Эдюсик сейчас проживает в родном для нее мире и, надеюсь, не жалуется. По крайней мере, теперь ей не грозит несчастный случай, который унесет ее жизнь в юные двадцать пять лет.

— И, — выразительно шмыгнув носом Димитрий, — выходит, что...

— Что эта девушка участвовать в твоих дурацких затеях не будет. И отмывать тебя после всего того, что ты натворил — тоже, — уверенно кивнул Рене. — Впрочем... Эдита?

— Я б не стала его убивать, — отметила я.

— Ты решила быть милостивой? — уточнил Себастьян, явно принимая правила игры.

Его тон тоже звучал лениво, вкрадчиво. Мы, не до конца понимания, какой цели собираемся достигнуть, все равно общались с Димитрием примерно в одном тоне.

Купидон буквально примерз к своему стулу. Он поднял руку, осенил себя странным знаком — я б сказала, что перекрестился, но в этом мире вроде бы было не принято, — и шмыгнув носом.

— Я всегда знал, — прошептал Димитрий, — что ты очень хорошая, Эдита! Даже лучше твоей предшественницы, моей подруги...

— Не надо тут, — хмыкнула я. — я б не стала тебя убивать не потому, что мне тебя сильно жалко, Димитрий, а только потому, что это для тебя было бы слишком легким быстрым избавлением. Столько времени пакостить, а потом внезапно просто потерять голову на плахе... Или быть простреленным золотой стрелой. Фи, какая банальность.

Димитрий зажмурился.

— П-пытки? — уточнил он севшим от испуга голосом.

— Кто-то бы расценил это как пытки, в самом деле, — утвердительно кивнул Рене. — Но мне больше нравится вариант «исправительные работы». Станешь работать помощником Эдиты... И Себастьяна тоже. Будешь выполнять поручения, очищать ауру. У Матильды где-то там валялся старый сканнер состояния ауры, думаю, для меня не будет особой проблемой привести его в порядок и воспользоваться в наших целях. Если ты, Эдита, конечно, согласишься принять этого обормота...

Я ухмыльнулась и воззрилась на Димитрия. Он посмотрел на меня, потом на Себастьяна, и тихо прошептал:

— Лучше пытки!..

И гордо плюхнулся в обморок.

— Притворяется, — вздохнул Себастьян. — Ну так что? Возьмем паразита на поруки?

— Ты уверен, — покосилась я на мужа, — что он тебе нужен?

Улыбка Себастьяна не предвещала ничего хорошего.

— Ну не надрывать же самим, таская тяжелые коробки, верно?..

— И то правда, — утвердительно кивнула я. — Тем более, в архиве тоже есть чем заняться, убирать там все-таки придется до конца...

Я заметила, как дернулся Димитрий, выдавая, что в своем искусственном обмороке он все прекрасно слышит, и повернулась к Рене.

— Берем! — решительно заявила я. — Думаю, в хозяйстве пригодится...

## Глава двадцать вторая

Глядя из-за тяжелой бархатной шторы на зал, я поймала себя на мысли, что и представить себе не могла, насколько много сотрудников в Канцелярии. По крайней мере, прежде я была свято уверена, что работает здесь несколько десятков людей. Казалось бы, сколько тех богов?

Но сейчас, глядя на плотно забитый зал, я поняла, что серьезно ошиблась. Один отдел купидонов чего стоил! Собрались они все, если не считать Димитрия, и заняли места чуть ближе к выходу, явно собираясь сбежать с торжественного мероприятия, как только станет скучно. Что ж... Что-то мне подсказывало, что скучать не придется.

Большинство из них были в какой-то странной, розово-красной одежде, словно кто-то выдал им униформу. Но были и те, кто своим внешним видом проявил адекватность. Среди них я, признаться, без удивления узнавала в первую очередь тех ребят, которые не торговали сломанными стрелами и были отобраны мною в группу нормальных купидонов.

Любовный Патруль, устроившись чуть поодаль, выглядел как всегда — крайне неодобрительно. Хоть они и не знали, что будет происходить дальше, но все равно переглядывались без особого удовольствия.

Я разглядела в зале и Георга, и еще нескольких богов, с которыми пересекалась в коридорах. Но все остальные... Сколько же их здесь было?!

Наверное, около тысячи.

Зал был действительно большой. Он, как и большинство комнат, был приспособлен к Лабиринту с помощью магии и пятого измерения. У актового зала даже имелся другой вход. Одни двери вели обратно в Лабиринт, а вот другие, более широкие, позволяли выйти на улицу, причем не возле Канцелярии, а чуть ли не на другом конце города. Рене сказал мне, что это помещение арендовали на случай каких-то важных событий, например, когда начальству надо было сделать объявление, вот как сейчас. А вообще, это был актовый зал какого-то местного университета, название которого я даже не могла выговорить.

Что ж, как для университетского, зал был весьма хорошо обустроен. Мягкие, оббитые тканью кресла больше напоминали о здании театра; широкие проходы позволяли спокойно найти свое место, не наступив при этом никому на голову и не оттоптав ноги. Да и темно-зеленые бархатные шторы были не пропыленные, так, что даже прикоснуться страшно, а очень даже чистые. Сцена — крепкая, пол — явно новый, да и в крохотном репетиционном зале, в который можно было попасть, спустившись по крутым ступенькам справа от сцены, тоже оказалось чисто и убрано.

Я вздрогнула и, велев себе не бояться, повернулась к тем самым вышеупомянутым ступенькам. Голова покруживалась, да и меня, признаться, тошнило от волнения.

Когда Рене сказал, что все будет официально, и он организует все так, чтобы никто не посмел отказать его сестре в сотрудничестве или, чего хуже, не попытался вставлять палки в колеса, я думала, что он просто рявкнет на купидонов и Любовный Патруль, и на том все закончится.

Но он решил собрать всех.

Не хватало только Веряра. Я подозревала, что хранитель Лабиринта просто не смог пройти в дверь, ну, или его и вовсе не приглашали. Рене неоткуда было знать о наших дружественных отношениях, заключавшихся, впрочем, в одном коротком разговоре и вроде

как проявленной по отношению ко мне драконом симпатии.

— Переживаешь? — поинтересовался Себастьян, когда я заглянула в крохотный репетиционный зал. — Не бойся. Все будет хорошо.

Я только хмыкнула. Никакой веры в его обещание сейчас и близко не было — нельзя чувствовать себя в безопасности, когда впереди грозит столкновение с таким количеством почти незнакомых людей, возможно, и враждебно настроенных.

— Тебе не о чем волноваться, — муж сделал шаг ко мне и заключил в объятия. — Ты ведь уже работала в Канцелярии...

— И это было сложно.

— Да. Но в первую очередь потому, что тебе приходилось постоянно скрываться, шифроваться от остальных, делать вид, будто ты действительно из этого мира и прежняя Эдита. А теперь будет гораздо проще. Ведь не осталось ни единого повода для притворства! Тебе можно стать самой собой и просто работать. К тому же... Мы всегда сможем уйти.

Себастьян умолк. Последние его слова вряд ли были правдой. Впрочем, я не знала, стал ли бы держать нас Рене, если бы мы вдруг попросили его отпустить нас, оставить в покое. Наверное, он так и поступил бы... Как любящий брат. Потому что от богов, которые не желают выполнять свою работу, все равно на посту очень мало толку.

Вопрос в другом. Могли ли мы с Себастьяном позволить себе оставить Рене в столь затруднительном положении? Расшатанный баланс — это как бомба замедленного действия, никогда не знаешь, что он выкинет в следующее мгновение. И всегда лучше самому ткнуть стрелой любви в нужного человека или поменять местами людей, которых забросили в чужие миры, чем дожидаться, пока баланс, стремясь к состоянию спокойствия, убьет кого-нибудь.

Разумеется, существование всего мира в стабильном состоянии куда важнее, чем возможность отдельных людей выжить.

Но возможность отдельных людей выжить тоже имеет куда большую цену, чем наше с Себастьяном спокойное пребывание в доме Смерти, сон до двенадцати и возможность месяцами не братья за работу. И даже если на самом деле приоритеты следовало ставить по-другому, мы ни за что не смогли бы этого себе позволить. Как отдыхать, когда совесть буквально толкает вперед и заставляет действовать? Я не знала. И Себастьян, сказать по правде, тоже не знал.

— Вы готовы?

Я вздрогнула. Рене застал меня врасплох; он застыл на пороге репетиционного зала и внимательно смотрел на нас с Себастьяном.

— Если вы не хотите, — наконец-то мягко промолвил мой брат, словно прочитав мои мысли, — то вы будете свободны. Я никогда не стал бы принуждать своих близких к чему-либо.

— Нет, Рене, — покачала головой я. — Мы же знаем, насколько это важно. Все в порядке. Мы готовы.

— Тогда, — Хранитель Времени усмехнулся, — шоу начинается.

Он жестом велел следовать за ним. Мы с Себастьяном поднялись по все тем же крутым ступенькам, что вели из репетиционного зала на крохотную площадку за кулисами, но дальше Рене последовал сам. Остановился на мгновение, смел с рукава своей черной рубашки невидимую пылинку и сделал шаг вперед.

В зале было шумно. Никто не спешил внимательно вслушиваться в каждое слово,

произносимое новым Верховным; да и вообще, кажется, большинство не обратило внимания на его появление. Рене смотрел на них, чуть прищурившись, и на его губах играла вредная, в какой-то мере издевательская улыбка, словно мужчина говорил — да, я знаю, что вы не просто так ведете себя подобным образом... Но не думайте, что осталось много времени для болтовни.

Кто-то из купидонов наконец-то обратил внимание на появление человека на сцене и пнул своего товарища локтем под ребра. Любовный патруль бросил было перешептываться на несколько секунд, но потом с удвоенной скоростью принялся за болтовню.

Рене подошел к самому краю сцены, сунул руки в карманы брюк и внимательно осмотрел присутствующих. Вид у него был спокойный донельзя; со стороны казалось, словно нежелание людей в зале его слушать нисколько мужчину не заботило.

Я же не настолько хорошо знала своего брата, чтобы четко сказать, что он на самом деле думал о происходящем. Как и все остальные, видела только безмятежную улыбку на губах и чувствовала исходящую от него уверенность.

Рене медленно достал песочные часы, символ его власти. Я, словно предугадывая, что сейчас произойдет, невольно вцепилась в руку стоявшего рядом Себастьяна и задержала дыхание — ждала действий от брата. Муж крепко сжал мои пальцы и ободряюще улыбнулся, но я чувствовала, что он тоже был напряжен.

— Интересная штука время, — мягко промолвил Рене. Его почти никто не слушал, за исключением процентов десяти присутствующих, не больше. — Что оно такое? Числа. Пустые секунды, которые пролетают мимо. Опоздание всего на минуту — да что может случиться за минуту? Или, предположим, кто-то начинает свою речь на три минуты позже! Это ведь ерунда. Время бежит мимо нас, и мы часто применяем по отношению к нему слово «всего». Забавно.

Кто-то подался вперед, щурясь и пытаясь расслышать спокойное звучание голоса Рене сквозь общий шум. Где-то сзади донеслось громкое «да тише вы», но, разумеется, далеко не каждый прислушался к этому требованию.

— Не стоит, — махнул рукой Рене, останавливая желающих постоять за него. — Я никуда не спешу. Я могу остановить время. Но что такое секунда, спрошу я вас? Секунда... Время, которого достаточно, чтобы, например, упала люстра.

Я невольно подняла на нее взгляд. Огромная, способная прибить кого-то, люстра вроде бы надежно висела под потолком.

— Да, — продолжал Рене, — она висела тут лет тридцать, наверное, и за столь длительное время с ней ровным счетом ничего не произошло... А потом проходит мгновение, и она уже летит вниз.

В отличие от тихого голоса Рене, жуткий треск, с которым вышеупомянутая люстра оторвалась от потолка, расслышали все. Раздался крик, и я поняла, что тоже с трудом сдержалась, чтобы не завизжать от ужаса.

Рене только лениво качнул песочными часами на цепочке, и люстра замерла в воздухе. Время для нее остановилось; она висела в сантиметре у головы какой-то богини, имя которой я не знала, но сталкивалась с нею периодически в коридоре. Если б упала, зацепила бы, наверное, и Милену, главу Архива.

— Сколько времени разделяет шум и тишину? Сколько секунд надо, чтобы вы умолкли и попытались меня послушать? Уверен, секунды будет достаточно, — промолвил мягко Рене. — Тем более, что у этого актового зала весьма ненадежный потолок.

Он замолчал и вслушался в воцарившуюся тишину. Ее нарушало только поскрипывание люстры, которая медленно, но верно поднялась обратно и прочно пригвоздилась к потолку.

— Ей падать через десять лет, — пояснил Рене, — но при желании все на свете можно ускорить. Можно состарить человека за минуту. Можно ускорить чужую смерть. Можно... Но не нужно.

Полный облегчения вздох, пронесшийся по залу, вызвал у мужчины лишь легкую улыбку. Он только спокойно покачал головой и продолжил:

— Не нужно, потому что это расшатывает баланс. Каждое действие, совершенное против него, каждое действие вне времени, способное переменить ход истории, наносит непоправимый урон балансу.

— Если б было так, — выкрикнул кто-то из глубины зала, — то мы бы давно уже все погибли!

— Вот как? — изогнул брови Рене. — Это считать чистосердечным признанием?

Мужчина моментально утих. Сознаться в своих грехах он явно не спешил и не хотел, чтобы его обвинили в чем-нибудь подобном.

— Вижу, желающих все-таки сделать это признание тут пока нет, — довольно продолжил Рене. — Замечательно. В таком случае, открою вам великую тайну. Вы бы не погибли. Не все. Баланс стремится к тому, чтобы залатать дыры, которые возникают в его структуре. И если мы будем достаточно быстры, чтобы убирать моменты возмущений быстрее, чем действительно будет необходимо срочное вмешательство со стороны автоматической системы регулировки. Быстрее, чем погибнут люди.

— Да? И что же мы должны сделать? — раздалось возмущенное фырканье. — Стать частью баланса, принести себя в жертву?!

— Нет, — усмехнулся Рене. — Все проще. Вам всего лишь надо начать выполнять свою работу.

В зале воцарилась мертвая тишина. Пожалуй, в эту секунду большинство присутствующих перебирали в голове воспоминания, как они умудрялись отлынивать от работы, как нагло игнорировали любые здравые требования. Я едва сдержалась, чтобы не выглянуть из-за кулис и не посмотреть на купидонов — подозревала, что мне не суждено было узреть отражающееся у них на лицах великое счастье. Вероятнее всего, они сейчас тоже чувствовали себя не лучшим образом. Может быть, даже корили себя за то, что подвергли мир опасности?

Впрочем, нет. Видела я этих паразитов! Если они и корят себя за что-то, так только за то, что не успели позаботиться о сохранности собственной шкуры и вообще сегодня сюда пришли. А то ж могут получить от Рене по голове!

— У многих из присутствующих здесь, — продолжил мужчина совершенно спокойным, вкрадчивым голосом, сулившим опасность всем, кто посмеет его перебить, — не лучшие отношения со своими служебными обязанностями... И я попрошу не отворачиваться и не делать вид, что я обращаюсь не к вам.

Он не назвал ни одного имени, но, кажется, в зале напряглись практически все.

— С этого дня мне придется следить за вами немного тщательнее. И кто знает... Баланс плохо поддается управлению, но есть определенные методики. Кто знает, может, следующим объектом для восстановления баланса станете вы?

— Это угроза? — почти истерично воскликнула одна из женщин, присутствующих в зале.

Я даже не знала ее имени, но по дорогой одежде и манере держаться могла утверждать, что это кто-то из богинь. Странно, что мы ни разу не пересеклись в путанных коридорах лабиринта все это время, но, впрочем, нет ни одной гарантии, что она действительно присутствовала на рабочем месте.

— Это не угроза, — покачал головой Рене. — Это предупреждение. Ровно как и люстра, упавшая вам на головы, тоже не была попыткой кого-либо убить, а только моим желанием предупредить вас о возможных последствиях действий. Но вы можете воспринимать это иначе. Собственно, мне вообще наплевать, что вы все будете обо мне думать, — вид у Рене действительно был крайне равнодушный. — Мне важно, чтобы вы работали. А если не будете... Что ж. Незаменимых в нашем мире нет.

Он вновь подбросил песочные часы в воздух. Я поймала себя за на том, что сама завороченно наблюдала за тем, как крохотный предмет летел к земле, и вздрогнула, когда Рене вновь уверенно перехватил его. Иногда мне казалось, что мужчине очень хочется разбить свои часы и просто распрощаться навсегда с бессмертием и со свалившейся на него ношей.

— Кроме того, сейчас у нас не хватает двух богов — причем речь идет о весьма важных отделах, об отделах любви и смерти.

— Мы можем выбрать богиню среди нас! — вскинулась Аделина, глава Любовного Патруля. — Я много лет работала сначала в отделе смерти, а потом в отделе любви, и у меня большой опыт...

Часы в руке Рене покачнулись. Он помрачнел и воззрился на Аделину с едва заметным недовольством, потом растянул губы в улыбке, впрочем, не сулившей ровным счетом ничего хорошего.

— Да, — утвердительно кивнул он. — Большой опыт. Только я почему-то не могу назвать этот опыт положительным... Не подскажите, почему так, уважаемая Аделина?

— У других нет никакого, — пожалала плечами она. — Но если не устраивает моя кандидатура, то ищите другую самостоятельно. Мои подчиненные на это не согласятся. Не так ли, девочки?

Не все представительницы Любовного Патруля были готовы кивнуть, но под тяжелым взглядом Аделины согласно загудели. Разумеется, ее авторитета оказалось вполне достаточно, чтобы напугать их и заставить поступить так, как скажет начальство. Но Рене, кажется, не спешил проникаться уважением по отношению к этому сборищу.

— Любовный Патруль в полном составе пока что останется выполнять прежние обязанности, — твердо промолвил он. — Если не будет с ними справляться, пообщаемся по этому поводу дополнительно... Хотя я искренне надеюсь на то, что подобной необходимости не возникнет. Сядьте, Аделина.

То, с каким видом женщина опустилась обратно в кресло, свидетельствовало лишь об одном: она была категорически не согласна с решением Рене.

— К счастью, я не зря провел столько времени в Канцелярии, чтобы предсказать вашу реакцию, — в голосе Рене зазвенели презрительные нотки. — Потому давно уже подготовил свои кандидатуры. Надеюсь, вы понимаете, что решение окончательное и обжалованию не подлежит?

Молчание — единственный ответ, который мог ожидать в подобной ситуации. Разумеется, все понимали, что с Верховным, с Хранителем Времени, спорить нельзя. Тем не менее, практически каждый из присутствующих неплохо знал Рене и не мог воспринимать

его настолько серьезно, как того требовала ситуация.

— Потому встречайте. Наш бог смерти... Себастьян.

В актовом зале все еще царила тишина. Кажется, практически никто не удивился возвращению Себастьяна на его рабочее место. Аделина расплылась в мягкой улыбке, как будто вновь вспомнила о том, как ей хорошо работалось под управлением моего мужа.

Я же знала: в отличие от его кандидатуры, моя приведет к настоящему взрыву недовольства.

— И богиня любви Эдита.

Мне пришлось буквально выталкивать себя из-за кулис. Я подошла к Себастьяну, встала рядом с ним, почувствовав некую уверенность от того, что мы едва ощутимо соприкасались ладонями.

Мертвая тишина в зале сменилась возмущенным гулом.

— Как можно такое допустить?! — вскочила на ноги Аделина.

— Она же из другого мира! — возмутилась Милена, глава архива. — И это мы так будем беречь баланс? Единственное хорошее, что могла сделать эта женщина, из-за которой погибла Верховная Матильда, это умереть и самой!..

Рене стремительно помрачнел. Я знала, что брату очень больно было вспоминать о Матильде. Вопреки тому, что она оказалась ужасной женщиной и ради собственных низменных желаний едва не разрушила весь этот мир, Рене все еще любил ее. Даже если пытался выдрать из своего сердца, как сорняк, попавший туда по жуткому стечению обстоятельств.

Мне очень хотелось подойти к брату, хлопнуть его по плечу, обнять, показывая, что он не один. Но в эту секунду Рене вряд ли нуждался именно в жалости.

Ему надо было завоевать авторитет — и что же, думаю, Рене для этого делал все правильно.

— Предположим, — проронил он, — Верховная Матильда, которая едва не погубила всех, кто здесь находится, погибла не из-за Эдиты, а из-за меня. Ведь стрелы предназначались именно мне. Однако, выбирая, кого оставить в живых, баланс предпочел меня...

В словах Рене не звучало ни грамма самолюбования.

— Матильда была нашей Верховной! — возмутился кто-то из зала.

Я рванулась вперед, отчаянно желая рассказать, какой именно Верховной была Матильда и что она натворила за долгие годы своего правления, но Себастьян уверенно придержал меня за плечо. И хотя сейчас мы не могли поговорить, я буквально чувствовала в этом жесте короткое, но твердое «не стоит». Пусть мне дико хотелось возразить, поспорить с мужчиной, я понимала: он прав.

Не стоит.

— Матильда была. А теперь есть я, — Рене прищурил глаза. — И если кому-то интересно, каждый ли Верховный погибает и передает свои полномочия виновному в собственной смерти, если проткнуть их двоих насквозь золотыми стрелами, то я открыт к экспериментам.

Разумеется, единственным ответом ему было молчание. Кто в своем уме согласился бы на подобное!

— Судя по тишине, желающих нет? Удивительно! А ваши обвинения звучали так убедительно, — Рене мрачно прищурился. — Или вы просто не хотите брать на себя

ответственность Верховного? Поразительно. А что ж вы тогда так активно оспариваете мое решение?

Опять тишина.

— Молчите? Молчите, — кивнул он. — Потому что сказать вам, дорогие мои друзья, действительно нечего. Каждый из присутствующих здесь прекрасно осознает, что не имеет права спорить и ничего не может сказать о произошедшем. Кто-то из вас не знал, что делает Матильда, а кто-то оказывал ей активное содействие, и все здесь присутствующие прекрасно понимают, к какому-то классу относятся. Потому, уважаемые, раз вы не склонны к признаниям, напомню: Верховный здесь я. Решения принимаю тоже я. Себастьян и Эдита займут свои рабочие места и с завтрашнего дня приступят к выполнению своих служебных обязанностей. И, так как они первые боги, назначенные мной, они будут иметь более высокие полномочия, чем присутствующие здесь. Надеюсь, это понятно?

— Но это нечестно! — вскинулся Георг.

— Нечестно, — презрительно скривив губы, выдохнул Рене, — пользоваться служебным положением для того, чтобы расшатывать баланс и выпивать из мира магию. Нечестно — заманивать к себе в постель череду любовников или любовниц и отгрызать у них по два-три года жизни за каждую ночь. А заниматься своей работой и подтверждать квалификацию — более чем нормальная практика. А что ж до баланса — вы упоминали о нем ранее, — то не волнуйтесь, Эдита не сможет ему навредить. Потому что она — девушка из этого мира. И еще одна жертва Матильды. Вопреки всем тем грязным слухам, которые распускают по углам злые языки. Ну? Я готов слушать свежие претензии.

Больше желающих спорить не нашлось. Все сидели, как будто громом прибитые. Я смотрела на людей, большинство из которых видела впервые в жизни, и почувствовала, как отчаянно защемило сердце. Разобраться со всем этим наверняка будет очень сложно. Я и представить себе не могла, как совладать с людьми, которые однозначно будут воспринимать меня в штыки.

Какое уж там прислушиваться к приказам!

— Если у вас нет претензий, можете быть свободны, — хмыкнул Рене. — Завтра всех жду на рабочих местах. Приятного дня, уважаемые.

Сотрудники Канцелярии поднимались со своих мест достаточно охотно. У меня и вовсе возникло впечатление, что большинство из них элементарно спасалось бегством, надеясь, что Рене не успеет придумать для них новые обязанности или наказать.

— У многих рыльце в пуху, — пояснил Рене, когда за последним из сотрудников захлопнулась дверь. Он сел на край сцены, свесив ноги вниз, и печально взглянул на опустевший зал. — Даже безграничная с точки зрения магии власть — сложная штука. Попробуй преодолей все те стереотипы, что успели выстроить в своих головах люди... Я бы уволил их всех и велел набрать новых, но, боюсь, это просто развалит Канцелярию. Возможно, кто-то из них действительно с охотой возьмется за выполнение обязанностей? Да и в любом случае... Правильнее дать людям шанс. Вдруг они действительно окажутся готовы воспользоваться им?

Что-то мне подсказывало, что Рене и сам сомневался в своих же словах.

Я села рядом с ним и сжала руку брата.

— Не волнуйся. Справимся. Ты же Верховный! Ты все можешь.

— Почти, — покачал головой он. — Посмотрим, насколько хватит моего всемогущества...

— Хватит! — решительно воскликнула я.

— Надеюсь, — он усмехнулся. — Впрочем, теперь это не имеет значения... Вы можете быть свободны до завтрашнего утра. В конце концов, всего несколько дней прошло со свадьбы... Отдыхайте.

Я повернулась к Себастьяну и с сомнением вздохнула.

— Боюсь, — наконец-то сказала я брату, — у меня будет еще одно очень важное дело...

## Глава двадцать третья

Найти Вериара оказалось не так уж и просто. Мы с Себастьяном обошли практически весь лабиринт, заглядывая в каждый угол, прежде чем наконец-то обнаружили толстого дракона, мирно посапывающего в одном из поворотов. Может быть, сказывалось то, что мы давно не виделись, но меня в очередной раз потрясли размеры дракона.

— Вериар! — окликнула его я. — Вериар, ты меня слышишь?

Дракон с трудом разлепил глаза и сонным голосом протянул:

— Если я лежу и притворяюсь спящим, это не значит, что я стал глухим. Я все еще Страж Лабиринта и нахожусь исключительно для того, чтобы защищать свои владения. Бдю, чтобы враг не прошел!

— Бдишь, значит, — хмыкнула я. — И как успехи?

— Враг мимо не проходил, — лениво зевнул дракон, демонстрируя свою немалую пасть. — И не пройдет, потому что я его съем. Я потому такой толстый, что часто ем врагов, вот!

Если верить статистике, то последний человек, которого Вариан пытался хотя бы укусить, был уже мертв. И не потому, что челюсти грозного дракона сомкнулись на его шее, а потому, что с той поры прошло несколько веков.

Потому ни в какие бдения Вериара я не верила. Вместо этого обошла его по кругу и поинтересовалась:

— Скажи-ка, доблестный дракон, а почему ты отсутствовал на сегодняшнем выступлении нового Верховного?

— А что я мог там услышать нового? — лениво полюбопытствовал Вериар, вновь открыв глаза и воззрившись на меня с вящим недовольством. — Я помню Рене совсем еще мальчонкой. Хороший парень, справится с заданием получше Матильды...

Дракон собирался было скрутиться в клубок и продолжить храпеть, но вдруг осознал что-то и поднял на меня голову. В огромных глазах внезапно забрезжило понимание происходящего, и Вериар откровенно оживился.

Я обнаружила, что с нашей прошлой встречи его рубиновая чешуя несколько потускнела. Вериар наконец-то сел, неуклюже отставив в сторону хвост, и протянул ко мне коротковатые, как для такой туши, лапы.

— Деточка моя! Эдитушка! Живая!

— Конечно, живая, — недоуменно пробормотала я. — А что со мной могло случиться?..

На самом деле, я понимала, что именно могло произойти. С момента нашей последней встречи с Вериаром меня как минимум трижды пытались убить, и каждая из этих попыток вполне могла увенчаться успехом. Это не говоря уже о том, что Рене следовало отправить меня в мир иной, и речь шла отнюдь не о том мире, в котором я провела первые двадцать четыре года своей жизни.

— И Себастьян! — дракон заприметил и моего супруга. — Дорогой мой! Что я вижу? Не следы ли это брачных оков?

Себастьян, явно собираясь обозначить наши отношения, притянул меня к себе и улыбнулся.

— Мы поженились, — сообщил он дракону. — Несколько дней назад.

— Какая прелесть! — всплеснул лапами Вериар.

Точнее, попытался это сделать. Потому что для того, чтобы дотянуться когтями правой лапы до когтей левой Вериару пришлось немало постараться. Он тяжело вздохнул, узрев не слишком приятный результат собственных трудов, и дернул небольшими — в сравнении с туловищем, разумеется, — крыльями за спиной.

— Я даже не могу вас обнять, — вздохнул он. — Эти недоноски в розовом кормили меня совершенно непригодной для драконов едой. А Рене говорит, что если он будет думать еще и об этом, то обязательно сойдет с ума... Он совершенно не желает уяснить, что Хранитель Времени должен находить время для всего! Не зря же его, в конце концов, таким назвали!

— Боюсь, — отметила я, — Рене едва находит время, чтобы поспать и поесть...

— Так пусть найдет себе достойных помощников, — дернул крыльями Вериар. — Разве это так сложно сделать?

Дракон горестно вздохнул.

— Впрочем, о чем это я? Найти кого-нибудь согласного выполнять все бесконечные обязанности в Канцелярии действительно сложно. Это когда-то работа на должности бога считалась настоящей честью... А нынешние сотрудницы запятнали своей деятельностью все, что только можно было запятнать! Я говорил Рене, что ему нужно вас вернуть, а не искать замену. Потому что если последние адекватные люди покинут Канцелярию, то ей придет конец! Я лично хвостом развалю этот Лабиринт... — Вериар выдержал паузу. — И, может быть, наконец-то смогу из него выйти.

— Не надо ничего валить, — успокоил его Себастьян. — Так уж получилось, что Рене действительно нашел возможность нас вернуть...

— И назначить на прежние должности, только уже с более широкими полномочиями. Так что теперь, пытаясь все исправить, можно не бояться, что на нас набросится какая-нибудь Матильда с желанием обвинить во всех смертных грехах и уничтожить, — подмигнула Вериару я. — Рене обещал обеспечить нормальные условия работы и помогать во всем, чем сможет.

На милой морде дракона отразилась искренняя радость.

— Вот как! — воскликнул он, не тая эмоций. — Да ведь это замечательная весть! Что же, что же... Теперь вы проследите за тем, чтобы мне выделяли свежее мясо, а не токсичные полуфабрикаты?

— Да, — кивнула я, похлопав дракона по лапе. — Но у меня есть предложение получше.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересованно потянулся ко мне Вериар. — Я весь во внимании! Мне невероятно хочется узнать, что может быть лучше свежего мяса?

Я посмотрела на Себастьяна. Он только коротко кивнул, подтверждая, что готов поддерживать меня и в этой безумной затее тоже. Конечно, мы рисковали, предлагая дракону такое, ведь он, в конце концов, мог серьезно обидеться, но как же хотелось все-таки действовать во имя его блага!

— Мы понимаем, — медленно промолвила я, подбирая правильные слова, — что твой лишний вес не только ограничивает тебя в жизни, причем довольно серьезно, а еще и доставляет массу неудобств... Потому мы с Себастьяном и с Рене подумали, что, возможно, могли бы помочь тебе его... Сбросить.

Я даже зажмурилась, опасаясь, что реакцией дракона будет столб огня, но он только тяжело, печально так вздохнул.

— Мое бедное, наивное дитя, — пророкотал Вериар, — как мне можно помочь? Я не

способен бегать по этим коридорам; Лабиринт давит на меня одними своими стенами! Я при исполнении...

— Это оправдание, — решительно заявила я. — И надо бегать по коридорам...

— Во многие достройки я даже не пролезу! — продолжил Вериар, старательно делая вид, что не слышит того, что я говорю. — Потому...

— Вериар, — решительно прервала я его, — не нужно об этом. Потому что я предлагаю не заниматься бегом по коридорам. Я предлагаю перебраться к нам, к примеру, в дом Любви. Там есть где развернуться! Где заняться спортом, на свежем воздухе. Я смогу продумать диету, подобрать упражнения...

Верияр воззрился на меня, как на умалишенную. Не знаю, был ли он согласен подбирать упражнения, но сомнения, роившиеся в драконьей голове, так и рвались на свободу.

— Но ведь для этого мне придется пролезть в дверь! И как-нибудь добраться до того места! Вы полагаете, что вот это, — он дернул утопавшими в жире крыльями, — способно поднять такого жиртреста, как я, в воздух?! Или что я могу протопать через весь город для того, чтобы добраться до дома Любви, например? Я только напугаю людей!

— Предположим, — протянул Себастьян, — добраться до дома Любви можно не через город, а по внешнему радиусу...

— И это в два раза дольше, если не в три! — возопил Вериар. — Как вы себе это представляете? Я уже не столь юный дракон...

— Ты бессмертный дракон.

— Какая разница?! Бессмертные что, не могут ссылаться на свою старость?! — возмутился Страж Лабиринта, нервно дергая хвостом. — Или бессмертие избавляет меня от лишнего веса! Я, может быть, и юн в душе, но, к счастью, не настолько глуп и наивен...

— И тебе не придется идти самому. Тебя донесут, — припечатал Себастьян.

Верияр умолк. Он задумчиво зашевелил хвостом, явно размышляя, с чего это вдруг мы решили ему помочь, и вяло поинтересовался:

— А что от меня требуется?

— Заняться собственным здоровьем, — принялась перечислять я, — выполнять предписания...

— Нет-нет. Что от меня требуется как от Стража Лабиринта. Ключ от всех дверей? Универсальный? Или, может быть, какие-то секреты о сокровищах, хранящихся тут под полом? Хотя нет, для вас мелковато... Мудрость веков?..

— Ничего, — переглянувшись, в один голос выдохнули мы с Себастьяном.

Верияр насторожился. Он явно не привык к такому.

— Обычно просто так мне дают только какие-то полуфабрикаты, полученные по разнарядке, — протянул он. — Еще и приносят в каких-то не очень чистых ведрах, словно непонятно, что нормальные драконы питаются иначе! А вы решили помочь мне привести себя в порядок просто так?

— Да, — утвердительно кивнула я. — Рене, конечно, не говорил об этом, но добрые дела вряд ли сделают балансу что-то плохое. А вот хорошее — могут. Мы с Себастьяном обещали помочь Хранителю Времени привести здесь все в порядок... А Канцелярия не может быть полноценной без полноценного же Стража Лабиринта. Тебе посадили здоровье, убили твою фигуру — мы просто хотим ее вернуть. Считай, это компенсация за происки Матильды.

— Не верю своим ушам! — вздохнул Вериар. — Никто и ни разу не думал о моем

здоровье! А вы... Просто нет слов.

Он выразительно всхлипнул и попытался стереть слезу, стекающую по миловидной, совершенно не толстой морде. Глядя на нее, я могла себе представить, каким бы красивым был дракон, если б не его лишний вес. Что ж... Может быть, когда-нибудь и увижу.

— Но у нас остается еще одна маленькая проблема, — отметил Вериар. — Я все еще не пролезаю в двери, мои дорогие друзья. И моего терпения не хватит, чтобы несколько недель ничего не есть и надеяться на потерю веса таким образом...

Я не знала, насколько долго могут голодать драконы, но не стремилась к экспериментам и не хотела бы проверять желудок Вериара на прочность.

— Думаю, для этого у нас есть отличные помощники, — промолвила я. — Они попытаются придумать что-то с дверью...

Я хотела сказать, что, возможно, немного разберут стену, а потом вернут все на свои места, но договорить не успела. Потому что отличные помощники — то есть, компания из шестерых скелетов с Брэем во главе, — уже появилась из-за угла.

А дракон, узрев их, отреагировал так, как никто из нас не ожидал.

— Мамочки! — воскликнул он, внезапно подпрыгнув на месте. — Ой, мамочка, помогите! Мертвецы! Мертвецы-ы-ы!

Я была уверена в том, что за свою долгую, измеряющуюся сотнями лет жизнь Вериар видел оживленных мертвецов. Ведь он наверняка охранял Лабиринт еще в те славные времена, когда богов было всего несколько и они обладали силой куда большей, чем нынешние. Однако, то ли память с возрастом у Вериара все-таки просела, то ли он просто очень боялся всего мертвого, но один вид зомби Брэя и его шестерых костистых спутников привел дракона просто в ужас и активизировал все внутренние запасы его энергии.

Дракон отчаянно замахал своими крылышками, но взлететь, разумеется, так и не смог — сил не хватило. Впрочем, на пути к спасению Вериара это не остановило. Кое-как поднявшись с земли, он встал на четыре лапы и, как заправская лань, припустил вперед по коридору.

— погоди! — воскликнула я, пытаясь хоть окликом остановить дракона, но не тут-то было! Он мчался, спешно перебирая лапами, к своей цели.

Масштабную фигуру Вериара, разумеется, неслабо заносило на поворотах. Он подскакивал, отлетал в сторону, будто тот мячик, и продолжал свой путь.

Перепугавшись, что с драконом может случиться что-то страшное, мы всей дружной компанией помчались за ним. Однако, вместо того, чтобы остановиться, Вериар еще больше мотивировался к побегу и ускорился, собираясь скрыться как можно скорее.

Он замолотил лапами по земле, позабыв и о весе, и о прочих неприятностях. Я уже поняла — благо, скудных знаний устройства лабиринта на то хватило, — что Вериар прорывался к выходу. По пути от смел кого-то с ног — я с удивлением обнаружила практически впечатанного в стену и попискивающего от ужаса Димитрия, — и бросился к заветной двери.

Кем бы ни был тот добрый человек, который оставил дверь открытой, Вериар в эту секунду мог возвести в его славу хвалебную оду. Он со всех ног — или, если быть более точной, со всех лап, — бросился к заветному выходу, метнулся вперед...

И застрял.

Одна половина дракона, включая его голову, крылья и передние лапы, оказалась на улице. Вторая — то бишь, не в меру пышный зад, хвост да задние лапы, — торчали уже с

нашей стороны и были под надежной защитой коридора.

Верияр задергал лапами, пытаясь освободиться, но тщетно. Вход был надежно заблокирован его пышным телом; снаружи было слышно, как хныкал дракон.

— Ну и почему ты побежал? — поинтересовался у него Себастьян, тыкнув пальцем в драконью спину.

В ответ Верияр едва не хлестанул его хвостом и запричитал:

— Потому что я испугался! Я всего лишь бедный дракон, который не понимает, за что ему на голову свалилось такое отвратительное испытание!

Ну да, действительно. Было ж не за что...

— Мы не желали тебе зла! — возмутился Себастьян. — Мы хотели тебе помочь!

— И привели гробокопов?!

— Каких гробокопов?! — взревел Брэй. — Мы честные живые мертвецы и выполняем множество полезной работы! И нас опускают до уровня гробокопов?!

— Раньше мертвецы работали только гробокопами! — возмутился Верияр. — Это сейчас всякие новомодные тенденции!..

— Так, прекратите, — вмешалась я. — Верияр, — мне пришлось похлопать дракона по хвосту, потому что я сочла это место более приличным, чем весьма широкая нижняя часть его спины, — никто не желал тебе зла. Брэй и его команда собирались лишь помочь перенести тебя к дому Любви. Ну и должны были разобрать часть стены! Но, к сожалению, не успели, потому что ты успел выскочить первым. Теперь нам надо как-то тебя оттуда вытолкнуть!

— Драконы как коты, — пискнул Верияр. — Они проходят туда, куда проходит их голова!..

— Боюсь, — буркнул Себастьян, — они проходят туда, куда проходит их жирный зад...

Я осуждающе взглянула на супруга.

— Ну не обижай уж его... Не знаю, что делать, конечно...

— А может, обмазать маслом? — поинтересовались сзади.

Я стремительно обернулась.

Димитрий, выглядевший несколько прибитым после того, как его впечатал в стену всей своей тушей Верияр, хромал к нам.

— Сначала обмазать маслом бока, — развивал он свою идею, — а потом попытаться вытолкнуть отсюда? Ну, упереться всем вместе, навалиться...

Мы с Себастьяном переглянулись.

— Что ж, — вздохнула я, — возможно, это не такая уж и плохая идея...

Судя по тому, как замолотил хвостом Верияр, лично он считал иначе. Но на данный момент это мало кого беспокоило.

## Глава двадцать четвертая

Не знаю, каким образом в Канцелярии отыскалось масло, но предприимчивые скелеты притащили его уже через минут десять. За их спинами расхаживал деловитый Димитрий, явно считающий, что это исключительно его заслуга, а чуть поодаль переминался с ноги на ногу засидевшийся на рабочем месте Георг. Завидев нас с Себастьяном, он сделал вид, будто шел куда-то в совершенно другое место, и предпочел улизнуть — все еще высказывал свое недовольство нашими кандидатурами.

Ну, пусть. Признаться, мне было абсолютно наплевать, что обо мне думали коллеги. Если продолжать и дальше в том же духе опираться на их авторитетное мнение, то порядка тут не будет никогда.

— Я попробую пролезть, — промолвил Брэй, скептически осмотрев тушу, — и налить масла на бока... И, возможно, его логичнее будет втягивать сюда, а не выталкивать туда.

— Будем выталкивать, — решительно заявила я. — Мне надо, чтобы он занялся упражнениями на свежем воздухе, а не продолжил разъедаться здесь.

— Сделайте хоть что-нибудь! — взвыл Вериар. — Чтобы я больше не торчал тут в таком унизительном положении!

Я усмехнулась. Надо же! Унизительное положение...

— Сейчас сделаем, — пообещал своим привычно холодным, спокойным голосом Брэй.

Томас бы на его месте уже бегал, кричал и суетился, но этот зомби казался совершенно невозмутимым. Он с абсолютно равнодушным видом пробрался под лапой дракона и примерился к его боку, явно подумывая, как лучше смазывать бок Вериара.

— А что это за масло? — опасливо поинтересовался дракон. — Оливковое?

— Нет, — отметил Брэй.

— Неужели подсолнечное?! — возмутился он. — От него тускнеет чешуя!

— Нет, — повторил зомби. — Это не подсолнечное масло. Это рапс.

— Рапс?!

— Да. В одном из отделов канцелярии производятся кожаные изделия. Оно там используется.

Я и не знала о таких подробностях. В моем мире рапсовое масло — впрочем, специальное, а не любое, — использовалось и в пищу и являлось достаточно популярным. Однако, здесь прогресс до такого явно еще не дошел. По крайней мере, той бутылочки, которую держал в руках Брэй, новые технологии не коснулись.

Верииара это привело в шок. Он задергался, принялся выписывать хвостом настоящие петли.

— Я не позволю! — возопил дракон. — Чтобы на мою чешую лили какое-то совершенно непригодное для того масло! А вдруг от него у меня начнут выпадать чешуйки?

— Вериар, у тебя пока что может отпасть только зад, если тебя сильно пережало, — мрачно промолвил Себастьян. — Так что не выдумывай и дай себя намазать.

— Только через мой труп! — возмутился дракон.

— Если ты умрешь, — тоном истинного бога смерти промолвил Себастьян, — то дела будут обстоять попроще. Мы просто распилим тушу на части и вынесем тебя наружу... Сколько там драконы живут без пищи?

— Я думаю, — отметил Брэй, — быстрее будет его отравить. Когда-то я слышал, что

драконов травили мышьяком...

— Драконы не умирают от мышьяка! — возмутился Вериар. — И вообще, я бессмертный! Ждать вам придется целую вечность! Скорее это здание обветшает и рухнет!

— В таком случае, нам придется выходить через окна. А ты как раз за месяц-другой сбросишь лишний вес и пролезешь наружу, — отметила я.

Конечно, у меня не было возможности видеть морду дракона, но что-то мне подсказывало, что он явно не светился от радости. Лапы дракона в очередной раз задергались в отчаянной попытке пролезть дальше — ну, или оттолкнуть Брэя, вновь примерившегося с маслом.

— Не дергайтесь, — равнодушию зомби можно было только позавидовать. — Я не хочу расплескать масло повсюду, у нас его не так и много. А чтобы прицелиться, необходимо, чтобы вы сидели спокойно.

— Ни за что!

— В таком случае, я обмажу вас маслом с ног до головы, господин дракон, — развел руками зомби.

— Я запрещаю!

— Мое начальство — не вы, — серьезно отметил Брэй. — Я служу господину Себастьяну и госпоже Эдите, причем служу по собственной воле, — он, не имея возможности поклониться, потому что иначе пришлось бы соприкоснуться лбом с драконьим задом, только коротко кивнул нам. — А они настаивают на том, чтобы вы были освобождены и вытолкнуты наружу.

Верриар, разумеется, не спешил просто молча принимать свою судьбу. Вместо того, чтобы успокоиться и не дергаться, он замолотил лапами и каким-то образом перевернулся. Теперь нижние лапы торчали к потолку, а вот передними Вериар, очевидно, хватался за ступеньки.

Брэй пожал плечами и потянулся повыше, чтобы и там полить его маслом. Но дракон не собирался сдаваться. Борясь за чистоту своей чешуи, он замолотил ногами по потолку — точнее, по воздуху, ведь до потолка он не дотягивался, — и наконец-то сдвинулся на несколько сантиметров. Брэй, делая вид, что его замысел с маслом остается в силе, тайком подал другим скелетам знак.

Надо сказать, среагировали они практически моментально. Я даже не ждала от них подобной прыти! Скелеты бросились к дракону, подпрыгнули и, очевидно, в весьма подходящую секунду изо всех сил пнули его в пышный зад.

Верриар взвыл...

И пробкой вылетел наружу.

Раздался безумный грохот. Я невольно втянула голову в плечи, признаться, чувствуя себя весьма неловко.

— Надеюсь, — пробормотала я, обращаясь к Себастьяну, — мы там ничего не разбили?

— Нет, — успокоил меня муж. — Разве что одно дерево, хм... Несколько изменило место своего расположения.

Я осторожно выглянула на улицу и едва сдержала удивленный вскрик. Подобного я, признаться, не ожидала. Вериар пролетел добрых метров десять и всей своей тушей впечатался в дерево, но то проявило неожиданную крепкость и, вместо того, чтобы сломаться, просто сдвинулось примерно на метр, оставив в земле недлинную борозду.

Дракон с трудом отлепился от дерева и упал на спину, тяжело задышав. Потом вытянул

оказавшуюся внезапно длинной шеей и покосился на свои бока.

— Масло попадало на мою роскошную чешую? — мрачно поинтересовался он.

— Нет, — отозвалась я, спокойно улыбнувшись.

— Хвала небесам! — воскликнул он. — Потому что я бы не пережил этого позора. Мои бока не должны были почувствовать влияния какой-то мерзопакостной жидкости... Что вы смотрите? — он мрачно покосился на нас. — Если моя чешуя испортится, каким я буду драконом?!

— Возможно, еще более грозным и опасным. — усмехнулся Себастьян.

— Не надо мне быть грозным и опасным! Привлекательность в наше смутное время ценится гораздо больше, — проворчал он.

Верияр с трудом сел и тяжело вздохнул. Было видно, что эти стремительные перемещения прочь из Лабиринта стоили ему немало сил, и теперь дракон едва дышал, пытаясь как-нибудь восстановить равновесие и вернуться к более-менее нормальному самочувствию.

— Я нуждаюсь в отдыхе, — привалившись к дереву, сообщил он. — В длительном отдыхе. В сне и во вкусной еде...

— И все это ты получишь, когда мы сможем доставить тебя до дома Любви, — решительно кивнула я.

Мы с Себастьяном долго обсуждали, куда именно отправлять Верияра. Конечно, в доме Смерти мы в последнее время обжились получше, но я понимала, что он расположен слишком далеко, чтобы доставить туда Верияра. Собственно, с его транспортировкой вообще было немало проблем. Я прекрасно понимала, что о самостоятельном перемещении и речи быть не может. Верияр будет требовать еды и сна через каждые сто метров, и, может, к следующему году мы таким темпом все-таки куда-то доберемся, предварительно перепугав всех городских жителей.

— Я не способен двигаться! — вздохнул Верияр.

— Ты был не способен двигаться и прежде, однако, появление зомби и скелетов немного добавили тебе сил, — отметил Себастьян. — Потому я предлагаю тебе переместиться во-о-он туда и спокойно охоть уже там, пока мы будем ехать.

Верияр лениво повернул голову и недовольно уставился на карету. Запряженные в нее кони, тоже не слишком живые на вид, недовольно переминались с ноги на ногу, вытаптывая траву под копытами, а сзади к карете было прицеплено нечто смутно напоминающее телегу, только с низкими бортами и очень большое.

Ничего лучшего подобрать для транспортировки Верияра мы просто не могли. Это-то нашли чудом! Себастьян говорил, что по воздуху лететь с этим прицепом практически нереально, кони не выдерживают, слишком нарушается баланс, но вот по земле бежать или хотя бы идти будет вполне нормально. Да, доберемся не за пятнадцать минут, а за парутройку часов, но это не так много, учитывая наши цели!

Однако, дракон считал иначе.

— Я в это не сяду, — запротестовал он. — А вдруг оно развалится по пути? Прямо под мной? Это же будет ужасно!

— Вне всяких сомнений, — утвердительно кивнул Себастьян. — Однако если оно развалится на полпути, мы все равно будем ближе к дому Любви, чем сейчас.

Собственно, в нашем случае даже лишние сто метров были бы победой!

— Но я не согласен рисковать! — возмутился Верияр.

Я вздохнула. И как уговорить этого несносного дракона к перемещению? Мне очень хотелось ему помочь, к тому же, я не сомневалась, что если Вериар останется в прежнем состоянии, то и с запусением в канцелярии ничего сделать не удастся!

Но все же, предстоящая борьба с ним выдавалась отнюдь не легкой.

— Тебе придется, Вериар, — отметила я.

— Я ничего никому не должен!

— Разумеется, не должен, — нашелся Себастьян. — Ты можешь провести остаток жизни под этим деревом, если пожелаешь. Правда, от дождей тоже тускнеет чешуя...

— Почему под этим деревом? — насторожился Вериар.

— Потому что никто не спешит расширять тебе дверь, а пока что обратно в Лабиринт ты не пролезешь, — резонно отметил бог смерти. — Боюсь, придется остаться тут... Да, перспектива не из лучших, но ты только подумай! Свежий воздух, птички поют! Зимой, правда, будет довольно прохладно, но, возможно, вокруг тебя удастся выстроить будку...

— Какую будку?! — возмутился Вериар. — Я не позволю строить вокруг меня будку!..

— Тогда будешь мерзнуть.

Дракон сердито повел по земле хвостом и попытался выдохнуть пламя. Увы, безуспешно. Судя по всему, на данный момент он был способен произвести на свет разве что облачко отвратительно воняющего дыма.

— Ладно, — оценив свою успешность, вздохнул дракон. — Везите. Нелюди...

Он с трудом поднялся на лапы и, пошатываясь, добрался все-таки до телеги. Водрузился на нее, впрочем, без особой прыти и с помощью всех семерых мертвецов, подозрительно покосился на веревки, которыми они принялись приматывать его лапы, но, кажется, решил не спорить с такой концепцией ремней безопасности. В любом случае, никто не предлагал ему альтернатив.

Мы с Себастьяном запрыгнули в карету. Я провела ладонью по дыре, оставленной золотой стрелой, и улыбнулась. Прошло совсем немного времени, а казалось, будто целая жизнь.

— Видишь, — улыбнулся бог смерти, — а ты боялась, что ничего не получится.

— Мы его еще не перевезли, — покачала головой я.

Себастьян дождался, пока все мертвецы займут свои места в повозке и в телеге, и осторожно хлестнул лошадей.

Те, даром, что неживые, перемещались с огромным трудом, тяжело переставляли копыта, но все же волочили за собой огромную телегу. Та, судя по оханьям Вериара, правда, больно подскакивала на каждом камне, но других вариантов у нас все равно не было.

Мы перемещались медленнее, чем я рассчитывала. Хоть было довольно тепло, но уже близилась осень, потому темнело чуть раньше, чем я привыкла, и мы не преодолели даже половины пути, прежде чем опустились сумерки.

— Интересно, как там? — вслух поинтересовалась я.

— В доме Любви? Не знаю, — честно ответил Себастьян. — Но искренне надеюсь, что там не появилось несколько лишних плешивых медведей и чучел крысы в полный рост.

— Разве что твои подчиненные отправили их туда.

— Все же думаю, что нет. Какой им смысл посылать дополнительные подарки, если жертвы... То есть, если господин под боком?.. Брэй, посмотри, пожалуйста, хвост Вериара не волочится по земле?

— Нет, господин бог смерти, — спокойно отозвался зомби. — Я за всем слежу.

Брэй вообще был до такой степени молчалив, что это даже пугало. Не то чтобы мертвецы должны быть болтливыми... Они и ходить-то в принципе не должны. Но все же, этот зомби буквально излучал уверенность в себе.

Такой, как он, никогда не позволит себе лишнего, я в нем даже не сомневалась. В отличие от слегка расхлябанного, немного зарывающегося в своем желании помочь Томаса он вел себя всегда сдержанно, спокойно и невероятно порядочно. Это удивляло.

Все же, даже после смерти все оставались совершенно разными...

Наконец-то впереди показался дом Любви. Я сначала поразились тому, что он буквально светился изнутри, а потом с удивлением осознала, что внутри просто включили свет.

— Поразительно... — пробормотала я.

Мы не навестили дом Любви перед тем, как наведаться сюда, и не обсуждали с Себастьяном, где будем жить дальше. Кажется, просто понимали, что главное — вместе, а где именно приткнуться, потом определим.

Признаться, мы оба ждали увидеть дом Любви в состоянии запустения. Потому сейчас, созерцая его с вымытыми окнами, совершенно чистого, причем не благодаря моей магии, пробежавшейся по зданию весьма поверхностно, были в шоке.

— Томас! — воскликнул вдруг Себастьян. — И наша трахиандра, смотри!

И вправду, растение и скелет топтались возле крыльца. Точнее, топтался только Томас, а трахиандра надежно вросла в землю.

Себастьян выпрыгнул из повозки еще на ходу, когда кони не успели даже остановиться. Я последовала его примеру.

— Что тут происходит? — удивленно поинтересовался он у Томаса.

Скелет опустил голову.

— Господин бог смерти, — казалось, с некоторым смущением проговорил он, — мы подумали, что вам захочется быть в комфорте в вашем новом доме. Конечно, мы не могли ожидать, что вы вернетесь в обитель Смерти, ведь он атак далеко расположена... Потому мы попросили этот милый цветочек, — он кивнул на трахиандру, — указать нам путь-дорогу. Пачка удобрений, и соглашение было достигнуто...

Трахиандра согласно затрясла стеблем.

— Мы здесь все убрали и привели в порядок, — продолжил Томас. — Отчистили все, наготовили свежей пищи, чтобы вы не голодали. Поставили новую кровать, а то старая совсем уж разваливается. И убрали остатки наших подарков. Навели порядок в лаборатории, кабинете, библиотеке... Но ничего не ломали, клянемся вам! Мы все сделали осторожно!

— Томас, я... — запнулся Себастьян, но скелет перебил его.

— Не переживайте, мы сейчас уйдем! Мы не будем навязываться! — заверил нас Томас. — Мы просто очень хотели помочь.

Мы с Себастьяном переглянулись. Он только коротко кивнул, позволяя мне сказать.

— Оставайтесь, если хотите, — улыбнулась я. — Таким помощникам мы всегда будем только рады.

— Правда?! — воскликнул Томас.

— Конечно, правда, — согласился Себастьян. — Такими старательными работниками не разбрасываются.

...Мне показалось, что если б скелеты умели улыбаться, то улыбка Томаса сейчас была бы от уха до уха...

## Глава двадцать пятая

В дом Вериара не занесли — просто потому, что он элементарно не пролез бы в дверь, — зато работающие скелеты быстро соорудили для него навес, а к холодам пообещали построить что-то на подобии гаража с обогревом.

И с достаточно широкой дверью, чтобы дракон мог свободно туда заходить, а не застревал каждый раз, подергивая лапами в воздухе.

Я проводила взглядом скелета, в одиночку волочившего огромный столб и на предложение помочь заявившего, что ему это только в радость, и повернулась к Себастьяну.

— Они такие старательные... Не то что мои купидоны.

— Твои купидоны живые, — отметил мой муж. — Они хотят денег, славы, женского внимания, в конце концов... Разного, в общем.

— Но ведь это тоже... Не совсем мертвые, — я попыталась подобрать максимально корректную формулировку.

— Да, это так, — утвердительно кивнул Себастьян. — Не совсем мертвые. Но и не до конца живые, понимаешь? Им был дарован второй шанс. Я говорил с Брэем... Он говорит, что получает удовольствие уже от того, что может хоть так дожить свою жизнь. Приносить пользу. Они видели то, что обычно скрывают от живых. Им больше, но, с другой стороны, это их мотивация.

Я только кивнула.

На самом деле, вряд ли это было возможно осознать до конца. Мадам Дюбо упоминала кое-что о том, что ей довелось пережить, но тоже без особых подробностей. Никто из бывших мертвецов не хотел дать нам с Себастьяном шанс понять, что же с ними стряслось на самом деле и через что им довелось пройти, чтобы вновь, хотя бы в таком виде, дожить собственную жизнь. Наверное, это было действительно больно и страшно.

Но я утешала себя тем, что сейчас они наслаждались каждым мгновением и явно не собирались предаваться грусти.

— И ты не печалься, — будто прочитав мои мысли, кивнул Себастьян и обнял меня за плечи. — Пойдем. Завтра трудный день, тебе надо отдохнуть.

— Я хотела еще поговорить с Вериаром. Ты иди, — кивнула я. — А я присоединюсь попозже. Хорошо?

Себастьян кивнул.

— Тогда пообщаюсь еще с Брэем, он говорил, у него есть несколько деревень на примете, где переизбыток живых мертвецов. Надо определить координаты, как туда добраться... И узнать, нет ли рядом где кладбища, чтобы не гонять толпу туда-сюда.

— Удачного разговора, — искренне пожелала я.

— Спасибо.

Себастьян напоследок поцеловал меня в щеку, словно таким образом пытаюсь напомнить, что он искренне меня любит и всегда будет рядом со мной, в любую минуту, даже если придется преодолевать невероятные трудности, и уверенно направился в дом. Я же втянула носом еще теплый, но уже с некими осенними нотками воздух и зашагала к Вериару.

Дракон развалился на горе сена под навесом и почесывал пузо. Он был сыт — Томас в плане кулинарии мог угодить самому царю, не только уставшему от полуфабрикатов

дракону! — и явно намеревался забыться сладким сном, потому недовольно зафырчал, когда меня увидел.

Я устроилась рядом и подняла взгляд на скрывавшую ночное звездное небо крышу. Дождь сегодня не планировался, было еще достаточно тепло, и я понимала, что дракон, скорее всего, не замерзнет и не потерпит иных неудобств, но все равно с интересом косилась на него, подумывая, как он перенесет это испытание.

— Как думаешь, — наконец-то нарушила тишину я, — у нас с Себастьяном все получится?

— Вы вытолкали меня из Лабиринта! — воскликнул Вериар и, как мне показалось, недовольно клацнул зубами. — Разумеется, у вас все получится! Потому что более упорных и уверенных в своей победе людей я прежде попросту не встречал.

Признаться, дракон звучал весьма убедительно. Если нам удалось не развалить половину Лабиринта и при этом освободить оттуда его вечного пленника, может, и другое выйдет...

— Я столько лет дышал свежим воздухом исключительно через дверь, что уже стал забывать, как на самом деле прекрасно наслаждаться звездным небом и красотами природы, — продолжил Вериар, явно радуясь своей внезапной свободе от Лабиринта. — Эх, заживу теперь!..

— Ну, чтобы зажить, тебе придется еще немало над собой потрудиться, — отметила я. — Чтобы избавиться от лишнего веса...

Вериар зафырчал.

— И наконец-то суметь летать.

Он тяжело вздохнул.

— Вот знаешь ты, девчонка, как меня мотивировать! Прекрасное небо! Осеннее, летнее, зимнее, весеннее... В каких только состояниях я его прежде не видел! Летал в грозу, в метель и в бурю! А теперь в грозу, в метель и в бурю я могу только перекатываться, как тот шарик с короткими лапками...

— Такова жизнь, — отметила я. — Похудеешь — опять сможешь летать.

— Так сказала, будто это очень просто, — закрыл глаза Вериар. — Я всю жизнь был толстым!

— Не всю. Ты ж сам сказал, что летал когда-то.

— Летал! — взвился он. — Ладно! С вами, молодыми, спорить... Ты пришла рассказывать мне о пользе спортивных упражнений?

— Нет, — покачала головой я. — О пользе спортивных упражнений я буду рассказывать тебе завтра, Вериар. А сегодня я пришла кое-что у тебя попросить.

Дракон подозрительно воззрился на меня.

— Золота не дам, — предупредительно промолвил он.

— Мне не нужно золото, — пожалала плечами я. — Так что ты можешь оставить его себе. Если оно у тебя, конечно, есть...

Дракон заикнулся уж было о своих несметных запасах, но вовремя решил, что мне, посторонней, знать о его богатствах совершенно необязательно, и решительно умолк.

— Я хочу перестроить Лабиринт, — поняв, что дальше молчать будет уже как-то не слишком культурно, заявила я.

В отличие от меня, Вериар не заботился о длине пауз. Эта длилась минут пять, если не больше, и за то время он успел как минимум пятнадцать раз досадливо клацнуть зубами.

— Да ты, должно быть, с ума сошла, — вздохнул Вериар. — Что ты еще хочешь сделать с этими бедными коридорами?

— Оптимизировать их, — решительно заявила я. — Убрать все эти десятки поворотов, которые ведут непонятно куда, а часто и вовсе в тупик. Снести лишние стены, заблокировать двери, которые не используются, или убрать их насовсем. Тех, кто пользуется дверьми как порталом, и вовсе реорганизовать. Кто-то останется, да — куда ж деть кузницу Георга?! — но некоторые пользуются порталами, чтобы заниматься в пятом измерении бумажной работой! Ты всерьез полагаешь, что это достойная трата времени и сил? Что на то необходимо выделять такие глобальные ресурсы?!

— Нет, не необходимо, — со вздохом ответил Вериар. — Но от того, что ты бездумно сделаешь новую пристройку и попытаешься перегнать туда очередной кочевой народ — то есть, кочевой отдел, — ровным счетом ничего не изменится. Люди ничего не понимают в Лабиринтах! Тем более, люди, которые двадцать четыре года провели в совершенно чужом мире.

Я улыбнулась. Конечно, назвать себя мастером по знанию Лабиринтов я не могла — я и в Канцелярии-то до сих пор путалась, не говоря уж о чем-то большем, — но зато в людях, а точнее, в мыслящих существах кое-что понимала. И, судя по тому, как Вериар умолял не капать противным маслом на его роскошную чешую, он был очень заносчив и себялюбив. Даром, что сам же запустил себя до невероятного состояния и не мог пролезть в отнюдь не узкую дверь Лабиринта.

— У меня есть знаток, — промолвила я, который отлично понимает во всяких Лабиринтах.

— Это не всякий Лабиринт! — возопил Вериар. — Это исключительнейший Лабиринт!

— В таком случае, мой знаток отлично разбирается в построении этого исключительнейшего Лабиринта. Я нисколько не сомневаюсь в том, что он сможет там все правильно обставить и подскажет оптимальный план для перестройки. Я доверяю его мнению больше, чем своему.

В темноте было плохо видно, но мне показалось, что дракон прищурился и повернулся ко мне.

— Издеваешься? — прорычал он. — Не может быть такого знатока! Нет ни одного живого существа...

— Есть, — твердо промолвила я.

— И кто же он?!

— Ты, разумеется.

Вериар клацнул зубами. Попроси я его напрямую, наверняка услышала бы самоуверенный отказ. Вериар явно не собирался трудиться над мировым балансом — если он не может заставить себя начать худеть, то о какой общественной помощи может идти речь?!

Но теперь, когда я минут пять расхваливала своего знатока, дракон просто не мог сказать, что это не в его силах.

— Да, — выпятил он грудь, — я могу! Но с чего б это я должен это делать?

— А с чего б это мы должны строить вокруг тебя подходящий для дракона дом?

— Потому что вы хотите мне помочь.

— А разве ты нам не хочешь?

Вериар едва не зарычал от раздражения.

— Вот уж, хитрая девчонка! — заявил он. — Ладно. Да, я действительно знаю, что делать с Лабиринтом и как перестроить его так, чтобы он стал более пригоден для нормальных целей. Это не так уж и сложно, если по правде...

— И ты, разумеется, нарисуешь мне этот план и в деталях перескажешь, что делать.

Струйка дыма, вырвавшаяся из драконьей пасти, показывала, что он совершенно не желает рисовать мне какой-либо план, но спорить дракон все равно не решился. Вероятно, мой расчет на то, что он не захочет терять крышу над головой в виде амбара, все-таки сработал.

— Ладно, — сдался он. — Меня все равно от несварения желудка мучает бессонница. Так уж и быть, я подготовлю план.

— К утру.

— К утру, — покачал головой дракон. — Шантажистка.

Я поднялась с сена, отряхнулась и внимательно взглянула на Вериара. Он не выглядел таким уж недовольным и оскорбленным. Должно быть, для дракона нарисовать план перестройки лабиринта оказалось не настолько непосильной задачей, как он хотел бы показать. Но ведь продемонстрировать характер-то нужно!

— Хочешь жить — умей вертеться, — пожала плечами я наконец-то. — А ни одна богиня любви не будет нужна своему народу, если она не попытается хоть как-нибудь облегчить его участь...

— Ну да, ну да, конечно же, — рассмеялся Вериар. — Богиня любви... В нашем случае это всего лишь должность, детка.

— Да, должность. Как врач. Но бывает врач по должности, а бывает врач по призванию. Надеюсь все-таки, что у меня второй случай. Хорошей ночи, Вериар.

Дракон рассмеялся мне в спину, но я нисколько не сомневалась: план Лабиринта будет. Переделанный не абы как, а так, как нужно!

## Глава двадцать шестая

Светало уже не так рано, как прежде, потому из постели я выбралась, когда на улице было еще совсем серо. Себастьян, зевнув, сел на кровати и потянулся.

— Все, чего мне хочется — это обратно под одеяло и спать, — честно сказала я, добывая одежду из шкафа.

В доме Любви было немного прохладно и как-то удивительно тихо. Я привыкла к тому, что в доме Смерти нас будили первые солнечные лучи, заглядывающие в окна, но здесь спальня выходила окнами на другую сторону, и солнце проникало сюда лишь во второй половине дня. С одной стороны, утром выходного дня удастся выспаться, а с другой, пока ни о каких выходных и речи не шло, а начинать будни с серости снаружи не хотелось совершенно.

— Аналогично, — утвердительно кивнул Себастьян. — Но долг зовет, потому мы с тобой отправляемся работать. Да?

— Да, — решительно ответила я, хотя хотелось вернуться в теплые объятия мужа и превратиться в капризную девочку, требующую провести весь день в постели.

Мужчина выбрался из кровати, подошел ко мне и притянул к себе. Я опустила голову ему на плечо, прижалась к теплой груди ладонями и закрыла глаза, наслаждаясь еще несколькими минутами единения и спокойствия.

— Хорошего тебе дня, любимая, — прошептал мне на ухо Себастьян, едва ощутимо коснулся губами кожи и разжал руки, явно нехотя вновь отпуская меня в холод окружающего мира.

— И тебе, любимый, — с улыбкой отозвалась я на его слова. — Ты уже отправляешься?

— Ты же знаешь, что такое мертвецы. Чем раньше. Тем лучше.

Я серьезно кивнула. Себастьян был прав, с этими товарищами лучше будет поспешить, а не затягивать до невесть какого часа. Не хватало еще только ходить в сопровождении дружной толпы живых мертвецов при свете дня.

— Когда будешь? — спросила я его, впрочем, сама не зная, когда смогу вернуться с работы.

— Постараюсь пораньше, но как пойдет. Ничего не могу обещать, — Себастьян спешно одевался в привычный черный цвет, не заботясь о том, что под палящим солнцем ему явно будет жарко.

Впрочем, это если еще солнце соизволит выглянуть и все-таки осветить ту деревушку, куда собирался Себастьян. Пока что я на улице видела лишь серые тучи, стремительно затягивающие небо и скрывающие полупрозрачную тень луны.

— Я тоже не знаю, как сложится, — честно сказала я. — Надеюсь, все пройдет нормально.

— Ты все сможешь, — твердо промолвил Себастьян, похлопав меня по руке. — Я в тебе уверен, Эдита.

— Зато я в себе не очень, — усмехнулась я. — Ладно. Ты завтракай... Пойду загляну к Вериару.

— Не будешь есть со мной?

— Прости, но как-то я не чувствую аппетита, — честно призналась я.

Да и вообще, все, что я чувствовала — это легкую тошноту и усталость.

Списав это на волнение и махнув напоследок Себастьяну рукой, я вышла на улице. Прохладный воздух, отчетливо свидетельствующий о приходе ранней осени, немного взбодрил меня и успокоил. Теперь уже не так сильно хотелось проклясть все на свете, и свою работу с Рене во главе в том числе.

Со стороны горы сена доносился протяжный храп. Вериар, клявшийся, что у него бессонница, и всю ночь он проведет в размышлениях над планом лабиринта, заводил такие рулады, что целый полк солдат позавидовал бы его не в меру здоровому и крепкому сну.

Я направилась к дракону с четким намерением наконец-то его растолкать. Конечно, Вериар может спать столько, сколько ему вздумается — но для начала пусть выполнит свои обязательства!

— Утро доброе, — я легко запрыгнула на заметно подросшую за ночь гору сена. — Просыпайся, Вериар.

Дракон захрапел мощнее.

Я недовольно покосилась на сено. Никаких сомнений в том, что обычно под тяжестью оно наоборот спрессовывается, а не растет в объемах, у меня не было. А значит, Вериар еще и просил подмостить ему перину. Вот уж!..

Конечно, я ничего не имела против здорового драконьего сна, но исключительно в том случае, если он был не в ущерб общему делу. А в данном случае под категорию «общего дела» попадали и перестройка Лабиринта, и здоровье самого Вериара.

— Просыпайся, — потрясла я его за плечо.

Точнее, попыталась потрясти. Чтобы сдвинуть с места такую махину, как дракон, надо было обладать недюжинной силой!

Верияр всхрапнул, выпустил несколько струек дыма и уставился на меня. Я сердито скрестила руки на груди и воззрилась на него в ответ, нисколько не собираясь таить всю полноту собственных эмоций.

— Доброе утро, — протянула я, глядя на дракона.

— Доброе, — протянул Вериар. — А что у нас сегодня на завтрак?

— План по перестройке Лабиринта.

— Это несъедобно!

— Так никто не предлагает тебе его есть, — отметила я. — Только сделать. Ты подумал над ним? Я ведь просила!

Верияр сердито фыркнул.

— Ладно, ладно, — вздохнул он. — Не сердись. Полночи задиктовывал твоим мертвецам! Где-то под сеном должна быть эта бумажка... Достанешь?

Он взглянул на меня, явно ожидая, что я сию же секунду брошусь добывать ценный план, но нет. К счастью, я была настроена достаточно радикально, а свежий осенний воздух выбил из меня остатки хандры и отогнал тошноту прочь.

— Я? Я не достану. А вот тебе следует этим заняться, — решительно заявила я. — Между прочим, наклоны — это отличная часть разминки.

Верияр с трудом перевернулся на бок и кое-как умудрился подняться на лапы. Потом покосился на сено и попытался подуть на него.

— Я мертвецов тушить пожар звать не буду, — серьезно посмотрев на него, предупредила я.

— Жестокая ты девушка, Эдита, — отозвался дракон, хмурясь. — Я, между прочим, помочь тебе хочу. А ты со мной вот как! Разве ж так можно?

— Можно, — ни секунды не сомневаясь в собственном ответе, решительно кивнула я. — Все можно, Вериар. Ты себя вон как распустил. Если я хочу тебе помочь, должна быть строга и стоять на своем до последнего.

Дракон раздраженно заклацал зубами. Очевидно, понимал, что я права, но все равно никак не мог избавиться от желания спихнуть на кого-нибудь свои желания. Впрочем, на меня его томные взгляды ровным счетом никак не действовали. У меня вот Димитрий был, тот еще любитель давить на жалость, и у него тоже ровным счетом ничего не получалось! Так что Вериар может не обнадеживать себя лишний раз.

— Давай-давай, — спокойно промолвила я, поймав еще один укоризненный драконий взгляд.

Он наконец-то наклонился и осторожно разгреб сено. Было видно, что Вериар с трудом держался ровно, его то и дело кренило в сторону, но он все-таки сумел выйти победителем из этой ситуации и, добыв-таки план из залежей сена, гордо продемонстрировал его мне. Я взяла лист в руки и пробежалась взглядом по позициям, под конец, признаться, не сдержав улыбку.

— Вот как, — промолвила я.

Лабиринт, предлагаемый Вериаром, выглядел в разы проще того, с чем столкнулась я. Для того, чтобы построить его таким, необходимо было повалить множество стен, и я не знала, насколько это возможно, но, по крайней мере, так Канцелярия станет организованной и понятной.

Дракон выглядел довольным. Он погладил себя по животу и бросил на меня торжествующий взгляд.

— Ну? Оценила?

— Это выглядит глобально, — честно призналась я, усаживаясь на гору сена. — Вот только я не уверена, что это можно реализовать. Разве что только полностью сносить то, что есть.

Но Вериар только фыркнул, явно не оценив мою идею.

— Зачем что-либо сносить?! — воскликнул он. — Это же варварство!.. Нет, моя дорогая. Тут надо поступать совершенно иначе.

— И как же?

— Канцелярия — волшебное место. Все эти дополнительные коридоры не высекались в ней, а проделывались в магическо-пространственной канве. Для того, чтобы все лишнее и неестественное стянулось, необходимо всего лишь убрать потребность в нем.

— То есть?

— То есть, — довольно проронил Вериар, — смотри, есть коридор, в котором размещены четыре двери. Если эти четыре двери будут перенесены на другие стены, а на этих — замурованы, то в коридоре пропадет потребность. Так?

— Так, — кивнула я.

— Таким образом, Канцелярия считает, что эта магическая дыра и потребление силового ресурса не необходимо. Коридор просто исчезнет, как будто его и не было никогда. Так, сглаживая потихоньку все, можно перенести двери-порталы на основные стены и выставить все по четкому плану.

Я присвистнула. Да, слова Вериара звучали очень логично. Вот только я пока что даже не представляла, как организовать эту процедуру и никому не навредить, не проделать лишние усилия!

— Придется потрудиться, — наконец-то промолвила я, — чтобы выяснить, в каком порядке можно переносить двери...

— О! — воскликнул Вериар. — Радуйся, что ты работаешь с очень предусмотрительным драконом.

— Да?

— Конечно! — хмыкнул он. — Потому что я давно уже все это обдумал! И выстроил очень четкий план, который, разумеется, учитывает каждую мелочь!

Признаться, я совсем не ожидала подобной прыти от дракона, но с любопытством покосилась на него. Он же, вдохновившись, позабыл о том, что боялся лишней раз растрясти собственные жиры, и принялся активно рыться в сене. Не прошло и двух минут, как Вериар добыл оттуда какой-то подробный список и довольно вручил его мне.

— Смотри! — гордо провозгласил он. — Ну? Разве я не молодец?

— Что это?

— Это? Это я выстроил план, в какой очередности что надо делать, чтобы выполнить переделывание Канцелярии без единой ошибки! Именно в такой последовательности все и нужно делать. И если не отступать от пунктов, то в итоге удастся получить именно тот итог, что я изобразил на плане! Ну? Разве я не молодец? Разве я не гений?!

Я покосилась на дракона и искренне промолвила:

— Гений!

В самом деле, в умственных способностях Вериара у меня теперь не возникало ни малейших сомнений. Сейчас и вовсе хотелось броситься его обнимать.

— Значит, будете ремонтировать канцелярию по моему плану? — с надеждой уточнил Вериар.

— Конечно! — утвердительно кивнула я. — А как же иначе? Тут ведь все так детально расписано!

Дракон искренне обрадовался. Он выпятил грудь колесом и довольно воскликнул:

— Значит, теперь я заслужил поесть!

Я едва сдержала разочарованный стон. Кому что, а ему опять поесть!

— Что такое? — моментально всполошился Вериар. — Ты не станешь меня кормить? Между прочим, голодовка — это отвратительный вариант для похудения! Я буду пухнуть от голода!

— Нет, ты не будешь голодать, — решительно заявила я. — Можешь не беспокоиться об этом. Я тебя накормлю.

Веридар с облегчением выдохнул воздух.

— Но...

— Какое может быть но в таком сверхважном вопросе? — замотал головой он.

— Но мы с тобой будем придерживаться режима и правильного питания, — твердо сказала я. — Утром — пробежка, разминка, зарядка. Возможно, силовые упражнения тоже. Потом душ...

— Драконам не нужен душ! Драконы не потеют!

Я скрестила руки на груди.

— Ага. А еще никогда не лгут.

— Ладно, — сдался Вериар. — А потом еда?

— Да. Завтрак, — кивнула я. — Я изучила этот вопрос, прежде чем везти тебя сюда, и подготовила рацион для сбалансированного питания...

Дракон раздраженно дернул крылом.

— Он подходит для людей! Драконы же живут по совершенно другим правилам! Так что, увы, мне придется внести коррективы в то, что ты придумала. Конечно же, с учетом драконьих потребностей.

Ах, хитрец! У меня не возникало ни малейшего сомнения по поводу того, что Вериар способен на великое множество хитростей ради достижения необходимого результата. Вот и сейчас, довольно выпячивая грудь, он в голове явно прокручивал сотню вариантов, как обвести меня вокруг пальца и заставить поверить в его слова. Вот только Вериар не учел одного — в своей жизни я сталкивалась с несправедливостью и обманом гораздо чаще, чем он мог предположить, и привыкла к тому, что всегда и все необходимо проверять. Потому, взявшись за проработку драконьего рациона, я потрудились найти и соответствующую литературу.

— Не волнуйся. Рене достал мне необходимые данные для драконов, — заверила я Вериара. — У Истинных хранится очень много важной информации, вот мы ею и воспользовались, — решительно заявила я. — Конечно, драконы нынче — не самое распространенное явление. Однако, определенные рекомендации по питанию, а самое главное, по балансу полезных веществ сохранились. Рене — чудесный математик, и ему удалось рассчитать все с точность до грамма, учитывая, разумеется, твои индивидуальные потребности.

На милой морде Вериара одно за другим сменили друг друга удивление, недовольство и раздражение. Он клацнул зубами и с размаху уселся на сено, да так, что я вынуждена была отскочить в сторону, дабы не оказаться под его тяжелой тушей. Дракон выглядел весьма сердитым и явно не стремился к продолжению диалога. Он то выпускал, то втягивал когти, будто большой кот, шипел и дергал крыльями.

— Я голодать не буду! — заявил он.

— Конечно, не будешь. Я же сказала, что мы учли потребление калорий, — кивнула я. — Однако, все работники предупреждены о том, что ты можешь просить дополнительную порцию. И по этому поводу у них достаточно четкие инструкции.

Вериар вздохнул и попытался взглянуть на меня как можно жалобнее. Я только коротко отрицательно покачала головой, демонстрируя ему, что просто так сдаваться не собираюсь. Не на ту напал! Если кто-то и повелся бы на его умильное выражение морды — только не я.

— Вставай. Отправляемся на пробежку.

— Я буду бегать один?! — возмутился дракон.

Я вздохнула. Дурнота возвращалась, и что-то мне подсказывало, что физические упражнения — последнее, что мне сейчас было нужно.

Однако, я отогнала дурные мысли прочь и велела себе не поддаваться собственному самочувствию. Если мне и плохо, то об этом никто не узнает. Тем более Вериар. В вопросе его похудения достаточно всего лишь один раз проявить слабость, и все успехи пойдут псу под хвост.

Точнее, дракону...

— Нет, не один, — решительно заявила я. — Будем бегать вместе. Вставай. Прямо сейчас и приступим.

Вериар с трудом оторвал свой заметно потяжелевший зад от сена и недовольно фыркнул. Я сделала вид, что ничего не услышала, и, повернувшись к дракону спиной, побежала.

Уже через метров десять я поняла две вещи: если я продолжу в том же духе, то потеряю сознание, не повернув за угол дома, а Вериар бежит уж как-то слишком тихо.

Я обернулась и обнаружила, что он, пытаясь бежать, с трудом переставлял лапы и не поспевал за мною.

— Помедленнее! — таким умирающим тоном заявил дракон, что я, вопреки подступающей дурноте, не смогла сдержать веселый смех.

— Ладно, — кивнула я, мысленно придя к выводу, что рядом с Вериаром можно даже просто ходить. Для него уже это будет огромной физической активностью.

## Глава двадцать седьмая

Утренние занятия с Вериаром не прошли для меня даром. Я чувствовала себя достаточно уставшей, но зато взбодрилась. К счастью, тот темп, который удавалось набрать дракону, оказался для меня совсем низким, а, поев, я даже ощутила прилив сил. Мадам Дюбо, заметив мое состояние, приготовила мне настойку с имбирем и лимоном, и после нее я действительно ощутила себя гораздо лучше.

Хорошее настроение, уже начавшее появляться, пока я добиралась до работы, испарилось, стоило только увидеть топтавшуюся под Канцелярией толпу купидонов.

— Госпожа Эдита, что-то не так? — Брэй осторожно поддержал меня, когда я отшатнулась от толпы и даже невольно оглянулась в поисках путей для отступления.

— Да все так, — вздохнула я. — Просто, понимаешь, Брэй, не все подчиненные одинаково послушны и не всегда они ведут себя адекватно. Так и эти... С некоторыми нам работалось нормально, но большинство — просто лентяи. Еще и эта перестройка, — я махнула планом Вериара. — Надо попытаться связаться с Рене и попросить у него дополнительных рабочих.

— Если нужно, мы с моими мертвецами все сделаем!

— Я б с радостью поручила это вам, но вы нужны Себастьяну. Уже то, что он попросил тебя остаться и помочь мне, дорогого стоит, Брэй, — честно сказала я.

Признаться, я была уверена, что зомби отправится вместе с моим мужем. Каково же было мое удивление, когда Брэй ожидал меня в доме и заявил, что пойдет со мной — по крайней мере, поддержит в не самой благоприятной ситуации и сможет чем-нибудь подсобить, если понадобится ставить кого-то на место.

Я не сомневалась: понадобится. И сейчас несколько подтверждений в виде моих же купидонов блуждали вокруг, нисколько не вызывая доверия.

Меня они заметили не сразу. Признаться, у меня вообще возникало впечатление, будто купидоны видели только себя. Кто-то взволновано переминался с ноги на ногу, кто-то уже успел ввязаться в ссору. Только тот паренек, у которого, я помнила, были белоснежные крылья, сидел поодаль, на скамейке под одним из деревьев, и внимательно рассматривал присутствующих, не скрывая печать грусти на своем лице.

Знаком велел Брэю постоять чуть поодаль — все же, мертвецы не для слабонервных, — я подошла к юному купидону и присела рядом. Парень сначала даже не заметил меня, а потом, повернувшись, едва не подпрыгнул на месте от неожиданности.

— Ой! — воскликнул он. — Простите. Не ожидал, что...

— Что я приду? — усмехнулась я.

— Да, — парень склонил голову в согласном кивке. — Мне вообще казалось, что то, как мы хорошо работали под вашим началом в последние месяцы было... Сном.

Я вздохнула. Вот она, репутация прежней Эдиты! Нормальные люди считают, что у меня было только временное прояснение, а такие, как Димитрий, напротив свято уверены, что я испортилась, и надо бы вернуть меня в прежнее состояние. И никому даже в голову не приходит, что стараюсь я не столько за себя, сколько ради общего блага.

Сейчас-то выравнивание баланса должно беспокоить не меня одну!

— Думаю, — ободряюще промолвила я, — мы сможем немного наладить ситуацию. Главное вновь вернуться в прежний рабочий ритм и активно взяться за дело!

— Да? — с надеждой поинтересовался парень.

— Конечно! — кивнула я. — Сейчас разберемся, кто пойдет на какие работы, а тогда отправимся за стрелами. И, думаю, уже сегодня можно будет приступить к выполнению свежих разнарядок. Потихоньку, полегоньку — все сделаем!

Купидон расплылся в довольной улыбке.

— Давай, — легонько подтолкнула я его в спину, — беги к остальным. Выстраивайтесь в шеренгу, будем разбираться, кто на что годен...

Он не заставил себя долго ждать, бросился к своим собратям. Те тоже стали обращать внимание на мое присутствие и недовольно хмурились, явно выражая недовольство и не желая просто так со стороны наблюдать за моими действиями. В шеренгу? Какое там! Купидоны рассыпались по поляне возле Канцелярии и занимались все своими делами. По сути, только несколько человек действительно были готовы меня выслушать.

Я скользнула по ним заинтересованным взглядом и мягко улыбнулась.

Что ж, воспользуемся тактикой Рене, тем более, она оказалась достаточно успешной... По крайней мере, в руках Истинного. Но и я тут не последний человек!

Я поднялась со скамейки и поднялась на крыльцо Канцелярии. Жестом велела Брэю встать рядом со мной. Зомби, кажется, не испытывал ни малейшего дискомфорта ни от солнечных лучей, ни от прожигавших его насквозь посторонних взглядов. Его вообще мало что могло смутить. Спокойное лицо не выражало абсолютно никаких эмоций. В определенной мере я даже позавидовала мужчине — это же надо обладать таким самообладанием! Впрочем, возможно, это у него так стало после смерти?

Вздыхнув и велев себе не задумываться о вечных вопросах сейчас, я решительно, довольно громко, но все же без крика промолвила:

— Сегодня я разделю всех присутствующих здесь на две категории. Первые будут работать на прежней должности и продолжают выполнять свои профессиональные обязанности — даровать людям любовь с помощью стрел и разнарядок. Другие тоже не останутся без дела, но потеряют статус купидонов и вынуждены будут отрабатывать... На строительных работах. Потому что нынче мы начинаем работать над реконструкцией Лабиринта, и каждый из вас может быть задействован там.

Воцарилась мертвая тишина. А потом один из купидонов, насколько я помнила, не обладавший не то что крыльями, а даже шансами однажды их обрести, громко поинтересовался:

— А просто уволиться можно?

Я улыбнулась.

— Просто уволиться нельзя.

Купидоны недовольно загудели. Кто-то даже заикнулся о правах человека, но то ли Брэй у меня за спиной выглядел очень убедительно, то ли они понимали, что в долгу у Канцелярии и еще многое вынуждены будут отработать... В любом случае, ни один из купидонов не попытался спорить открыто, я уж молчу о том, чтобы совершать попытки к бегству. Все смотрели на меня молча, исподлобья, недовольно хмурясь, но — не рычали и не возмущались. Просто-таки примерные существа!

— Если у вас есть какие-то претензии, — мягко промолвила я, — вы можете высказать их. Разумеется, с обоснованием. Если же вас все устраивает, то не понимаю, почему вы до сих пор не встали в очередь.

Недовольный гул, нараставший было, моментально стих. Переглядываясь между собой,

купидоны мрачной вереницей потянулись ко мне. Во главе шеренги оказался все тот же светлокрылый мальчишка; он смотрел на меня полными надежды глазами и улыбался.

— Старшим уступи, недоносок, — один из купидонов покрупнее попытался вытолкнуть его из очереди. — Выслужиться пытаешься, собака...

— Представьтесь, будьте добры.

Я спустилась со ступенек и встала между мужчиной и мальчишкой.

— Серж, — мрачно промолвил купидон.

Мне он показался смутно знакомым — словно я пересекалась с ним в своем мире. Однако, сейчас было не до выяснения полного имени Сержа.

— Покажи крылья.

— Что?! — взвился он. — Почему я должен...

— Покажи крылья. Ты ведь хотел быть в шеренге первым — а это испытание, которое должно постигнуть каждого в этой очереди, — равнодушно пожала плечами я. — Хочу видеть твои крылья. В противном случае ты сразу отправишься в строительный отряд.

Мужчина надулся, как сыч. Было видно, что ему отчаянно хотелось спорить — убедить меня в том, что он имеет полное право на подобное демонстративное поведение. Но я тоже была не из робкого десятка и не считала проблемой встретить его полный вызова взгляд. На моих губах даже заиграла улыбка — мне очень хотелось в эту секунду показать Сержу, что он не имеет права так себя вести.

Он должен слушаться. И будет это делать.

— Нет! — заупрямился он. — Я вообще в тебя, как в богиню, не верю! Я, может, вообще на тебя работать не хочу! Потому что я в твою честность не верю!

— Замечательно.

Это уже произнесла не я — Брэй. Серж, мужчина немаленький, стремительно оглянулся, явно порываясь нахамить, но проглотил обидные слова. Брэй было не занимать роста и ширины плеч, да и вообще, могучий кузнец-зомби выглядел довольно устрашающе.

— Если вы не желаете работать под руководством госпожи Эдиты, вам и не придется, — пророкотал он. — Потому что строительным отрядом буду управлять я.

Он рванул Сержа за плечо, буквально отталкивая его в сторону. Тот попятился и с трудом устоял на ногах. Брэй встал рядом с ним, всем своим видом показывая, что попытка к бегству — глупость, которую в данной ситуации лучше не совершать.

Я тяжело вздохнула. Да, конечно, сейчас придется потратить немало сил на сортировку купидонов, но я мысленно велела себе не беспокоиться. Я наделена всеми необходимыми правами, закон на моей стороне, Верховный — тоже. Если они пожелают послушаться... Пусть сделают это. Но сами же будут ответственны за свои неприятности.

— Яви мне крылья, — повернулась я к мальчишке.

Теперь он возглавлял шеренгу, и ни у одного из купидонов не возникло дурацкое желание сдвинуть его с того места. Оно и верно, ведь тогда им пришлось бы провести проверку первым.

...Крылья за спиной у парня вспыхнули невероятно ярко. Белоснежные, большие, они были настоящим воплощением того, что хотелось видеть за спиной у каждого купидона. Жаль только, что большинство из них потеряло свои способности.

— Замечательно, — серьезно кивнула я, надеясь, что мой голос не подрагивает от восторга. — Вот такими и должны быть крылья каждого. Ну что ж, ты будешь первым из купидонов, кто действительно имеет право следовать за своим предназначением... — я

дождалась, пока парень отойдет в сторону, и серьезно промолвила: — Следующий.

Купидоны загудели. Они явно не хотели проходить процедуру отбора. Кто-то крутился на месте, явно с трудом сдерживая недовольство, другие переминались с ноги на ногу, третьи вообще порывались уйти.

— А если мы не хотим проходить отбор?! — возмутился один из тех, кому, вероятно, не светило пройти его успешно. — Что тогда? Почему мы вообще должны это делать?!

Я вспомнила о том, как Рене едва не убил люстрой сидевших в центре зала и невольно сжала руку в кулак. Магия, отзываясь на призыв, пробежалась искрами по костяшкам пальцев. Купидоны недовольно загудели — они видели, что я могу больше, чем им хотелось бы, и понимали, что сопротивление — не лучшее решение сейчас.

— Потому что высокое предназначение — это всегда большая ответственность. И потому, что, хотите вы того или нет, ответить вам все-таки придется, — серьезно промолвила я.

И магия, подтверждая мои слова, выплеснулась на свободу, окружая меня легким сиянием.

Я понимала, что если буду относиться к купидонам слишком придирчиво, то и вовсе никого не отберу, но надеялась, что хотя бы половина сможет соответствовать каким-то элементарным требованиям. Однако, я надеялась зря. По итогу отбора у нас оказалось около десятка более-менее надежных, крылатых купидонов — и больше сорока совершенно бесполезных, непригодных к полетам преступников, много лет подряд воровавших любовь у одних и даровавших другим болезненную страсть.

Что ж, полагаю, их ждали довольно серьезные исправительные работы. Я не сомневалась, что Брэй проявит свой характер во всей красе и никому не позволит увильнуть от их обязанностей. Тем более, я довольно четко проинструктировала его насчет последовательности ремонтных действий и того, что это надо сделать как можно быстрее, и надеялась, что они возьмутся за труды уже сегодня.

Придется, впрочем, еще пояснять работникам тех отделов, что их привычная жизнь может несколько измениться...

Я тряхнула головой, отгоняя прочь странные мысли, и жестом велела купидонам следовать за собой. По-хорошему, кабинет богини Любви должен был находиться отнюдь не так далеко. Он существовал тут с самого начала и был изначально заложен в структуре Лабиринта. Однако множество перестроек превратили прежде нормальные, понятные коридоры в непонятное хитросплетение переходов, и теперь, чтобы добраться до нужного места, приходилось немало петлять.

Мне казалось, что уж с картой-то Вериара я смогу справиться с этой задачей, но сознание постоянно уплывало, и я, сама не заметив, как это случилось, свернула в совершенно другой коридор. Теперь передо мной красовалась дверь, что вела в кузницу Георга.

— Мы, кажется, куда-то не туда свернули? — поинтересовался один из купидонов, заметив, как зависла моя рука над дверной ручкой.

— Нет, туда, — возразила я, не желая признавать свою ошибку. — Ведь нам для начала нужно взять стрелы, верно? А тогда уже отправляться по разнарядкам.

Купидоны согласно загудели. Я только улыбнулась, впрочем, через силу — ни малейшего желания общаться с Георгом у меня не было, а в голове до сих пор звенели воспоминания о нем, причем далеко не из лучших. Мужчина запомнился мне грубым, не

обращающим внимания на чужое мнение и вечно недовольным всем, а на Рене он и вовсе смотрел, как на злейшего врага, словно мой брат был виновен в том, что ему удалось выйти победителем из ситуации с Матильдой, а Георгу нет.

Решившись, я постучала, а потом уверенно дернула на себя дверную ручку. Было открыто, и я заглянула к Георгу.

В кузнице было как-то пусто. В прошлый раз, когда я была здесь, тут кипела работа и было довольно жарко, а откуда-то из глубин необъятного помещения доносился громкий стук металла о металл. Сейчас в кузнице царил невероятная тишина.

— О, ко мне пожаловала сама богиня любви, — язвительно протянул Георг. — Надо же, какая встреча! Не ожидал увидеть тебя здесь, Эдита.

— Я по делу, — спокойно пожала плечами я, игнорируя его издевательский тон. Не хватало только грустить из-за того, что Георг посмел мне что-то не так сказать! — Мне нужны стрелы для купидонов. Они сегодня возобновляют свою деятельность.

— Стрелы? Ах да. Стрелы, — рассеянно кивнул он, словно впервые слышал о таком. — Да, конечно. Сейчас принесу.

Я удивленным взглядом проводила Георга. Услышать от него что-то вроде «да, конечно», а то и это уважительное «сейчас принесу» было просто-таки невообразимым подвигом. Мне показалось, что мужчина хотел в ответ сказать какую-то грубость, а то и вовсе послать куда подальше, но по одному ему понятным причинам сдержался.

Он боялся меня? Или, может быть, дело все-таки в чем-то другом?

Я не знала. И, если честно, не очень хотела об этом узнать. Что бы ни руководило Георгом, мне нужны от него стрелы, а не дружба и предрасположенность ко мне.

Однако, он вернулся довольно скоро, сжимая в руках не больше десяти стрел. Привязанные к ним амулеты бесцельно болтались и звенели от случайных соприкосновений друг с другом.

— Вот, — протянул он, вручая мне стрелы. — Удачной работы.

— Подожди, — промолвила я. — Это норма одного купидона! Максимум двоих! У меня за спиной стоит десяток, что ты предлагаешь мне им дать?

— Осчастливьте десять семейств, — пожал плечами Георг. — Или десять парочек, или кому вы там дарите эту бесконечную любовь, в которую все верят и которую все ждут.

— Ты же понимаешь, что это несерьезно!

— Я? — изогнул брови мужчина. — Почему я должен что-то понимать? Я делаю свою работу. Моя работа заключается в том, чтобы выдавать стрелы, выкованные из тех материалов, что были мне предоставлены. Вот. Я их выкопал. Чистого металла для стрел любви у нас больше нет.

— Но раньше же он был! — воскликнула я, не скрывая своего отчаянья.

— Раньше он был, — утвердительно кивнул Георг. — А сейчас его нет. Я не стану выковыривать по кусочку, по маленькой частице, лишь бы только удовлетворить твою потребность в огромном количестве стрел, Эдита. У меня просто нет на это времени.

Я едва не зарычала от злости. Георг даже не скрывал, что он делал все это только ради того, чтобы потешить собственное самолюбие — ему сейчас, должно быть, казалось очень забавным буквально издеваться надо мной и ударять отказами.

— Может быть, — протянул он, — после этого твой братец поймет, что ты безнадежна? Кому нужна богиня любви, если она даже стрелами своих купидонов обеспечить не может?

Я с вызовом взглянула на мужчину.

— Наверное, мне следовало бы сказать тебе, что низко так поступать, — язвительно протянула я, — но ты же не поймешь, Георг. Удачной работы. Обсудим через несколько дней, кому нужен кузнец, от которого не допросишься даже стрелы... А за меня не беспокойся. Работу для своих купидонов я найду.

## Глава двадцать восьмая

— Госпожа Эдита!

Я обернулась так стремительно, что бедный Томас, бросившийся было за мной, едва не налетел на меня и с трудом успел остановиться буквально на расстоянии вытянутой руки.

— Госпожа Эдита, господин бог смерти просил передать, что сегодня ночью задержится на объекте! — отчитался Томас. — Из-за большого количества мертвецов он не успел со всех откачать магию, а путь неблизкий...

Я вздохнула. Объятия мужа мне бы сейчас, конечно, не помешали, но очень эгоистично просить его оторваться от дел государственной важности только ради того, чтобы порадовать уставшую меня присутствием.

— Я все понимаю, — коротко кивнула я Томасу. — Себастьяну не о чем беспокоиться. Если он считает нужным немного задержаться на работе... Или даже задержаться там достаточно надолго, я все пойму. В конце концов, мы с ним оба должны трудиться, чтобы все успеть.

Томас облегченно вздохнул. Я понимала, что вряд ли он сам так сильно волновался за исход этого разговора — в самом деле, не стала бы я бросаться на него с кулаками или с обвинениями! — но, скорее всего, переживал за своего господина и транслировал таким образом эмоцию Себастьяна.

Признаться, хотя сейчас я с удовольствием провела бы время с мужем, было полно и другой работы. Потому, отогнав прочь мысли от усталости, я продолжила свой путь по ступенькам на второй этаж и жестом велела Томасу сопровождать меня.

— Что Вериар? Он ел?

— Ел, требовал добавки, — было видно, что Томас не прочь сменить тему и переместить фокус моего внимания на дракона. — Говорил, что мы морим его голодом. Но мы выполняли ваши указания, госпожа Эдита!

— Все верно, — утвердительно кивнула я. — А что там с его физической активностью?

— Отдыхает, госпожа Эдита...

— Проследи, чтобы он вечером тоже совершил пробежку и выполнил комплекс упражнений, которые я для него подготовила, — строго промолвила я. — А утром с ним позанимается Брэй. Он обещал, что будет вести курсы физической подготовки для купидонов, разумеется, нашему общему другу дракону не помешает принять в них активное участие.

— Будет сделано! — воскликнул Томас. — Госпожа Эдита, будете ужинать?

Я вздохнула.

— Попозже, Томас. И что-нибудь легкое. Особого аппетита нет.

Не знаю, хватило ли Томасу такта не задавать вопросов, или он просто не понял, что отсутствие аппетита у живого человека может быть не самым лучшим признаком, но на завтраке настаивать скелет не стал. Еще раз склонившись в глубоком поклоне, он умчался выполнять уже данные ему распоряжения, а я наконец-то смогла остаться наедине с собственными мыслями и предстоящей задачей.

Я помнила, как радовалась, обнаружив в лаборатории любви установку для отливания стрел, но сейчас задалась вопросом, каковы были пределы ее работы и насколько трудно мне самой будет заниматься этим вопросом. По-хорошему, стрелы лучше было бы отливать по

количеству разнарядок каждое утро, но такое возможно только в том случае, если процесс их изготовления будет быстрым, а мы с купидонами разгребем все завалы. Ведь сколько людей уже были зарегистрированы еще Рене?

Разнарядки огромными стопками лежали в моем кабинете. Разумеется, они никуда не делись, а сегодня я смогла пустить в ход только десяток. Правда, новые не поступали, но, увлеченная перебиранием документов и отбрасыванием в сторону неактуальных записей, я даже не озаботилась этим вопросом.

Застыв перед дверью лаборатории, я тяжело вздохнула и велела себе собраться с духом. Казалось, мне должно было стать легче после того, как Рене вернулся, сказал, что я тут родная, а оно как-то все больше и больше затягивало в пучину грусти.

— Не будь душой, — опять обратилась я к себе. — И не бери на себя лишнюю ответственность за все происходящее. Просто делай свое дело, Эдита, и будет тебе счастье.

Не сказать, что мне было очень легко удерживать позитивный настрой, но я все-таки справилась. Вместо того, чтобы тяжело вздыхать, заглянула все-таки в лабораторию и решительно, не откладывая, направилась к большому чану с золотившимся жидким металлом.

Пододвинув специальный небольшой ящик, предназначенный для хранения стрел, поближе, я вооружилась небольшим черпаком и набрала металла для первой стрелы. Чтобы заполнить форму аккуратно и ничего не расплескать, мне пришлось постараться и проделать над собой немалое усилие — руки все же дрожали, а беспокойство давало о себе знать. Но я справилась. Жидкость полилась в форму и совсем скоро превратилась в цельную, крепкую стрелу. Рядом возник небольшой амулет.

Он выглядел не так, как его аналог, вручаемый Георгом. Крохотный, размером с монету, привязанный к стреле, этот амулет мне нравился гораздо больше. Я подцепила его ногтем и взвесила на ладони. Амулет казался практически невесомым, а его поверхность покрывала тонкая вязь рун.

Я не умела читать на этом языке, но услышала тихий женский голос у себя в подсознании.

«Как только стрела попадет в цель, металл вернется обратно в чан. Если стрела будет испорчена, металл будет безвозвратно утерян».

— Еще один повод выбирать более надежных купидонов, — отметила я. — Но если они будут справляться — можно ведь обойтись без Георга!

Мысль прозвучала, признаться, очень вдохновляюще. Одна только перспектива не иметь ничего общего с Георгом убедила меня в том, что надо постараться и познать всю методику отливания стрел. Я вновь вооружилась черпаком и наполнила форму странной жидкостью. Признаться, страшно было, что несколько капелек упадут на кожу — мне почему-то упорно казалось, что материал, из которого отливаются стрелы, не слишком хорошо сочетается с организмом человека и может серьезно помешать. Но я не позволила себе бояться. Вместо этого только тщательнее и осторожнее принялась за дело.

Спустя несколько минут вторая стрела тоже оказалась в ящике. Я улыбнулась, отметила, что один черпак, которого вполне хватало для того, чтобы отлить полноценную стрелу, не так уж и много в контексте огромного чана, и вновь взялась за работу.

...Не прошло и часа, как у меня в руках оказалось около полусотни стрел. Я понимала, что для тех купидонов, что у меня есть, этого будет вполне достаточно. Странно хотеть большего.

Мышцы от усталости казались налитыми свинцом, но я велела себе не переживать по этому поводу — разумеется, устала, но это точно не приговор и не повод останавливаться в работе! У меня впереди еще огромные просторы для достижений. Может быть, удастся найти и других желающих исполнять купидонью работу, тогда стрел понадобится больше.

Я присела на стул и взглянула на ящик со стрелами. Попыталась потянуть его на себя, надеясь, что тот будет не слишком тяжелый, но усилие отозвалось тупой болью в животе, и я бросила эту идею. Лучше попросить о помощи Брэя, благо, зомби мне точно не откажет.

Хотелось детальнее рассмотреть стрелы. Я даже взяла одну в руки, покрутила ее между пальцев, внимательно изучая оперение и острие, провела кончиками пальцев по идеально гладкому основанию, но не успела сделать никаких выводов — снаружи донесся просто ужасающий шум.

Я вскочила на ноги, бросилась к окну и, положив стрелу на подоконник, с удивлением увидела Вериара, пытающегося убежать от мертвецов.

— Ни за что! — его крик было слышно даже сквозь двойной стеклопакет. — Я не позволю напоить меня этой дрянью! Драконам нельзя брокколи!

— Господин хранитель Лабиринта, мы внимательно изучили драконью литературу! — возмущалась мадам Дюбо, упирая костлявые руки в бедра и наступая на Вериара. — И уверены в том, что брокколи — идеальное питание для худеющих драконов!

Я усмехнулась. Не сказать, что я очень внимательно вчитывалась в рецепты, но перечень запрещенных продуктов изучила, конечно же, внимательно. Ведь я не хотела случайно причинить Вериару вред!

Потому я совершенно точно знала, что никаких проблем от употребления брокколи у драконов нет и быть не может. Что-то мне подсказывало, что о личной непереносимости продукта даже речи быть не может. Просто, заведя в своей тарелке, или в чем там ему подавали еду, нелюбимое растение, Вериар попытался солгать.

Ха! Мои мертвецы могут накормить кого угодно, как бы он ни сопротивлялся и ни отбивался от них, размахивая своим хвостом направо и налево.

Однако, наблюдая за попытками Вериара спастись от насильственного кормления, я пришла к выводу, что настойчивость мертвецов может пойти ему на пользу. Пока скелеты с мадам Дюбо во главе пытались загнать Вериара в угол, он умудрился выполнить целую серию отличных упражнений для похудения. В итоге, впрочем, все равно застрял между двумя деревьями, вынужден был съесть брокколи и сердито зарычал.

— Эта гадкая зараза убирает из организма все шлаки и токсины! — возмутился он. — Мне придется весь вечер провести в кустах! Организм дракона к такому не привычен! Он обычно все копит в себе!

Что ж, если организм этого конкретного дракона перестанет копить в себе столько лишнего, возможно, Вериару нужно куда более активно налегать на брокколи. Авось, похудеет гораздо быстрее, чем мы того ожидаем.

— Надо! — тоном, не терпящим возражений, заявила мадам Дюбо. — Откройте пасть, господин дракон, и сделайте «ам»!

Я отвернулась. Да, конечно, Вериар вел себя, как маленький ребенок. Что такого страшного в брокколи или в цветной капусте?

Мне вдруг отчаянно захотелось съесть чего-нибудь подобного. От одной мысли об этой пище, не сказать, что прежде моей любимой, рот наполнился слюной.

Позабыв и о стрелах, и обо всем на свете — в том числе и о мониторе, с помощью

которого можно отслеживать баланс и на который я хотела взглянуть, — я отправилась на кухню. Скелетов там не было, зато оказался Димитрий. Он нагло лазил по кастрюлям в поиске чего-нибудь съестного и каждый раз, когда не находил ничего подходящего, тяжело вздыхал.

— Кажется, твои живые трупы ничего толком не наготовили, Эдита! — возмутился купидон, воззрившись на меня. — Только эта мерзкая зеленая гадость! Бланшированная!

Я, добравшись до брокколи, о которых мечтала последние минут пять, вооружилась ножом, вилок и солью и принялась за еду.

— Тебя вообще, — прожевав первый кусочек, отметила я, — никто сюда ужинать не звал, Димитрий.

— Как же? Ты не желаешь меня видеть?!

Я хотела сказать, что нет, но подумала — должна же быть от Димитрия какая-то польза! Весь сегодняшний день его невесть где носило, и я не сомневалась, что парень даже палец о палец не ударил, чтобы сделать что-то хорошее! Разве он способен?

Потому вместо возмущений я только спокойно пожалала плечами.

— На самом деле это хорошо, что ты зашел. Завтра у тебя будет очень важное задание на стройке.

— Ты заставишь меня замуровывать чужие двери?! — кисло поинтересовался Димитрий.

— Нет, ну что ты, — махнула головой я. — Ты всего лишь будешь убеждать сотрудников соответствующего отдела пользоваться новой дверью. Вот и все. Так сказать, исполнишь роль менеджера...

Димитрий стремительно побледнел.

— А разве этим будешь заниматься не ты?

— Я? — пришлось изобразить искреннее недоумение. — Ну да, я собиралась. Но я полностью тебе доверяю, Димитрий! Уверена, ты не подведешь!

Он скривился так, словно из моих уст только что прозвучало некое оскорбление.

— Эди, — мягко промолвил он, — может, я таки на стройку? Мне так хотелось помочь Брэю и ребятам...

— Ну, — смилостивилась я, — если ты так сильно хочешь поучаствовать в стройке, то я, конечно, не стану тебе мешать... — и, дождавшись, пока Димитрий расплывется в довольной улыбке, добавила. — Но только после того, как ты все-таки выполнишь выданное мне тебе задание. И это не обсуждается.

Тоскливый стон Димитрия свидетельствовал лишь об одном: он считал меня еще худшей тираншей, чем прежде.

И меня это совершенно не беспокоило.

## Глава двадцать девятая

Следующим утром я опять вскочила ни свет ни заря. Из окон спальни было отлично видно двор, в котором Вериар активно занимался какими-то странными упражнениями. Он перебегал с места на место, хватался лапами за бока, усаживался на место, но спустя несколько секунд мчался к следующему укрытию, пока наконец-то окончательно не затерялся среди кустов.

Наверное, брокколи все-таки начали процедуру выведения шлаков и токсинов, и Вериар никак не мог подыскать место, где ему было бы удобно.

Можно было еще поспать, но я решила, что раз уж встала так рано, то нечего тратить лишний раз время. Наскоро позавтракав каким-то салатом, я велела Брэю прихватить ящик со стрелами, и мы выдвинулись на работу.

В Канцелярии было еще очень тихо. Коридоры всегда казались мне полупустынными, но, хоть на сей раз я умудрилась даже не заблудиться, нынче они оказывали особенно гнетущее впечатление. Признаться, у меня было ощущение, что я блуждаю по какому-то склепу.

А ведь когда-то это место процветало!

Погруженная в свои мысли, я двигалась по правильному направлению и, разумеется, миновала ответвление, что вело к Георгу. Обычно кузнец не выглядывал из своей кузницы, разве что только выходил на какие-то собрания, но сейчас остановил меня коротким окликом.

— Эдита! Однако, я думал, что ты заглянешь ко мне сегодня! Неужели твои жалкие купидона не смогли разобраться даже с теми стрелами, что я им дал?

Я обернулась. Георг стоял, упершись плечом в стену, и язвительно усмеялся. Суд по всему, ему было нисколечко не стыдно, что он, взрослый мужчина с претензией на некую самодостаточность, сейчас пытался поддеть свою коллегу, девушку, попрекнуть ее чем-то. Впрочем, я уже давно не имела никаких заблуждений насчет местных богов, потому мысленно велела себе просто не обращать на грубость внимания.

— А мы теперь не нуждаемся в твоих услугах, — пожалала плечами я. — Теперь нет никакой необходимости просить тебя о стрелах.

— Вы решили нести любовь проповедями, которые так любит наш дражайший Рене?

Признаться, мною даже слегка передернуло от злости. Рене — Хранитель Времени! И после всего того, что он делает, после всего того, что он пережил, Георг еще смеет открывать в его сторону рот!

Однако, пришлось сделать над собой усилие и сдержаться. Лишние споры не были нужны никому, и моему брату в первую очередь. Я знала, что должна поставить Георга на место, но сделать это не грубо, а мягче.

— Зачем же? Я просто нашла возможность более эффективно работать, — пожалала плечами я. — Не опираясь на помощь разных ненадежных мужчин вроде тебя, Георг.

— Без меня у тебя не будет стрел.

— Ну, я б не зарекалась... Брэй, открой ящик, пожалуйста.

Зомби повиновался без единого лишнего вопроса, за что я была ему невероятно благодарна. Понятливость Брэя порой казалась мне невероятной, но он всегда умудрялся очень четко определять границы и не позволял себе лишнего.

Вот и сейчас он лишь молча открыл ящик, но, перехватив взгляд Георга, проронил:

— Я тоже кузнец. И знаю, что такую совершенную стрелу не выковать человеческим рукам. Госпожа Эдита прекрасно справляется со своими обязанностями.

В полумраке коридора стрелы едва заметно светились. Георг наклонился, заглядывая в ящик, и практически моментально отпрянул, издав недовольное шипение. Было видно, что ему не понравилось увиденное — хотя бы потому, что он чувствовал в нем определенную опасность для себя.

— Поразительно, — пробормотал мужчина. — Набрали обычных стрел, а выдают их за стрелы любви! Ты играешь с огнем, Эдита!

— Скорее уж твои стрелы обычные, — пожала плечами я.

— На них даже нет нормальных предохраняющих амулетов!

— Зато на них есть кое-что получше. Брэй, закрой ящик и пойдём отсюда. Думаю, ничего нового мы точно не узнаем. Георг не может показаться еще более гнусным, чем он есть на самом деле.

Мужчина зашипел от раздражения, но так и не смог выдавить из себя еще одну грубость. Вероятно, понимал, что я в данной ситуации была права — и как бы он ни пытался излить весь свой яд, все эти бесплотные попытки казались смешными.

Но пройти мимо него, расправив плечи, оказалось удивительно приятной задачей. Я почувствовала на себе пристальный, злой взгляд, но не обернулась и не удостоила Георга больше ни одним раздраженным комментарием. Мне почему-то показалось, что это равнодушие ударило по его самолюбию гораздо сильнее, чем если бы я сейчас устраивала истерику и пыталась выяснять отношения с окончательным зарвавшимся кузнецом.

— Знаешь, Брэй, лучше б ты занимал его должность, — искренне промолвила я, когда мы уже оказались у самого моего кабинета. — Потому что это не входит ни в какие рамки! Он не просто не хочет выполнять свою работу, а откровенно пренебрегает ею!

— В нем говорит злость. Но я мертв и занять место живого не могу, — отметил Брэй. — Мне куда приятнее помогать вам, госпожа Эдита. Разве перестройка Лабиринта не важное дело?

— Важное. Может быть, еще более важное, чем то, которым занимается Георг, — нехотя согласилась я. — Впрочем, ладно... Забыли.

Я открыла кабинет, жестом велела Брэю поставить на стол стрелы и нахмурилась. Никаких новых разрядок не было, только высилась немалая стопка старых, определенных как актуальные.

Странно, конечно...

— Брэй, мне нужно отойти, — решительно сказала я. — Если придут купидоны, просто выдавай им стрелы — они знают свою норму, — и разрядки из вон той стопки... Я постараюсь вернуться поскорее. Справишься?

— Разумеется, госпожа Эдита, — спокойно кивнул Брэй. — Будет сделано в лучшем виде.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Нет уж... С этим надо заканчивать. Сколько б ни было старых разрядок, мне нужны новые, иначе ни о каком восстановлении баланса и речи не идет! И я получу их, чего бы мне это ни стоило.

Решительного настроения вполне хватило для того, чтобы добраться до кабинета, прежде принадлежавшего Рене. Теперь поверх знакомой уже мне таблички криво была прибита

новая, гласившая: «достопочтенная богиня мудрости Селена, глава аналитического отдела».

Ни следа от стандартной лаконичности Рене не осталось. Он бы на месте Селены написал что-то вроде «б. мудр.», но это ведь Рене! Эта женщина, которую я, впрочем, не знала, явно очень уважала собственный статус и хотела, чтобы к ней обращались верно.

Впрочем, если это единственный ее недостаток, пусть хоть десять эпитетов припишет на табличку, какая разница? Только пусть дает разрядки!

Я занесла руку, чтобы постучаться, но так и не успела этого сделать. Изнутри донесся издевательский, несколько истеричный смех, а потом послышался женский голос:

— О, да, наша начальница — та еще идиотка! Понятия не имею, как ей удалось окрутить Себастьяна! Все девочки были в шоке, когда узнали о его женитьбе...

— Просто шок! — заявила вторая.

Этот голос был мне незнакомым — я могла лишь предположить, что он принадлежал той самой Селене, — а вот первый...

Я нисколько не сомневалась: в кабинете находилась Аделина, глава Любовного Патруля.

— Уверена, она сдуется уже через несколько дней! — продолжила вторая, незнакомая мне женщина. — Она ведь просто необразованная девчонка, невесть откуда свалившаяся на наши головы! А что до Себастьяна... Я б на твоём месте не волновалась. В конце концов, даже брак не вечен! Тем более, с такой, как Эдита! Не пройдет и полугодя, как он сбежит от нее, и ты сможешь с ним сойтись! Вы были такой красивой парой...

Были красивой парой?!

Себастьян никогда не говорил мне о том, что встречался с кем-то из Любовного Патруля. Да, я тоже ничего не рассказывала о своем бывшем, но на то были две причины: он остался в другом мире, да и мои отношения с ним были далеки от понятия серьезных. И мне совершенно не хотелось случайно узнать о том, что Себастьян действительно встречался с этой невыносимой Аделиной!

Напомнив себе о том, что мужу надо доверять, я решительно распахнула дверь. Стучать? Сейчас мне хотелось стукнуть разве что кого-то по голове!

— День добрый, — протянула я, скользнув взглядом по собравшейся в кабинете компании.

В аналитическом отделе было тихо и пусто. Ни одного сотрудника тут не наблюдалось еще со времен Рене, но теперь не было и бесконечных бумаг, над которыми он трудился, и высоченных стопок отчетов. Планшет и вовсе покрывал толстый слой пыли. С той поры, как Рене, получив статус Верховного, больше не мог заниматься своей работой, здесь никто и пальцем о палец не ударил.

Селена восседала в кресле, прежде занимаемом моим братом, в невероятно расслабленной и вальяжной позе. Она закинула ногу на ногу и улыбалась, буквально излучая величие. Мы с ней не были знакомы лично, но в холеной женщине я опознала ту самую, что едва не стала жертвой люстры во время общего сознания.

Разумеется, Аделину, которую я могла идентифицировать даже по голосу, я узнала сразу. Кто еще, если не она, мог говорить обо мне такие гадости, а теперь еще и бросать уничижительные взгляды!

— Порядочные люди, — прошипела она, — стучат в дверь!

Я отметила, что Селена предпочитала сохранять молчание. Очевидно, она прекрасно понимала, что родная сестра Хранителя Времени — не тот человек, с кем надо ссориться.

— Да, — серьезно кивнула я. — А еще порядочные люди не обсуждают чужих мужей и делают свою работу. Аделина, разве ты не должна заниматься сейчас инспектированием и поиском людей, пострадавших от прежних деяний купидонов? Но нет, тебя волнует вопрос нашего с Себастьяном развода... Госпожа Селена, известный аналитик, дает полгода — в таком случае, предлагаю тебе хотя бы до весны выполнять свои служебные обязанности. А потом уж заниматься делами сердечными.

Глава Любовного Патруля вскочила на ноги и со стуком поставила свою чашку с чаем на стол. Смерив меня недовольным взглядом, она прошипела:

— Да с такой, как ты, Себастьян не продержится и месяца!

— Ты с такой начальницей, как я, на работе тоже проведешь не так и много времени, — холодно пригрозила я.

— Конечно, госпожа богиня. Уже бегу исполнять свои служебные обязанности, — ни капельки уважения или искренности в голосе, разумеется, не было, но я не стала останавливать Аделину.

Она решительно прошла мимо меня, задев плечом, и вышла из кабинета, громыхнув дверью. Я даже не стала оборачиваться — сейчас мне важно было решить другой вопрос. Любовный Патруль подождет!

— Селена, — холодно проронила я, — где разнарядки?

— Разнарядки? — переспросила меня богиня мудрости. — Разве я должна этим заниматься?

— Ты возглавляешь аналитический отдел. Разумеется, это твои прямые обязанности, — строго произнесла я. — Из-за отсутствия разнарядок мои купидоны скоро будут простаивать!

Я, конечно, несколько приукрасила ситуацию — до простоя там было еще ох как далеко. Нам бы хоть весны разгрести все те долги, что остались! Но я понимала, что чем дальше, тем больше будет неактуальных разнарядок, и баланс выравнивается куда быстрее, если сначала выполнять актуальные, а тогда переходить к старым. Рене ведь говорил — тем людям, имена которых он подает в Канцелярию Любви, их чувства и просветления нужны уже сейчас!

А многие из тех, кто стрелу не получили, возможно, уже не претендуют на нее, перестали быть достойными или справились безо всяких купидонов...

Но Селена явно не прониклась уважением к моим словам.

— У меня нет на это времени, — решительно заявила она. — Какое мне дело до функционирования отдела любви? Рене не оставил мне ни единого толкового аналитика...

Я хотела было предложить ей нанять кого-нибудь, но не успела — а потом осознала, что вовремя остановилась. Ведь Селена совсем не хотела пожаловаться на то, что ей не хватает сотрудников. Она преследовала совершенно другие цели!

— И теперь я должна для начала провести полный аудит, понять, что он здесь натворил... И только тогда, когда исправлю его ошибки, смогу заняться разнарядками...

Я уставилась на нее, как на сумасшедшую.

— Ты шутишь?!

— Я совершенно серьезна, — покачала головой женщина.

— Нет, говорить серьезно о таком не смог бы никто, — решительно мотнула головой я. — Все мы прекрасно знаем, что у Рене кристально чистая репутация...

— Никаких фактов, подтверждающих это, нет.

— Время выбрало его своим Хранителем! Это ли не подтверждение!

Селена воззрилась на меня, как на сумасшедшую.

— Время? У времени, дорогуша, нет мозгов, — она постучала себя ногтем по виску, — чтобы оно могло всерьез кого-то выбирать. Просто Рене очень удачно оказался рядом. Матильда ему доверяла, повелась на красивые синие очи...

— Ты ведь знаешь, — шокировано выдохнула я, — что говоришь сущий бред!

— Ты можешь обвинять меня сколько угодно. Я не Аделина, меня это не задевает.

Я едва не зарычала от злости. Ее это не задевает! Еще бы! Потому что она сидит, не занимаясь ровным счетом ничем, и пытается уничтожить все то, над чем Рене столько времени работал!

Вот только Селена, видя мое состояние, лишь улыбнулась еще шире, явно торжествуя. Было заметно, что ей приятно мое смятение и раздражение; она купалась в моем гневе, как будто это было лучшим удовольствием в ее жизни.

— Не сердись так, Эдита, — промолвила она. — Ты ведь богиня любви! Конечно, ты можешь несколько идеализировать своего брата, но мы ведь с тобой обе знаем, что в нем нет больше ничего, кроме хорошенькой мордашки...

Слащавый, ядовитый тон пробирал до мурашек.

— Да, несомненно, трудно найти мужчину красивее, но это такое себе достоинство в сравнении с огромным количеством его недостатков...

— У Рене нет недостатков!

— Любой разумный мужчина не стал бы вести себя так, — Селена откинулась на спинку его кресла. — Не стал бы игнорировать дружеские советы... В конце концов, если он такой умный, то почему влюбился в Матильду? Разве он не видел, что с ней не все чисто?

Мне хотелось заявить, что абсолютно никто не видел, что с Матильдой не все чисто, но я прикусила язык, вовремя осознав — да ведь Селена просто завидует! И каждое ее слово, каждая попытка ужалить меня, а точнее — Рене, хоть он и не мог это слышать, всего лишь недовольные заявления женщины, которую не сочли интересной.

Да, она была привлекательна внешне, но если вела так себя и в других ситуациях, нет ничего удивительного в том, что Рене предпочел другую. Матильда тоже была не лучшей из людей, привлекала больше силой, чем душевными качествами, но сердцу-то все равно не прикажешь!

А Селена теперь просто пользовалась этим, посыпая солью свежие еще раны Рене.

— Это непорядочно — говорить так о нем, — серьезно промолвила я. — Но еще более непорядочно — нагло игнорировать собственные служебные обязанности, Селена! Ты должна не «проводить аудит», а делать свежие разрядки!

Селена закатила глаза.

— Я ничего тебе не должна, Эдита. Мы работаем в разных отделах и никак не связаны.

— Ты же знаешь, что это ложь!

— Ложь? Ну так пожалуйся своему братцу, — пожала плечами Селена. — И посмотрим, что он сможет со мной сделать. Если он вообще хоть на что-то способен. А сейчас выметайся. У меня много других, более важных дел.

# Глава тридцатая

Вернувшись домой, я уже по ауре — и по мясным запахам, доносившимся с кухни, — поняла: что-то изменилось. Вериар храпел в своем временном жилище, и я, слишком сильно устав, не стала его будить, а прошла напрямик в дом, недовольно кривясь от ужасного буйства ароматов. Было такое впечатление, что Томас решил устроить у нас на кухне какое-то кулинарное шоу, и сейчас несколько десятков конкурсантов работали там, собираясь поразить судей.

Я сердито нахмурилась. Есть не хотелось, аппетита не было уже второй день подряд. От мясных ароматов меня, если честно, едва не вывернуло. Сейчас бы чего-то сладенького...

Но, впрочем, я понимала: скелеты бы не расстарались так, лишь бы порадовать меня. Если они вновь активно взялись за готовку, значит, Себастьян вернулся домой.

Радость от осознания, что наконец-то увижу мужа, вспыхнула на секунду, но моментально погасла под давлением обстоятельств. Да, увижу! Но после сегодняшнего адского дня, после разговоров с Любовным Патрулем и с Селеной, этого жуткого нежелания что-то делать...

У меня просто опускались руки.

Еще и Рене не выходил на связь! Впрочем, я и не знала, как до него достучаться. Не выбираться же мне на чердак и не кричать «ау» так, чтобы слышали во всех уголках страны? А спрашивать кого-нибудь из уже контактировавших с ним...

Кого? Купидонов? Георга? Селену? Всех этих людей, которые только и делают, что пытаются помешать восстановиться балансу?

Разозлившись на весь мир окончательно, я пролетела по коридору к ступенькам и направилась наверх, не заботясь о том, чтобы поздороваться с обитателями собственного дома.

— Эдита! Ты уже вернулась?

Я остановилась на полпути и обернулась. В коридор из кухни выглянул Себастьян, взъерошенный, уставший, но довольный жизнью.

На его губах играла радостная улыбка. Настолько радостная, что мне даже стало тошно. Я не могла ответить любимому тем же. Да, не из-за него, но все равно не могла!

— Да. Прости, мне надо кое-что проверить, — промолвила я, надеясь, что голос мой звучит не слишком замогильно.

— Конечно, — кивнул Себастьян, будто ничего и не заметив. — Только спускайся скорее, тут Томас приготовил для нас ужин... Может быть, тебе помочь чем-то?

— Не надо! — спешно воскликнула я. — Это... Это дело одной только богини любви, ты же понимаешь.

— Разумеется, — согласился мужчина. — Но если что — зови.

На самом деле, я солгала. Мне надо было всего лишь проверить уровень в чане, не более того! Это можно сделать и с мужем. Но после напряженного рабочего дня не хотелось никого видеть, и я понадеялась, что, побыв несколько минут наедине, успокоюсь и приду в соответствие. Может быть, вернусь к мужу, уже не рыча на всех подряд!

Я тяжело вздохнула и направилась в свой кабинет. Дверь была плотно закрыта, и я надеялась, что никто из мертвецов не совал свой нос сюда и ничего не испортил. А то мало ли. Конечно, как для священного места лаборатория любви была слишком доступной, но...

Мне не хотелось рисковать.

Оказавшись внутри, я подошла к чану, заглянула внутрь и с облегчением отметила, что уровень жидкости был такой же, как вчера, до отлива стрел. Значит, купидоны не солгали и действительно справились со своей работой. Хотя что-то хорошее за весь сегодняшний день, а то если б и они натворили глупостей, мое положение оказалось бы совсем безнадежным.

Я повернулась к двери, что вела в потайную комнату, и думала заглянуть туда, проверить, что с монитором баланса, но... Не стала. Вовремя осознала, что плохие новости сейчас окончательно меня добьют.

Уже спустившись вниз, я поняла, что сильно ошибалась. Меня скорее добьют мясные запахи! И еще что-то... Это что, какой-то запеченный картофель? Еще и с чесноком. Я раньше любила это блюдо, а теперь почувствовала новый приступ тошноты.

Надо будет спросить Себастьяна, есть ли в этом мире медики. Потому что помощь врача мне явно не помешает. Отравилась вчерашней капустой? Так или иначе, я даже смотреть на еду не могла. Ну, разве что на какой-нибудь тортик...

Но тортика не оказалось.

— Я приготовил все самые любимые блюда господина бога смерти! — отчитался Томас, заведя меня на пороге. — Присаживайтесь, госпожа Эдита!

Я заняла свое место за столом и с трудом выдавила из себя улыбку. Самочувствие, которое вроде как начало улучшаться, испортилось окончательно, а вместе с ним ко дну пошло и настроение. Захотелось плакать. У меня такого обычно не случалось, перепады настроения, тем более, такие внезапные, вообще были не про меня, но сегодня день прошел из рук вон плохо... Может, от этого?

— Как дела? — спросила я у Себастьяна, надеясь выглядеть милой.

Не вышло. И раздражение внутри только нарастало.

— Нормально, — пожал плечами мужчина. — Немного задержался на работе, прости, не смог вчера вернуться домой... Там этих мертвецов такое количество, что пришлось вылавливать, загонять, а потом вести их на кладбище. Хорошо, что хоть перепрятываться не надо... А как твой день? Все в порядке?

Я так взглянула на мужа, что улыбка просто стерлась с его лица. Мужчина, впрочем, ничего мне не сказал, просто продолжал внимательно смотреть, как будто дожидаясь, что же я ему отвечу. Я попыталась себя остановить — ну не винить же Себастьяна в том, что у меня на работе ничего не складывается! — но колкие фразы сами по себе слетели с языка.

— В порядке, как же... Скажи, дорогой, — выпалила я быстрее, чем успела понять, что творю, — почему ты никогда не рассказывал мне о своих отношениях с Аделиной?

Себастьян нахмурился.

— О каких отношениях?

— Как каких? Любовных.

То, как он стремительно мрачнел, меня не радовало. Может быть, сердился, потому что Аделина солгала? А вдруг наоборот, так реагировал оттого, что я могла узнать неприятную для него правду? Разумеется, задать этот вопрос ему в лицо я пока не спешила, но уже и не корила себя за то, что завела этот разговор.

— Между нами ничего не было, — наконец-то, выдержав достаточную паузу, чтобы я успела всерьез разнервничаться, промолвил Себастьян, а потом, помолчав с минуту, добавил: — Никогда.

Я шумно втянула носом воздух. Никогда ничего не было... Звучало красиво, вопрос

только в том, насколько правдоподобно... Действительно ли он говорил правду?

— Тогда почему она болтает на каждом углу о вашей большой любви? А Селена пророчит нам скорое расставание, примерно через полгода?

Себастьян серьезно ответил:

— Я не имею к этому никакого отношения. Если кто-то сплетничает обо мне, это не значит, что я давал повод для сплетен, Эдита. Мне казалось, мы доверяем друг другу.

— Доверяем... Доверяем, конечно, — немного поостыла я.

Теперь хотелось извиниться. Я подняла на Себастьяна пристыженный взгляд, увидела в его глазах понимание и даже обрадовалась — вот как мне повезло с мужем! — но ничего сказать не успела.

— Господин бог смерти, — влез Томас, как всегда, не знающий границ, — вам вкусно? Может быть, приготовить что-то еще?

— Вкусно. Ничего больше не нужно, — отмахнулся от скелета Себастьян, как он назойливой мухи.

Я почувствовала, как настроение портится еще стремительнее. Себастьяна они спрашивают, а меня!..

Чтобы прийти в себя, я решительно встряхнула головой. Не хватало только винить собственного мужа в том, что скелеты более внимательны к нему, чем ко мне. Ну так и мои купидоны не бегают к Себастьяну на поклон, так что все логично! А моя ревность и злость совершенно неуместны.

Вот только мое дурное настроение уже успело отравить ужин. Мой супруг нехотя ковырялся в тарелке, я сама отвела взгляд.

— Сложный день? — не выдержав, первым нарушил тишину Себастьян. — Эдита, я... Может быть, если ты поделишься, тебе станет лучше?

— Да ничего не случилось, — раздраженно пожала плечами я. — Так... Ерунда. Не стоит даже внимания обращать.

— Уверена?

— Более чем! — я решительно кивнула и тут же пожалела, что обманываю своего мужа. Себастьян же не виноват в том, что мне сегодня перепортили настроение. — Если не считать того, что Селена не дает разрядки, Георг треплет мне нервы своими придирками и отказом делать стрелы, купидонов всего десяток, а в Канцелярии ветер по коридорам гуляет, и...

Я запнулась. Говорить дальше, вываливать на Себастьяна целый ворох своих проблем мне не хотелось. Я прикусила язык и даже отвернулась от мужчины, убеждая себя в том, что не должна сейчас выплескивать на него негатив. Себастьян же подался вперед, протянул руку и коснулся моей ладони.

— Возможно, тебе следует поговорить по этому поводу с Рене?

— Да? Спасибо. Без тебя я б не догадалась! — взвилась я, но, поймав мрачный взгляд Себастьяна, моментально почувствовала себя виноватой.

Я вела себя, как неуравновешенная дура.

— Прости, — прошептала я, поймав мужа за руку. — Мне не следует так себя вести. Тем более обвинять тебя в чем-либо. Ты ж не виноват в том, что у меня плохой день. Я просто устала, Себастьян. И мне очень хочется спать... Не злись, ладно?

— Я не злюсь, — улыбнулся Себастьян. — И тем более не обижаюсь на тебя. Не беспокойся ни о чем, слышишь.

Идеальный. И я, дерганная истеричка, вывалившаяся откуда-то из другого мира.

Если еще минуту назад я злилась на Себастьяна, то сейчас была готова во всем обвинить себя. И чувствовала себя так, будто вот-вот расплачусь.

Не лучшее, что можно сделать в подобной ситуации, однако.

— Наверное, мне надо пойти поспать, — вздохнула я. — И... Себастьян, я сегодня пойду в гостевую комнату. Мне нехорошо, а утром рано вставать, не хочу тебя будить...

— Мне не трудно встать пораньше.

— Нет, — возразила я. — Я посплю сама, прости. Мне там будет удобнее. Ванная ближе. И... Просто не спорь, ладно?

Себастьян только кивнул.

— Ладно.

Но я видела, что он расстроился.

И все еще чувствовала себя последней дурой, не ценящей такого золотого мужчину.

Вот только от этого не передумала по поводу ночи в отдельной комнате.

# Глава тридцать первая

Свежих разнарядок с утра, разумеется, не поступило.

Я сортировала старые разнарядки с таким мрачным видом, словно работала не в отделе любви, а в отделе смерти, и мне приходилось определять будущих невинно убиенных во имя торжества всемирного зла. Конечно, работы было полно, купидоны ушли с четко поставленными задачами, но это не отменяло главного — никакого прогресса в функционировании отдела!

Брэй тоже не порадовал. Еще утром он явился отчитаться передо мной по поводу строительства Лабиринта, и ничего хорошего зомби сообщить не смог. Да, новые двери пробили, но чтобы закрыть первое ответвление, которое избрали целью, надо было сначала пояснить все владельцам кабинетов и настроить магические нити. Если со второй задачей прекрасно собиралась магия Лабиринта, оказавшаяся довольно разумной, то первую уверенно завалил Димитрий.

А вопрос, будут ли боги слушать живых мертвецов, мне не хотелось и озвучивать. Я прекрасно знала ответ.

Не будут.

В дверь постучались. Я вздрогнула, вскинула голову, отрываясь от разнарядки почти с радостью, и мрачно поинтересовалась:

— Кто?

— Эди, это я! Можно?

— Заходи.

Димитрий осторожно приоткрыл дверь и просунул голову в образовавшуюся щель.

— Весь заходи, — сурово велела я ему, добавляя в голос немного магии, так сказать, для повышения собственной значимости.

Сработало. Димитрий очень нехотя, но все-таки вошел в кабинет. Дернулся, правда, когда дверь с грохотом захлопнулась у него за спиной, но подпрыгивать до потолка не стал, да и желания убежать прочь пока что тоже не проявлял.

— Брэй сказал, ты так и не достиг успеха с переселением наших дражайших коллег, — промолвила я. — Ты вообще хоть с кем-то говорил?

— Говорил! — воскликнул экс-купидон. — Но ты же понимаешь, Эди, кто я? Простой купидон!

— Ты уже давным-давно не купидон, а обыкновенный вредитель, — безо всякой радости в голосе отметила я. — Вредитель, у которого просто необходимо было отобрать статус и отправить тебя на самые страшные исправительные работы, которые мне только удастся придумать! И как ты полагаешь, какова причина, что я этого до сих пор не сделала?

— Ты меня пожалела?

— Я рассчитывала, что от тебя, паразита, будет хоть какая-то польза!

Димитрий невольно втянул голову в плечи.

— Ну, прости, — промолвил он. — Но моя репутация оставляет желать лучшего, ты же сама об этом прекрасно знаешь! Кто мне будет доверять? Любовный Патруль, который меня на дух не переносит? Георг? Так у него нервный тик от одного слова «любовь» и от имени «Эдита», а я в его сознании очень тесно с тобою связан! Кого мне переубеждать ходить в другие двери? К тому же, Брэй сказал, об этом можно не беспокоиться. Они все равно все

замуруют...

— Да, физическую сторону вопроса они закроют, — серьезно кивнула я. — А что это превратится в ужасный конфликт, ну так разве это должно волновать кого-то? Это ж такая ерунда, правда, Димитрий? Подумаешь...

Он скривился. Понимал же, зараза, что я права, но совершенно не хотел этого признавать. Чувствовал, что может потерпеть поражение, если вдруг возьмется за активные споры.

Вместо того Димитрий нахмурился и изобразил бурную мыслительную деятельность. Спустя мгновение во взгляде купидона вспыхнуло нечто, смутно напоминающее торжество — таким образом он явно приветствовал некую сумасбродную идею, поступившую в его светлую голову, и собирался донести ее до моего сознания.

— А вообще, ты должна беспокоиться не об этом, — ни с того ни с сего заявил Димитрий.

Я, конечно, не сомневалась в том, что он попытается сменить тему и перейти на более благоприятную для него почву. А значит, будет поливать грязью всех вокруг, старательно обелять себя и при этом искренне надеяться на то, что я ровным счетом ничего не замечу. Меня всегда раздражал подобный подход к делу, но Димитрий явно полагал его удачным.

Если не удастся улучшить дурное настроение начальства, значит, надо испортить его еще сильнее и направить гнев в другое русло.

— И о чем же я должна беспокоиться? — понимая, что в каком-то понимании ведушь на его провокацию, спокойно поинтересовалась я.

Купидон, явно решив, что это как раз лучший момент для налаживания отношений, подошел ко мне поближе и заговорщицки подмигнул. Поняв, что это мало что изменило, и ему все-таки придется говорить, Димитрий выразительно откашлялся и оглянулся в поисках более благоприятного места для своего выступления. Поразмышлял с минуту и, определившись, вновь начал говорить.

— Ну вот ты тут сидишь, — отметил Димитрий, устраиваясь на краешке моего стола, — а там, между прочим, твой супруг упрямо охмуряет Аделину. И в ресторанчик ее повел на обед... Не просто так же? Решил вернуться к своей старой любви? Небось, наплел тебе о том, что знать не знает никакую Аделину, а теперь за спиной шашни крутит...

Я стремительно подняла на купидона взгляд. От состояния эмоционального спокойствия не осталось и следа; реагируя на мое переменчивое настроение, в руках вспыхнула признанная непригодной разрядка. Языки пламени стремительно разбежались по столу, и Димитрий, засидевшись, вдруг почувствовал жжение.

— Ай! — вскрикнул он, вскакивая на ноги и пытаясь сбить огонь. — Ты совсем сдурела, Эди? Это были мои любимые штаны!

— Предлагаешь мне тебя пожалеть? — мрачно поинтересовалась я, удостоив Димитрия холодного, злого взгляда. — Прости, но не буду. Я сейчас немного не в том настроении, чтобы подтирать за тобой сопли.

— Жестокая ты женщина, — проворчал он. — Совсем меня не уважаешь...

— Было б за что! — скривилась я. — Где ты видел Аделину и Себастьяна?

Димитрий обиженно надулся.

— Не веришь?

— А должна? — серьезно спросила я. — Ты ж у меня самый надежный купидон! Ни одной стрелы ни разу не профукал, с работой всегда справлялся на «отлично». Вообще

непонятно, почему я тебя отправила к строителям, а не вручаю ежедневно по три десятка стрел и не отпускаю тебя в свободный полет!

Экс-купидон отвел глаза. О своих многочисленных недостатках он, разумеется, был в курсе, к тому же, прекрасно понимал, что я не настолько наивная дурочка, чтобы верить его пустым рассказам о великой верности и любви ко мне. Однако, Димитрий все еще на что-то надеялся — очевидно, на то, что ему удастся заговорить мне зубы.

Не хотелось лишний раз разочаровывать человека, но что б там ни натворил Себастьян, это отнюдь не означало, что я проникнусь к купидону большой любовью.

— Димитрий, либо ты говоришь мне сейчас, где ты их видел, либо я тебя отправлю ухаживать за трахиандрой. Ей как раз надо было подстричь стебли.

Судя по тому, как перекосило парня, он примерно представлял себе, чем для незадачливого садовника может закончиться подстригание огромной трахиандры. Откусит в лучшем случае палец, а в худшем — сразу голову! Конечно, на функционирование центральной нервной системы отсутствие головы у Димитрия нисколько не повлияет, он всё равно ею практически не пользуется, по крайней мере, по назначению, но сам купидон считал иначе.

И ставить себя под угрозу лишний раз не собирался.

— Да в нашем ресторанчике же, — недовольно протянул он, потирая зад и пытаясь ладонью прикрыть выжженную на штанах дыру. — Который рядом с Канцелярией. Сидит там на летней террасе, общается. Я своими глазами видел, веришь, нет?

Мне хотелось ответить решительным «нет», но вместо этого я лишь отозвалась:

— Доверяй, но проверяй.

Димитрий закатил глаза.

— Проводить тебя?

— Не стоит. Сама найду. Ты ж детально описал мне место, где искать моего мужа.

— Но я хочу помочь!

— Оставайся тут, — серьезно промолвила я. — Если хочешь помочь — займись лучше делом, Димитрий. Ты уже поговорил с Георгом? Помнится мне, его дверь была одной из первых на перемещение.

Парень отрицательно покачал головой. Собственно, я и не сомневалась в ответе — чтобы Георг и согласился на предлагаемые мною перемены?! Впрочем, так можно было сказать про большинство работников канцелярии. Я не могла понять, почему любая попытка хоть как-то переменить привычное течение их жизней воспринималась в штыки, но факты от моего непонимания никуда не девались.

Даже купидоны, которым теперь приходилось тяжело работать, реагировали попроще. Множеству работников Канцелярии надо было всего-то привыкнуть к новой двери, не более. Но они не хотели идти даже на такие уступки, не говоря уж о чем-то серьезном. У меня складывалось впечатление, что практически каждый из сотрудников Канцелярии боялся перемен, а в их необходимости винил меня. Будто я единолично расшатала баланс, будь он проклят, а теперь Рене приходилось подчищать за мной хвосты и исправлять все то, что я натворила!

Отгнав прочь мысли об этом и велев себе не печалиться зря — все равно я вряд ли действительно смогу что-нибудь исправить, — я с максимально решительным видом выскочила из кабинета в коридор. Даже пролетела первые несколько поворотов, собираясь едва ли не растерзать Аделину. Но, оказавшись на улице, я вдруг осознала, что не знаю, как

поступить. Если Себастьян действительно сидит там, с этой женщиной... Наверняка же у него для того были какие-то причины! Какие? Вряд ли кто-то всерьез расскажет мне об этом. Строить догадки не хотелось, но от осознания, что все может просто рухнуть в одну минуту, стало как-то неожиданно горько и тошно. Я закусила губу, пытаюсь привести себя в чувство, и зашагала в направлении того самого ресторанчика, где Себастьян впервые угощал меня ужином. Как же хотелось убедиться в том, что там никого нет! Даже если они там обедали, пусть они оттуда уже уйдут!

Но сегодня удача точно была не на моей стороне. Я зашла на летнюю веранду, отмахнулась от официанта, резко подскочившего ко мне и уже пытавшегося рассказать о сегодняшнем самом лучшем блюде от шефа, и застыла, глядя на Себастьяна. Он сидел ко мне спиной, но я все равно узнала его привычную темную рубашку, темный же плащ и взъерошенные черные волосы.

А еще я узнала Аделину. Та подняла на меня торжествующий взгляд и, ласково улыбнувшись — само собой, не мне, Себастьяну! — накрыла его ладонь своей.

Мне показалось, что сердце вот-вот вывалится из груди. Я жестом велела официанту отойти в сторону — нечего лезть под руку богине, когда она до такой степени сердита! — и зашагала к нужному мне столику. Гнев застилал глаза, но я все равно успела заметить, как раздраженно содрогнулся Себастьян, высвобождая свою руку.

А потом услышала и отрывок фразы.

— Аделина, мы пришли сюда не ради твоего кокетства, а ради спокойного разговора.

— Из нас, — проворковала Аделина, — получилась бы замечательная пара.

— Я женат, — отрезал Себастьян, и мне показалось, будто на меня только что кто-то пролил целую бочку меда. — И люблю Эдиту. А встретиться с тобой согласился только ради одного. Я все еще надеюсь, что ты одумаешься и начнешь выполнять свои обязанности, а не сплетничать с Селеной по углам. Ты же знаешь, она — последний пример для подражания!

— Я знаю только то, что твоя женушка была в десятки хуже Селены!

— Рене ведь объяснял...

— Да что он вообще может сказать, этот!..

— Не помешаю?

Мои слова прозвучали как гром среди ясного неба. Аделина, даром, что заметила меня и своими колкими фразами пыталась спровоцировать Себастьяна на грубости в мой адрес, аж подпрыгнула на месте. Бог смерти же, обернувшись и взглянув на меня, только улыбнулся и поспешил подняться.

— Эдита, присаживайся, — он отодвинул для меня стул. — Мы как раз о тебе говорили, — он серьезно взглянул на свою собеседницу. — И Аделина хочет перед тобой извиниться.

Аделина не хотела, и я нисколечко в том не сомневалась. Она скривилась так, словно Себастьян заставлял ее признаться в убийстве и дать голову на отсечение за чужие преступления. Она сжала руки в кулаки и глянула на мужчину так, что если б обладала достаточно сильным даром — испепелила бы его на месте. Вот только, судя по всему, сил-то ей как раз и не хватало, а значит, сопротивление было абсолютно бесполезным.

— Эдита, — нехотя промолвила она, — мне не следовало игнорировать мои профессиональные обязанности. Впредь Любовный Патруль себе этого не позволит. Мы немедленно примемся за активную работу и постараемся как можно скорее отыскать всех пораженных отравленными стрелами. И... Мне пора, — она быстро поднялась на ноги. —

Хорошего дня.

То, с какой скоростью зашагала прочь Аделина, выдавало ее злость и обиду на Себастьяна. Она явно рассчитывала на то, что он не станет требовать ни извинений, ни послушания по отношению ко мне. Однако, Себастьян явно оказался непреклонен.

— Спасибо, — выдохнула я, четко понимая, что должна быть благодарна мужу за содействие. — Если б не ты, не представляю, что б я с этим всем делала.

— Не за что, — он накрыл мою руку своей и ласково улыбнулся. — Эдита, ради тебя я готов на все, что угодно. И уж тем более — на то, чтобы поставить на место собственных бывших подчиненных. Тебе не о чем беспокоиться, правда. Они будут слушаться. И будут выполнять свою работу.

Мне вдруг стало стыдно.

— Я зря ревновала, — призналась я. — И вообще, не знаю, что на меня вчера нашло. Прости, я едва на тебя не накричала. Мне следует вести себя гораздо сдержаннее.

— Ты просто устала, — Себастьян, кажется, и вовсе не обижался. — На тебя слишком много всего свалилось. Мы с Рене всегда были жителями этого мира и привыкли ко многим особенностям, тебе же все это в новинку.

— Это не дает мне права...

— И ты действительно очень многое на тебя взяла. Мне не следовало так долго задерживаться там, кладбище бы подождало на пару часов дольше, не рассыпалось. Прости, что я оставил тебя одну.

Себастьян улыбнулся мне, и я ответила ему тем же, а потом, подавшись вперед, порывисто обняла. Муж сгреб меня в охапку, практически стягивая со стула. Его совершенно не беспокоили посторонние взгляды, да и меня в эту секунду, если честно, тоже не волновало, что кто-то нас заметит. Себастьян — мой муж! И я буду обнимать его там, где мне захочется.

— Воркуете, голубки?

Я вздрогнула, но не позволила Себастьяну выпустить себя из уютных объятий, только подняла голову, реагируя на голос.

— Рене? Ты что здесь делаешь?

— Это я к нему обратился, — серьезно промолвил Себастьян. — Ты права. То, как ведут себя наши коллеги, недопустимо. И если мы хотим достигнуть результата, должны пресекать это практически сразу.

— И как же, — протянул Рене, занимая место Аделины, — ведут себя наши коллеги? Кто отличился в этот раз? Нет, дайте-ка угадаю... Георг?

Я отвела взгляд.

— С Георгом удалось справиться из без твоей помощи. В его услугах мы не особо-то и нуждаемся.

— Я воспользуюсь этим аргументом при сокращении штата, — серьезно промолвил мой брат. — Потому что его поведение выходит за всякие рамки... Но даже если Георг вызывает у тебя недостаточно возмущений, то кто тогда? Аделина? Или?..

Он помолчал немного.

— Селена, — наконец-то вздохнул Рене. — Разумеется. Как я сразу не догадался...

Мне даже было не с чем спорить — Хранитель Времени все понял и так. И я вдруг задалась вопросом, случайно ли люстра едва не свалилась на голову Селены, или в этом тоже был определенный коварный замысел?

## Глава тридцать вторая

Табличка, гласившая о том, что именно в этом кабинете трудится «достопочтенная богиня мудрости», покосилась еще сильнее. Рене бросил на нее презрительный взгляд и недовольно потянул на себя, срывая с креплений. Та поддалась практически сразу. Из двери остался торчать криво вбитый гвоздь, и Хранитель Времени провел вдоль его основания кончиками пальцев.

Гвоздь осыпался пеплом.

— Ты со всем так можешь? — тихо поинтересовалась я.

— Разные трудозатраты, но могу, — отозвался Рене. — Даже с Селеной могу. Но не буду. Ты же понимаешь, почему.

Конечно, я понимала. И задалась вопросом, насколько трудно контролировать себя, когда столь многое можешь. Я не пользовалась магией в первую очередь по той причине, что это еще не вошло мне в привычку. Она находилась где-то рядом, но не текла подобно крови у меня в жилах. Я не чувствовала необходимости постоянно прибегать к своему дару, наверное, в первую очередь потому, что двадцать четыре года выживала без него. Да, у меня в жизни бывали непростые моменты, и не из всех передрыг удавалось выбраться победительницей, но кто сказал, что магия могла мне в том помочь?

Для Рене же его дар был словно вторым дыханием. И я представляла себе, каким сильным желанием было применить его на людях...

— На самом деле, нет, — усмехнулся брат, будто читая мои мысли. — В юности я не пользовался своим даром. Собственно, мои силы проснулись окончательно только с год назад, когда я был уже в отношениях с Матильдой... И занимал эту должность.

Прежняя табличка, обозначающая этот кабинет как место обитания Рене, все еще находилась на месте, и мужчина почти что любовно провел кончиками пальцев по ее краю.

— Но мне казалось, магия — неотъемлемая часть...

— Да, — утвердительно кивнул Рене. — Неотъемлемая... В какой-то мере. Но на самом деле есть невероятное количество условностей, благодаря которым магия, скажем так, держится в узде. Я практически не использовал ее в повседневной жизни. Мне гораздо проще отказаться от дара, чем от постоянных подсчетов. Если кто-то скажет тебе, что нынешний Хранитель Времени скорее математик, чем Истинный, он будет прав.

— Но время выбрало тебя, — отметила я.

— Да. Возможно, оно хотело кого-то вроде меня? Я четко вижу, к чему приводит потребление ресурсов, и не рискну использовать лишнее не потому, что меня сдерживают какие-то глупости вроде совести и желания сохранить мир. Я просто способен очень четко оценивать последствия. Спроси Себастьяна. Меня нельзя назвать хорошим человеком.

Себастьян умчался по делам, оставив нас вдвоем, еще после обеда в ресторанчике, и задать этот вопрос я ему не могла, но и так знала, каков будет ответ. Рене недооценивал свои человеческие качества.

— Если б ты был плохим, ты б просто убил меня, — улыбнулась я.

— С математической точки зрения это было очень нелогично, сестренка, — подмигнул мне Рене. — Так что тебе придется привыкать к популярной в этих стенах мысли: я закоренелая сволочь.

— Ты самый лучший брат, которого только можно себе представить, — хмыкнула я.

— Лъстишь.

— Тебе кажется.

Он закатил глаза и весело рассмеялся. Очевидно, Рене хотелось соответствовать ожиданиям, раз уж он не мог изменить отношение к себе.

— Я думаю, мне придется приложить недюжинные усилия, чтобы случайно не причинить нашей общей знакомой вред. Останови меня, если вдруг что, — попросил Рене и, даже не дождавшись моего утвердительного кивка, решительно потянул за дверную ручку.

Селена восседала все в том же кресле. Сегодня, впрочем, ее поза была еще более вальяжной. Женщина нагло закинула ноги на стол, а сама, кажется, корректировала форму ногтей с помощью пилочки.

— Неужели непонятно, — капризно протянула она, не отрывая внимательного взгляда от собственных рук, — что в двери нужно стучаться?

— Увы, — отозвался Рене знакомым мне ядовитым тоном, — непонятно. В конце концов, это мой кабинет. Вопреки тому, что ты так нагло в него вторглась и своими грязными туфлями пачкаешь мне стол. Еще и полировку, небось, поцарапала.

Селена оторвала наконец-то взгляд от своих ногтей и удивленно воззрилась на Рене. Не знаю. Выглядел ли он достаточно впечатляюще, или ее так испугало осознание статуса мужчины, но богиня мудрости как-то заметно побледнела.

Однако, наглости своей не растеряла.

Все-таки убрав ноги со стола и даже отложив пилочку, она ядовито поинтересовалась:

— Что, сестричка пожаловалась, что я не выполняю свои служебные обязанности? Я б посоветовала ей больше следить за своими делами; у нее в купидоньем царстве уж точно не все чисто, зная, как они привыкли себя вести.

— Селена, — прищурился Рене, заметив, очевидно, как я едва не задохнулась от возмущения, — а откуда у тебя такая осведомленность относительно функционирования Канцелярии Любви, если ты совершенно ничего не делаешь?

— Я справляюсь со своими обязанностями без суеты, — отметила Селена.

— Да. Вопрос только в том, почему ты вообще заняла эту должность.

Рене обошел стол и остановился за спиной у Селены. Он сложил руки на изголовье кресла и склонился к женщине, внимательно рассматривая ее. Теперь ей, чтобы посмотреть на Рене, пришлось бы задирать голову. Ну, или говорить в пустоту.

Селена выбрала второй вариант.

— Потому что когда нет бога красоты и искусств, эту должность занимает богиня мудрости. И это всем известно.

— Да? — изогнул брови Рене. — В таком случае, я тебя удивлю: ты сидишь на чужом месте.

— Почему это?

— Потому что, — заговорщицки прошептал он, — никто меня статуса бога красоты и искусств не лишал, Селена.

Женщина заметно помрачнела. Я просто-таки видела, как разлетается на кусочки ее былая уверенность.

— Ты стал Истинным, — промолвила она слегка подрагивающим голосом. — Разумеется, ты больше не мог выполнять прежние обязанности...

— Ну что за условности! Где написано, что Истинный не может занимать должность одного из богов? — закатил глаза Рене. — Мы ведь живем не в те древние времена, когда это

слово что-то значило. Обычная должность! А что Истинные привыкли ровным счетом ничего не делать, ну, кто ж им судья? Я лично не представляю себе жизни, в которой буду просто проводить день за днем в праздном шатании по миру и попытках строить козни. Продлевать бессмертие? Смешно. Оно не нужно мне и даром, но, раз уж досталось, надо использовать его хоть с минимальной пользой.

Было видно, что Селена не соглашалась с мнением Рене. Если б ей кто дал бессмертие или хотя бы долголетие, подобное тому, что имеют Истинные, уж она придумала б, как им распорядиться! Вот только судьба почему-то не спешила делать столь щедрые подарки и не считала Селену достойной.

Разумеется, она злилась.

— И очень жаль, — прошептал Рене, — что тебе не хватает мудрости для понимания: даже если Верховный, Хранитель Времени, не сидит на хрустальном троне, водрузив десятикилограммовую корону на голову, и не рассказывает о собственном всесии, у него однозначно достаточно внимания для того, чтобы лишить тебя твоего невероятно важного звания. Зачем Канцелярии богиня мудрости?

— А кто же будет руководить аналитическим отделом, — Селена буквально слетела со своего кресла, — если ты меня прогонишь? Или у тебя на примете так много одаренных, которых можно позвать на эту должность?

Во взгляде Рене мелькнуло нечто странное, смутно напоминающее грусть или тоску. Вероятно, его совсем не радовало подобное состояние магии. Я подозревала, что проблема все в том же балансе — благодаря Матильде мир расшатался до такой степени, что для его восстановления придется потратить не один год.

Или даже не одно десятилетие.

Ведь если бы у Рене были достойные замены, он давным-давно разогнал бы канцелярию и работал с нормальными, адекватными людьми!

Но он не позволил себе ни малейшего проявления эмоций. Вместо этого — спокойно улыбнулся и проронил:

— Руководить аналитическим отделом буду я.

Селена помрачнела.

— А твою должность мы пока упраздним, — продолжил он. — Богиня мудрости не выполняет ровным счетом никаких полезных функций. Каков итог? Она просто нам не нужна.

— Но...

— Не нужна, Селена.

Женщина сжала руки в кулаки.

— Это непорядочно!

— Это вынужденные меры. Уверен, после того, как баланс придет в соответствие, мы сможем найти кого-нибудь на твое место и придумать новые обязанности. Но пока что я не вижу никакого смысла в нашем сотрудничестве. Ты свободна.

— Но так нельзя!

— Кто тебе сказал, что так нельзя?

Она едва не зашипела от раздражения.

— Ты об этом пожалеешь, — выпалила Селена. — Если будешь держать вокруг себя такую, как эта твоя... сестренка, ты думаешь, долго продержишься при власти? Очень в том сомневаюсь! Выгоняя меня и прочую старую гвардию с работы, ты сам скатываешься ко дну!

Рене спокойно обошел кресло и опустился в него. Все в нем — и выправка, и играющая на губах улыбка, и прищур синих глаз, — выдавали какое-то удивительное, почти королевское влияние. Я б не удивилась нисколько, если б сейчас Рене взмахом руки просто вышвырнул Селену прочь из зала, но он всегда был образцом сдержанности и спокойствия, по крайней мере, пока его не доводили до исступления.

— Ты свободна, Селена, — он не позволил себе опуститься до оскорблений или даже до презрительного тона. — Если для богини мудрости появится достойная работа, разумеется, я обращусь к тебе, и тогда мы продолжим наше сотрудничество. А теперь иди.

Она не нашла в себе силы спорить. Должно быть, влияние Рене оказалось достаточным, чтобы женщина только издала короткое фырканье, больше напоминающее звуки отчаянья, и просто вылетела прочь, напоследок задев меня плечом.

Стоило двери за нею захлопнуться, Рене придвинулся к столу, сложил руки на деревянной поверхности и уткнулся лбом в изгиб локтя.

— Кто б знал, — пробормотал он, — как они меня достали! Гнать их отсюда надо поганой метлой! Но как ты погонишь, если новых еще поди найди? Эти могут хоть что-то!

Я быстро пересекла разделяющее нас расстояние, обошла стол и осторожно коснулась волос Рене, успокаивающе провела ладонью по его голове. Признаться, я не знала, имею ли право на такую вольность, но брат не сопротивлялся.

— Мы со всем справимся, — пообещала я ему. — Как бы ни было сложно. У меня тоже не лучшие подчиненные, но даже от них может быть польза. К тому же, после увольнения Селены, уверена, большинство задумаются над своим поведением и уже не рискнут так активно и открыто противостоять тебе. И... Неужели найти новых действительно так трудно?

— Понятия не имею. С магией нынче туго, — честно ответил Рене, расправляя плечи и поднимая на меня взгляд. Потом перехватил мою руку и крепко сжал пальцы. — Слушай... А сколько у тебя осталось всего купидонов?

— Которые со стрелами? — я грустно вздохнула. — Около десятка. Но они справятся! Нарастят темп... Я более чем уверена, что мы сможем...

— Эдита, — прищурившись, промолвил Рене, — а ты не хотела бы набрать новых?

— Новых?

— Конечно! — воскликнул он. — Смотри. Для купидонов более важно призвание и желание творить добрые дела. Силу им дает в первую очередь богиня любви — а уж у тебя-то этого хватает! Но самое главное в другом. Мы покажем всем, что кадровые изменения возможны. У тебя появятся те, кто может полноценно работать. Откуда ты берешь стрелы?

— Отливаю сама.

— Вот. Значит, этим тоже займутся новые сотрудники, — Рене явно приободрился. — Мы сможем все наладить, Эдита! Главное не опускать руки и продолжать трудиться. Ну что? Рискнем? Попробуем нанять на работу кого-то?

— Думаю, — вздохнула я, — нам придется провести целый кастинг. И не факт, что найдутся желающие...

— Найдутся, — твердо промолвил Рене. — Это я тебе гарантирую.

# Глава тридцать третья

Что ж, я зря сомневалась в словах Рене. Желаящие занять должность купидона выстроились в целую громадную очередь. Лабиринт, даром, что был помещением весьма крупным, оказался полностью забит всевозможными будущими кандидатами на роль купидонов. Рене, надеясь упразднить сложившуюся традицию, что сей труд выполняют лишь парни, разрешил и девушкам участвовать в кастинге, но представительниц прекрасного пола все же было поменьше.

Вот только, в любом случае, короткое объявление, в котором очерчивались примерные обязанности купидонов, их будущая зарплата и обещание выдать служебные крылья, оказалось слишком заманчивым.

— Мы вам позвоним, — наверное, в сотый раз за сегодня сообщила я очередному кандидату.

По расчетам Рене, купидонов требовалось около полусотни. Десять у меня уже было. За прошедший месяц они доказали, что способны не только выполнять, а и перевыполнять план, быть надежными сотрудниками и в какой-то момент даже дойти до повышения — занять должность кого-то из богов. Но, хотя тот же Лиам, самый юный из всех купидонов и обладатель самых ярких крыльев, умудрялся за день одарить любовью более десяти человек, их стараний было недостаточно.

Карта баланса выравнивалась очень медленно. По стране все еще расползались темные пятна, и Рене утверждал — если все удастся выровнять, разнарядок окажется гораздо больше. Мир приходится очищать от тьмы постепенно.

— Я получу должность? — поинтересовался у меня мужчина.

Я скептически осмотрела его. Сорок семь лет, никаких способностей к магии, вес больше центнера... Какие крылья?! Купидоном можно было стать вне зависимости от возраста — хотя мы все же поставили ценз старше четырнадцати, совсем уж детям не стоит принимать участие во взрослых делах, — но человек должен быть чист душой!

— Мы вам позвоним, если вы все-таки пройдете отбор. В ближайшие три дня, — скупко пообещала я, прекрасно зная, что этого никогда не случится.

Почему бы не отказать прямо? К сожалению, наученная горьким опытом предыдущих кандидатов, я пришла к выводу, что обещание позвонить заставляет их уйти в разы быстрее, чем попытки доказать, почему они не подходят.

— Мне нужны гарантии! — заявил мужчина, притопнув ногой.

— Послушайте... Юрген, — я сверилась с его резюме, валявшемся у меня на столе, — скажу честно, у вас мало перспектив для воздушных работ. Но если вы так искренне желаете трудиться на благо Канцелярии, вы можете присоединиться к строительному отряду. Там как раз уволилось несколько бывших купидонов.

— Еще чего! — вспыхнул Юрген.

— Тогда ждите звонка.

Он вздохнул и, оторвавшись все-таки от стула, медленно побрел ко входу.

— И позовите следующего! — потребовала я.

Мужчина ничего не ответил. Я же откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Больше сотни кандидатов, и среди них подходящих — только одиннадцать! Чтобы набрать пятьдесят купидонов, мне нужны еще двадцать девять. Сколько

людей мне придется перебрать, сколько тестов провести?

Этот месяц был самым насыщенным месяцем моей жизни! Подготовка к отбору купидонов, постоянная работа в Лабиринте — Димитрий оказался не слишком надежным, в чем я, собственно, и не сомневалась, потому многих приходилось уговаривать менять привычки и двери самолично, а то и призывать на помощь Рене, — еще и целая куча разнарядок и почти полное отсутствие свободного времени!

Впрочем, в Канцелярии все постепенно налаживалось. Мы уверенно шли по плану Вериара, перестраивая лабиринт, и уже несколько коридоров успешно стянулись, пропадая навсегда из карты здания. Некоторые боги и их отделы активно принимались за работу.

Разумеется, в поте чела трудился Себастьян. Он говорил, что шар баланса удалось заполнить уже наполовину, и, хотя впереди предстояло еще очень много работы, ситуация по деревьям с мертвецами была уже далеко не такая катастрофичная.

Люди, расслабившись, действительно не боялись сообщать богу смерти об аномалиях, которые они наблюдали у себя в родных селениях. Теперь Себастьяну не приходилось часами просиживать над картой и пытаться вычислить, куда бы ему отправиться — заявки приходили и так. Он говорил, что впереди еще огромное количество работы, к тому же, приходилось параллельно следить за поточной работой отдела, но главное — верить в себя и трудиться, не переставая!

Тогда все получится.

Отделом аналитики занимался Рене. Не знаю, какие на самом деле были обязанности у Хранителя Времени, но мой брат повторял: он прекрасно все успеет. А оставить здесь Селену творить произвол нельзя. Тем более, только благодаря аналитике и удавалось максимально четко определять состояние баланса и делать все возможное для его выравнивания.

Успехи были пока далеки от глобальных, слишком все запущено оказалось, но все равно чувствовались подвижки. Моя магия становилась сильнее — я уже вполне сносно ею руководила, — Себастьян тоже чувствовал прилив сил.

Впрочем, я все еще регулярно испытывала по утрам приступы тошноты, а по вечерам едва не валилась с ног. Вот только в этом следовало винить не баланс, а бесконечную работу, в которой я просиживала целыми сутками...

Но и другие отделы тоже подтягивались! Например, бог богатства, Андриан, наконец-то взялся за дело — и вроде как боролся с неестественной бедностью в определенных районах. И богиня плодородия, Рита, тоже занялась делом, сейчас была в командировке в новообразовавшейся пустыне, смотрела, что там можно сделать, чтобы вернуть землям прежнее состояние.

Я вздохнула и покосилась на часы. Некогда отдыхать! Надо трудиться! И где там следующий?

Пришлось подниматься со своего кресла и открывать дверь.

— Следующий! — рявкнула я, возможно, более жестко, чем полагалось бы богине любви, и вернулась обратно на свое место.

В кабинет заглянули.

— Можно? У меня уже первый номерок! — довольно отчитался возглавлявший очередь парень, и я с удивлением узнала в нем Димитрия.

— Очень интересно, — мрачно протянула я, поднимая на него взгляд, — что ты тут делаешь?

— Как? — удивился Димитрий. — Я занял очередь и имею полное право принять участие в кастинге! Я полностью подхожу под все требования!

Он проскользнул в кабинет и осторожно прикрыл за собой дверь, а потом быстренько устроился на стуле для собеседуемых и закинул ногу на ногу.

— Смотрите, госпожа Эдита, — наследуя манеру обращения моих купидонов, проворковал Димитрий. — Вот объявление! В нем указано, что кандидат должен быть трудоспособным...

— И каким образом это относится к твоей ленивой заднице?

— Когда я хочу, я горы могу свернуть! — искренне заверил меня Димитрий.

Я в том не сомневалась. Когда надо напакостить или нарушить закон, он и все купидоны вместе с ним действительно способны сворачивать горы.

Вот только другое дело, что на полезные действия из них мало кто пригоден. Все как-то больше нервы мне треплют и морочат голову!

А Димитрий — хуже всех. Среди крылатых стрелков делать ему было нечего, строитель из него получался паршивый, а переговорщик — еще отвратительнее!

— Перейдем к следующим пунктам. Я невероятно обаятелен, — Димитрий скосил на меня взгляд, словно мне следовало подтвердить сей факт, но я даже виду не подавала, будто каким-либо образом когда-то поддавалась его обаянию. — Ну, Эди, признай! То есть, я хотел сказать, госпожа Эдита.

— Та Эди, которая поддавалась твоему обаянию, нашла иное место в наших мирах, — серьезно промолвила я.

Димитрий надулся. Он понимал, что скорее всего услышит от меня что-то подобное, но, очевидно, все еще таил надежду на более благоприятное решение своих вопросов.

— Ты жестока, — сердито отметил он. — Никакой любви к ближнему своему. Но, ладно, предположим, ты права. Но вот следующий пункт. Желание нести людям благо! Разве я не...

— Димитрий, — оборвала я его, — чего ты хочешь?

— Работать купидоном!

Я хотела перечислить еще несколько десятков недостатков Димитрия, о которых он и сам прекрасно знал, но в последнее мгновение остановила себя. Кому я что доказываю? Разве я не понимаю, что купидон совершенно не стремится к справедливости? Он способен вывернуться из любой неудобной ситуации за счет постоянного трепа, так почему мне вообще стоит тратить на него время?

Знаю же, что это будет бесцельно.

— Хорошо, — сдалась я. — Пройдешь испытание — будешь работать.

— Какое испытание?

Я только молча протянула ему руку.

На самом деле, я проделывала это далеко не со всеми. По некоторым соискателям было сразу понятно, что никакие они не купидоны. У них за спиной просто не могли распахнуться крылья. А вот когда я сомневалась и имела определенную надежду на то, что этот парень или эта девушка все-таки окажутся пригодными к работе, то давала им возможность проявить себя.

И показать, что они способны взлетать.

У меня не было ни малейшей надежды на Димитрия, но я все-таки решила дать ему шанс. В первую очередь потому, что не сомневалась: он сведет меня с ума, если не получит

столь желанное разрешение. А чтобы отказать, нужен такой аргумент, который не под силу будет отрицать даже такому, как купидон.

Он скептически посмотрел на мою ладонь и поинтересовался:

— Ты предлагаешь мне целовать тебе руки? Я готов! Но Себастьян, боюсь, может не понять...

— Я предлагаю тебе просто взять меня за руку, — покачала головой я. — И не придумывать лишнего. А то ты уже собрался фантазировать, я вижу.

— Совсем не оставляешь шансов для полета мысли!

— Твоим мыслям летать нельзя. Их надо держать на коротком поводке.

Димитрий даже попытался продемонстрировать свою обиду, но вовремя понял, что со мной этот трюк не пройдет. Смирившись с локальным поражением, он все-таки сжал мою ладонь.

— И что мне делать дальше?

— Просто чувствовать, — пожала плечами я. — И молчать! — воскликнула предупредительно, заметив, что Димитрий уже открывает рот, дабы возражать.

Он покорно умолк и воззрился на меня. Я же закрыла глаза и просто пустила магический импульс.

Помнится, один из кандидатов в купидоны отозвался уже на первую искринку. Крылья, вспыхнувшие у него за спиной, были такими ослепительно-белыми, что я даже вынуждена была зажмуриться, чтобы не потерять зрение. Магия обозначила его как одного из лучших кандидатов в купидоны, и я, признаться, не решилась бы спорить с нею.

С Димитрием такого не случилось. Магия наполняла его, как нечто знакомое, видела, что когда-то у Димитрия были крылья, но... Ни единого шанса вернуть их сейчас у него не оказалось.

Я открыла глаза и увидела посмурневшего, опустившего голову купидона.

— Теперь, — поинтересовалась я, — ты понял?

— Это жестоко! — обвинительно воскликнул Димитрий. — Мне даже не дали второго шанса!

— Ты сам себе его не даешь, — возразила я. — Потому что ты не пытаешься исправиться. А должен!

— Я никому ничего...

— Должен, если хочешь вернуть крылья.

Димитрий притих. Очевидно, мысль о том, что он сможет вновь летать, была куда более вдохновляющей, чем пытался показать это купидон.

— Послушай, — я подалась вперед, — ты можешь занять эту должность. Если ты действительно примешься за работу, будешь активно участвовать в строительстве и трудиться над чистотой баланса. Тогда рано или поздно все темное уйдет от тебя.

— И я смогу летать?

Мне показалось, Димитрий действительно был очарован этой мыслью. Я не представляла себе, что такое иметь собственные крылья, но, наверное, не хотела бы их потерять.

— Сможешь, — утвердительно кивнула я. — Но только в том случае, если ты действительно справишься. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — тяжело вздохнул он. — Если я исправлюсь и стану на путь истинный, то я опять буду купидоном.

— Да. Но для этого придется потрудиться. Так что иди.

— Потрудиться, потрудиться... — Димитрий поднялся со своего места. — А я думал, мы друзья!.. — он перехватил мой взгляд и примирительно поднял руки вверх. — Понял. Молчу! Я сам во всем виноват, я, я и только я.

— Подожди, — остановила я его. — Там много бывших купидонов?

— Где? В очереди? Ну, почти все.

— И все это время они практически не работают над стойкостью, а нагло простаивают в очереди, — язвительно протянула я. — Исправляетесь — просто прелесть как!

— Но...

— Послушай. Передай им всем и сам запомни: я дам шанс бывшим купидонам и пойду проверять их вне очереди после окончания строительства. И тебя в том числе. А уже от вас зависит, какой результат покажет диагностика. Но если вы будете отлынивать, стоять в очереди и делать вид, что имеете полное право на крылья, пока не заделали еще все лишние коридоры — я выгоню вас без права возвращения! Ты меня понял?

Димитрий скривился.

— Понял. Я могу быть свободен?

— Ты мог даже не приходить, — отозвалась с усмешкой я.

Дверь со стуком захлопнулась. Я скептически посмотрела на целую стопку разрядок и задалась вопросом, сколько мне нужно будет стрел, чтобы все-таки разобраться со всем объемом? Мы старались идти на опережение, завтра свои первые, пробные стрелы получат новички... Нескольких, отобранных еще пару дней ранее, мы успели уже обучить. И они будут получать стрелы в полном объеме; скоро к ним, если повезет, присоединятся и остальные.

Чтобы отлить пятьдесят стрел, мне требовалось около часа. На сотню — в два раза больше времени. Если так пойдет и дальше, все, чем я вынуждена буду заниматься — это отливать стрелы. А усталость накапливалась. Порой я просто валилась с ног, не в силах выполнять служебные обязанности.

Нет, как бы я ни боялась, а придется что-то менять.

Я взяла в руки коммуникатор и ввела нужный код. Подождала с минуту, прежде чем Лиам наконец-то выйдет на связь.

— Слушаю, госпожа Эдита, — ответил он привычно спокойным голосом.

Надо же, совсем еще мальчишка, а уже такой профессионал... Лиаму должно было на днях исполниться шестнадцать, но он, определенно, был лучшим из моих купидонов.

— Здравствуй. Как успехи?

— Все стрелы уже нашли своих хозяев.

— Замечательно, — кивнула я, надеясь, что сегодня вечером увижу чан с материалом для стрел снова полным, а черные пятна на карте баланса станут все-таки чуточку меньше. — Послушай, Лиам... Ты у меня лучший, потому с этим поручением я могу обратиться только к тебе.

— Все, что скажете. Я готов на что угодно ради родной Канцелярии!

Я улыбнулась. Самое удивительное, что это была правда. Лиам вдохновляли не крылья, не высокая зарплата и не премиальные, которые у него, разумеется, были. У мальчика глаза загорались от одной мысли, что он может в самом деле помочь людям!

— Завтра утром жду тебя в Доме Любви. Перенесем туда временно штаб-квартиру.

Думаю... Думаю, тебе пора приобщаться к созданию стрел любви. Сама я не справлюсь. И прихвати с собой нескольких купидонов, самых надежных. Я доверяю твоему выбору. Будешь?

— Буду, госпожа Эдита! — пообещал Лиам. — Не переживайте. Справимся в лучшем виде!

Я улыбнулась.

С такими помощниками грех переживать, в самом деле.

## Глава тридцать четвертая

Восторг, вспыхнувший в глазах Лиамы при виде лаборатории любви, трудно было передать словами. Он и еще два купидона, Макс и Дамир, осторожно переступили ее порог и замерли у входа, любуясь нагромождением устройств. Я вспомнила о том, как сама оказалась здесь впервые и с каким видом рассматривала каждую деталь, и подумала, что мне немного не хватает трепета перед магией, которые испытывали исконные обитатели этого мира.

Хоть я и прожила двадцать четыре года в чужом мире, все же, так привыкла к тем реалиям, что здесь меня до сих пор очень многое удивляло.

— Остальные придут где-то через два часа, — сообщил Лиам. — Они как раз тренируют новичков, учат их стрелять и правильно ориентироваться по разрядкам.

— Замечательно, — улыбнулась я. — Собственно, я позвала вас сюда для того, чтобы нам было чем стрелять. Подойдите-ка сюда, — я поманила их жестом к себе.

Парни, стараясь ничего случайно не задеть, осторожно приблизились к чану. Он вновь стоял полный, ведь стрелы, которые были отлиты мною позавчера, вчера уже нашли своих истинных обладателей, подарили им любовь и вернулись сюда.

Поразительная технология. А самое прекрасное в ней — не зависеть от Георга. Я так радовалась, что мне не приходилось изо дня в день воевать с ним, требуя больше стрел! Нет, я могла просто спокойно выполнять собственную работу, не заботясь о том, что кузнец что-то там не закончил.

— Тут отливаются стрелы, — сообщила я. — Смотрите, как.

Я набрала небольшим черпаком необходимое количество металла — уже привыкла определять на глаз, сколько именно мне надо, — и осторожно залила в форму.

Несколько секунд — и оттуда в загодя подставленный ящик вылетела стрела.

— Ух ты! — воскликнул Макс. — Но ведь это долго, так по одной...

— Долго. И я трачу вечера на это, — кивнула я. — Но тут есть несколько черпаков и несколько форм...

Я обнаружила их достаточно давно, но до сих пор была уверена в том, что сама смогу со всем справиться. Вот только опыт показывал, что я не всесильна.

— И я подумала, что раз богиня любви одна, а орудия рассчитаны на несколько человек, значит, ей помогали. Ну, или эта работа предназначалась вообще для кого-то другого. Потому я позвала вас, как самых надежных, и рассчитываю на то, что вы поможете мне заниматься отливом стрел.

— Но если мы будем отливать стрелы, успеем ли мы отправлять их в цель? — поинтересовался Дамир.

— Думаю, можно делать наперед, — пожала плечами я. — Создавать запасы. Либо чередоваться. Но если я буду посвящать себя только стрелам, сомневаюсь, что отделу любви светит процветание.

Это было правдой. Руководя не слишком большим, но все-таки достаточно серьезным коллективом, я пришла к выводу, что необходим постоянный контроль. Стоило только что-то выпустить из виду, как моментально начиналось недопонимание и проблемы. Иногда я чувствовала себя просто невыносимо уставшей и мечтала лишь об одном — чтобы меня оставили в покое, и я была простым клерком, а не какой-то там богиней любви.

— Вы попробуете? — серьезно спросила я купидонов. — Вы можете отказаться. Я не буду противиться. Понимаю, что прошу вас о сложном. Но если вы согласны хотя бы попытаться...

— Мы попытаемся! — вскинулся Лиам. — Ну, по крайней мере, я.

— И я! — в один голос воскликнули Макс и Дамир.

Я с облегчением вздохнула.

— Тогда попробуете?

Они взяли по черпаку и попытались налить жидкий металл в форму. Получилось не сразу; Макс едва все не пролил, Лиам и Макс расплескали драгоценные капельки.

— Когда я только училась, брала не полный черпак, а понемножку, — пояснила я. — Наполняла за несколько приемов форму. Только когда приловчилась, стала делать все за один раз.

После этого совета дело пошло лучше. Сначала медленно, но потом все увереннее и увереннее купидоны создавали свои первые стрелы.

Я подумала, что, возможно, однажды мы дойдем до такого уровня функционирования отдела, что каждый купидон сможет создавать себе стрелы самостоятельно. Но пока что я не доверяла им всем настолько, чтобы позволить подобное.

От мыслей, а еще от духоты и внезапно навалившейся ответственности закружилась голова. Я жестом велела ребятам продолжать, а сама отошла к окну и распахнула его настежь.

Свежий воздух ударил в лицо. Была середина осени, листва на деревьях стремительно желтела, и на улице уже было довольно прохладно. Вериару мертвецы еще с недели две назад сделали отличный ангар, в котором он мог обитать, но у этого события оказалось немало недостатков. Дракон совершенно не хотел покидать насиженное местечко. Благодаря правильному питанию он потерял часть лишнего веса, но до успеха было еще слишком далеко.

Вот и сейчас, пока Брэй тренировал бывших купидонов, а нынче — перспективный строительный отряд с Димитрием во главе, Вериар лишь едва махал лапами.

— Это совсем никуда не годится! — пригрозил ему зомби. — Если вы, господин дракон, будете так заниматься, то, вероятнее всего, никогда не добьетесь успеха!

— Я и так успешен донельзя, — возмущенно прорычал Вериар. — Что еще от меня требуется? Стоять на ушах?

— Работать! — ответил Брэй. — Переходим к прыжкам... Нет-нет, не отлыниваем, все переходим к прыжкам! Вериар!

— Я не могу прыгать!

— Можете!

Порыв ветра ворвался в комнату, словно выражая драконий гнев. Я поежилась и с удивлением увидела, как что-то блеснуло на окне. Ветер подул сильнее, и предмет просто слетел с подоконника. Я подалась вперед и с ужасом осознала, что на траву у дома падала любовная стрела — одна из первых изготовленных мною.

Надо было крикнуть, но я не успела. Даже не заметила, куда она запропастилась.

— Прыгаем! — закричал Брэй, легко перекрикивая мои слабые попытки привлечь внимание. — Вериар, быстрее!

Дракон окончательно разозлился. Достаточно, чтобы с усилием оторвать свою тушу от земли и с грохотом рухнуть обратно.

Вот только на ногах он не устоял. Вместо этого повалился и почти что шаром покатился по земле. В траве что-то блеснуло, а когда Вериар выпрямился, я с ужасом увидела, что у него из зада торчит любовная стрела...

— Оставайтесь здесь, — быстро бросила я троим купидонам. — Продолжайте работать.

От осознания, какими жуткими будут последствия от отравления Вериара любовной магией, я едва не лишилась чувств. Ведь он — дракон, огромное, могущественное существо! У него в распоряжении наверняка огромное количество способностей, о которых мы все даже не догадываемся! И сейчас он мог легко потерять разум из-за моей неосторожности.

Я даже не представляла, как могло произойти такое. Оставить стрелу на подоконнике так, словно и не было ее, поразительно! Ведь я всегда так старательно следила за пополнением чана, строго относилась к купидонам, говорила им, что терять стрелы нельзя, что за новой партией они могут прибыть только в том случае, если израсходуют старую, а сама!..

Это было просто ужасно. Я подвела не только себя, но и Рене, Себастьяна, да что там, каждого, кто трудился над балансом все это время. Даже любовный патруль — ведь они умудрились спасти немало людей, выдергивая из них искривленные, испорченные стрелы...

Я выскочила на улицу, не заботясь о том, что слишком легко для того одета. Для того, чтобы добраться до тренировочной площадки, пришлось обежать дом, и я чувствовала невероятную дрожь в ногах. Едва не свалившись прямо на мокрую после ночного дождя землю, я все-таки добралась до тренирующихся экс-купидонов и дракона...

И с ужасом обнаружила, что ни следа стрелы в драконьем заде уже не было.

Он устроился на мокрой земле и с удивлением рассматривал свои лапы. Брэй хотел было прикрикнуть на Вериара, но, заметив меня, явно осознал, что не следует сейчас трогать дракона, и жестом велел купидонам следовать за ним. Они приступали к своей стандартной пробежке.

— Эдита, — тем временем ошеломленно промолвил дракон. — Что только что произошло?

— Ты сел на любовную стрелу, — честно сказала я.

— А? Нет, я не об этом! — отмахнулся от меня лапой Вериар. — Понимаешь, только что ко мне пришло настоящее прозрение. Я понял, что всю эту жизнь провел не так, как следовало! На меня снизошло откровение...

Я удивленно уставилась на дракона. Откровение? Может быть, он вспомнил о какой-то драконихе, которую знал несколько сотен лет назад?

— Все это время я жил неправильно. Я совершенно не любил себя. Не берег и не ценил. Ведь любовь к себе выражается в занятиях спортом, в следовании истинной цели, в работе на благо человечества! А я? Я только и делал, что жрал и сидел на хвосте ровно, нисколько не заботясь об общем благе...

Я едва не поперхнулась. То, о чем говорил Вериар, конечно, просто замечательно звучало, но мне все равно трудно было поверить, что он все это говорил серьезно!

— А теперь мне внезапно открылись все мои ошибки. А самое главное, я увидел дорогу! Дорогу, которая просто обязана вести меня к успеху.

— И какая же это дорога? — опасливо уточнила я.

Вериар поднялся, выпрямился, встряхнул крыльями.

— Я обязан заняться спортом. Правильно питаться. Сбросить лишний вес. Это позволит мне наконец-то подниматься в воздух и почувствовать себя полноценным драконом! После

того, как я приведу себя в порядок, я вернусь в Лабиринт и сделаю все, чтобы закрыть там энергетические дыры. Я лично поговорю с каждым сотрудником Канцелярии и смогу донести до них, что изменения порой только на пользу, и это именно тот случай. Я!.. — он запнулся и повернулся ко мне. — Эдита! Спасибо! Ты лучшее, что случилось в моей жизни. Благодаря тебе я наконец-то сумел понять, как правильно себя любить! Надеюсь, ты не обидишься, если я временно прерву наш разговор? Мне необходимо догнать Брэя. Он обещал показать парочку отличных упражнений для сжигания жира!

Я и возразить-то толком не успела. Вериар склонился передо мной в изящном поклоне, что само по себе было парадоксальным для его немалых объемов, и решительно побежал прочь, размахивая хвостом. Мне оставалось только провожать его удивленным взглядом. Этот дракон, который даже поднимался на ноги лишь благодаря долгим уговорам, теперь бежал по собственному желанию! Да еще как!

Удивительно. Его не было в разнарядках, но Рене не раз говорил, что стрела может попасть в цель, даже если эта цель не была изначально обозначена таковой. Просто он всегда старался выделять на день определенную норму, а не передавать все данные скопом. Находил тех, кому достижение результата нынче будет важнее всего.

Может быть, Вериар просто не был среди разнарядок, но ему тоже нужна любовная стрела? Да, он не воспылал светлыми чувствами к какой-то драконихе, но любовь бывает разной. Любовь ко второй половинке, к родителям, к детям, в конце концов, к самому себе и ко всему миру, к родине! Рене как-то говорил, что стрелы помогают восполнить то, чего не достает человеку...

С драконом они повели себя совсем непредсказуемо.

— Эдита! С тобой все в порядке?

Я вздрогнула и обернулась, обнаружив Себастьяна у себя за спиной. А потом почувствовала, что улыбаюсь.

— Все замечательно, — промолвила я. — Все даже лучше, чем я могла предположить...

## Глава тридцать пятая

Стремительно холодало. В доме Любви оказалась далеко не такая замечательная отопительная система, как хотелось бы верить, и утром я проснулась, крепко прижимаясь к мужу. Себастьян обнимал меня за талию, но исходящее от него тепло, как и тепло от трех одеял, под которыми мы спали, не слишком-то исправляло ситуацию.

Я попыталась выбраться из кровати, не разбудив мужа, но Себастьян улыбнулся сквозь сон и решительно притянул меня к себе.

— Сколько тебя знаю, ты все время осуществляешь попытки бегства, — прошептал он мне на ухо. — Доброе утро, Эдита.

— Доброе утро, — я повернулась на бок, чтобы иметь возможность рассматривать лицо мужа. — Какие планы на сегодня?

Нашу жизнь, переполненную работой, трудно было назвать размеренной. Подходила к концу осень, близилась зима, и хотя до первых заморозков еще не доходило, я осознавала, что скоро они наступят. А возможно, были даже сегодня. Пытаясь успеть до серьезных холодов разобраться с не умиравшими до конца мертвецами, Себастьян частенько мотался по кладбищам и не ночевал дома. Я же много времени проводила в доме Любви, и купидоны за стрелами прибывали уже именно сюда — волочить тяжелые ящики в Канцелярию не было ни малейшего смысла.

Там активно шли строительные работы. Рене, ворча, что устал от постоянной пыли и шума, писал свои разрядки в покоях Хранителя Времени (никто из нас понятия не имел, где они находились, но Рене говорил, что ничего интересного там нет, только сплошное стекло и надоедливые лица Истинных). Я не знала, кто сейчас в самом деле работал именно в Канцелярии, но понимала, что периодически должна туда наведываться. Вот только так не хотелось...

Все же, приятно работать не в окружении негатива.

— Сегодня мне придется все-таки навестить Канцелярию, — внезапно сообщил Себастьян.

— Закончились мертвецы?

— Если бы, — вздохнул он. — Вчера связывался с Рене... Он просил кое-что проверить. Говорит, не нравится ему, что все пока что так гладко идет. Он теперь всюду ждет подвоха.

— Такова специфика его работы.

— Да... И в то же время, мне самому не все нравится. Может быть, конечно, у нас коллективная паранойя. Хотелось бы... Но в любом случае, наступает зима. Не лучшее время, чтобы отправлять мертвецов обратно в могилы.

Я заметила мелькнувшую во взгляде Себастьяна грусть. Он уставал на работе не меньше моего, а дело имел с материей куда менее приятной, чем любовь. Постоянно трудиться над тем, чтобы все мертвые реально умирали, а не продолжали свое торжественное шествие по деревьям, не самое приятное из занятий.

— Ты устал, — констатировала факт я, садясь в кровати и упираясь спиной в подушку. Себастьян придвинулся ко мне поближе и положил голову мне на колени.

— Порой, — честно сознался он, — мне очень хочется спрятаться от всего мира и просто быть с тобой рядом. Чтобы никакого долга, никаких Истинных, никаких деревень и никакого баланса... Но я понимаю, что это несбыточная мечта.

— Почему? Возможно, пройдет немного времени...

— Работа будет всегда, — твердо произнес Себастьян. — Даже если ситуация наладится. Слишком все серьезно запустили, чтобы в один миг все потекло так, как должно, и в мире не осталось ничего столь вредоносного, Эдита. Да, тот же Базилий потерял свое бессмертие, а сколько Истинных, работавших рука об руку с Матильдой, не получили должного наказания? И они ведь стремятся продолжать в том же духе. Потому что баланс исчерпает их быстрее, чем мы успеем все наладить.

— Давай не будем о грустном, а?

— Не будем, — кивнул он и, перехватив мою ладонь, быстро поцеловал в запястье. — Так что я сегодня в Канцелярию, и до весны у нас, наверное, перерыв с поиском несанкционированных мертвецов. А ты?

— Ну, мне тоже надо бы в Канцелярию. Поедем вместе?

— Поедем, — согласился Себастьян. — Но все же, я потребую у Рене недельку отпуска и увезу тебя куда-нибудь отсюда... Например, ближе к Новому году. Чтобы мы могли отдохнуть, побыть вдвоем...

— Не уверена, что у меня получится.

— Надо, чтобы получилось, — расплылся в улыбке Себастьян. — Ты же тоже не рабыня собственной должности, Роза. Ты не должна постоянно быть привязанной к рабочему месту.

Я вздохнула. За этот месяц я вроде как делегировала некоторые полномочия своим помощникам, но проще не становилось. Бесконечные кастинги купидонов закончились успешно, но с новыми ребятами еще приходилось работать и консультировать их, отслеживать их работу, а заодно проверять, все ли они делают правильно. Строительство тоже шло полным ходом, но я не успевала добраться до Канцелярии, чтобы все внимательно просмотреть и убедиться в том, что Димитрий и компания умудрились не развалить половину лабиринта.

Стрел становилось все больше, разнарядок — тоже. И хотя мы почти разгребли завал со старыми, Рене предупреждал, что поток новых может увеличиться. Я понимала, что скоро мне одного чана будет не хватать, но где взять материала больше? От этого всего пухла голова, а посоветоваться толком было не с кем. Себастьян разбирался с мертвецами, Рене утопал в аналитике, жалобах и необходимости следить за Истинными, Вериар так активно занимался собственной фигурой, что я его практически не видела... Да и собственное отвратительное самочувствие порой давало о себе знать. Изредка я задавалась вопросом, не сходить ли к врачу, но это ж надо было найти достаточно свободного времени! И врача тоже.

А я даже не сказала Себастьяну о том, что мне плохо и что организм ведет себя невесть как.

— Ладно, — сдалась я, — тоже подумаю над отпуском. Но сейчас давай в канцелярию? И не говори при мне об отдыхе, пока у меня нет ни малейшего шанса на него попасть...

— Хорошо, — покачал головой Себастьян, — не буду, — он сел, потянулся ко мне, поцеловал в щеку. — Тогда одеваемся и в Канцелярию?

— Да, — кивнула я. — Тем более, Брэй уже давно ушел... Надо посмотреть, что там у них.

Я выбралась из постели, открыла шкаф и минут десять рассматривала одежду, не зная, что выбрать. Не то чтобы наряд был для меня так важен; просто я никак не могла избавиться от ощущения, что сегодня произойдет что-то плохое.

— Ты какая-то тревожная, — отметил Себастьян, останавливаясь у меня за спиной, и

поцеловал в плечо. — Точно все в порядке? Может, я могу как-нибудь помочь?

— Все хорошо, — отмахнулась я. — У меня перед началом зимы всегда хандра. Так что не обращай внимания.

— Зима — прекрасное время, — возразил мужчина.

— А вот конец осени — не особо. Все серое, витаминов не хватает... Забудь, — махнула рукой я. — Я в порядке. Не стоит заострять внимание.

— Уверена?

— Ага. Была б не уверена, не говорила б так. Какой толк мне от тебя что-то скрывать?

Себастьян крепче обнял меня и уткнулся носом в мои волосы. Я прижалась к его груди и тяжело вздохнула.

— Ну, например, потому, что ты у меня очень самостоятельная и стараешься все проблемы решить самостоятельно. Не говоришь мне о том, как у тебя на работе...

— Да все в порядке у меня на работе, — закатила глаза я. — Даже Аделина больше не язвит. Работает. Кто б мог подумать, мне и на патруль этот любовный жаловаться не приходится...

На самом деле, меня смущало, что отравленных стрел они приносили не то чтобы слишком много. С одной стороны, была надежда на то, что просто купидоны не успели настолько нашкодить, но... я же видела монитор баланса. Если б все шло настолько хорошо, темных пятен давно осталось бы намного меньше! А они практически не уменьшались. И Рене говорил, что динамика его не слишком радует.

Но вдруг мы просто очень спешим? Три месяца — короткий срок, и вряд ли за этот период могло произойти что-то настолько серьезное. Людям необходимо привыкнуть к новой жизни, очистить сердца. Балансу тоже надо время на полное восстановление.

Успокоив себя этими мыслями, я наконец-то выбралась из объятий Себастьяна и схватила первый попавшийся свитер и брюки. В последнее время я совсем не обращала внимания на то, что надеваю, ела кое-как. Порывалась присоединиться к занятиям своих купидонов-строителей, но, посмотрев из окна на то, как они бегали вокруг дома, улепетывая от вдохновленного и страх какого мотивированного Вериара, решила, что пока что меня мой вес полностью устраивает.

Вот если окончательно разъемся, тогда и буду что-то придумывать.

— Ты у меня самая красивая, — словно почувствовав что-то, ну, или заметив, что я дольше обычного задержалась у шкафа и зеркала, прошептал мне на ухо Себастьян. — Только эта работа выпивает из тебя последние соки.

— Да. Я скоро буду зеленой, как трава. Или серой, как осеннее небо, — кивнула я, решительно захлопывая шкаф. — Ты прав, в отпуск надо. И...

И к медику бы, но да черт с ним.

Впрочем, аппетит постепенно возвращался. Я даже съела то, что предлагал мне Томас, и сегодня меня не воротило от запаха съестного — хороший же признак! Себастьян с любопытством косился на меня, словно подозревая в чем-то, но ни слова не сказал.

Все было хорошо, вплоть до того момента, пока не пришло время выезжать. Я посмотрела на повозку, и от одной мысли, что сейчас мы понесемся по воздуху, мне стало не по себе. Надо же, стала домоседкой, привыкла в основном принимать дома!

— А мы можем поднять крышу? — попросила я Себастьяна, забираясь внутрь. — Что-то мне как-то...

— Можем, конечно. Но ты же раньше не боялась?

— Да не знаю, — я пожалала плечами. — Раньше не боялась, а сегодня как-то не по себе стало. Но мы же можем, правда?

— Не переживай, — улыбнулся Себастьян.

Он что-то пробормотал себе под нос, и у повозки привычно выросли стены. Дыру от колдовской стрелы на них давно залатали, и теперь внутри было вполне уютно. Я откинулась на спинку сидения и закрыла глаза, велев себе не думать о том, что мы летим на невероятном расстоянии над землей.

— С каких это пор тебя стали пугать полеты? — поинтересовался Себастьян, поймав меня за руку. — Эдита, ты точно нормально себя чувствуешь?

Я пожалала плечами.

— Да нормально вроде, — промолвила я, понимая, что звучит это очень неубедительно. — Просто мы давно не летали, вот я и отвыкла немного.

— Да? Ну ладно, — хмыкнул Себастьян. — Будь по-твоему.

Если честно, я ждала, что он будет спорить. Но для этого и времени-то не осталось: повозка уже приземлилась, я почувствовала это по тому, как ее внезапно встряхнуло. Себастьян толкнул дверцу, выскочил первым на землю и подал мне руку.

— Спасибо, — поблагодарила я. — На самом деле, мне уже месяца два...

Я хотела сказать, что вот уж несколько месяцев как чувствую дурноту, но не договорила. Потому что узрела одного из бывших купидонов, нынешнего строителя, прямо в метре от себя.

— Дэн? Ты чего тут, а не в Лабиринте? — удивленно спросила его, но парень сделал шаг вперед и направил на меня дикий, одержимый какой-то взгляд.

— Эдита, — хрипло прошептал он. — Эдита, — повторил еще раз — и, отшвырнув в сторону Себастьяна, вдруг бросился на меня.

Я, вскрикнув, втиснулась в стенку повозки. Дэн уперся руками в поверхность по обе стороны от меня и смотрел взглядом, полным безумия. Откуда только у него взялось столько сил!

Призрачные кони всхрапнули, выдавая беспокойство.

— Дэн, что происходит?

— Ты — моя, — прорычал он. — Ты будешь только моя!

Я никогда не видела Дэна таким. Его нельзя было назвать идеальным купидоном, в конце концов, не просто так он оказался в исправительном строительном отряде, но никаких замашек убийцы прежде у парня не было. Сейчас же он, казалось, был готов руками смять стенку повозки у меня за спиной, а Себастьяна оттолкнул с такой силой, что тот не сразу смог встать на ноги.

Краем глаза я заметила, как попытался подняться Себастьян, но понимала, что при всем желании не могу ему помочь. Дэн нависал надо мной, и в его глазах мелькало что-то дьявольское.

— Оставь ее в покое, — раздался за спиной голос Себастьяна.

Дэн дернулся, оборачиваясь, и я воспользовалась этой возможностью, чтобы схватить его за запястья. Магия любви не предполагала использование никаких разрушающих заклинаний, но зато могла успокоить, привести человека в чувство.

Однако, я столкнулась со сплошной тьмой. Дэн напоминал некий сосуд, доверху наполненный мутной, вязкой жижей. В нем самом можно было захлебнуться. Сколько мыслей!

Я в ужасе отшатнулась от него, разрывая контакт. Дэн же стремительно повернулся к Себастьяну и бросился на него.

Что-то блеснуло. Я не была уверена, что мне не чудится, но на спине Дэна нечто сверкало золотым. Знакомым золотым...

Как будто там была стрела.

Себастьян встретил Дэна сильной магической атакой. Черные магические нити, чем-то напоминающие хлыст, стремительно расползались во все стороны, опутывая его руки и ноги, пытаясь остановить.

— Он заколдован! — крикнула я мужу, даже не зная, зачем, то ли предупреждая об опасности, то ли надеясь на то, что он не станет причинять экс-купидону слишком большой вред.

Дэн рванулся, разрывая на мелкие ошметки те магические путы, которыми воспользовался Себастьян, и вновь двинулся вперед. В каждом его шаге чувствовалась опасность; он издал короткий боевой рык и ринулся на моего мужа.

Себастьян едва успел вскинуть руки. Перед ним возникла сплошная колдовская стена, достаточно плотная для того, чтобы не пропустить сквозь нее Дэна. Купидон бился, пытаясь прорваться, впивался пальцами в тьму, сминал ее, словно это была не магическая преграда, а тонкий бумажный лист.

— Эдита, беги! — крикнул мне Себастьян. — Я с ним разберусь!

Бежать? Я очень сомневалась, что мой супруг действительно сможет что-то с ним сделать. Дэн шел вперед, как безумец, не осознавая, что происходит вокруг. Он вряд ли понимал, что причиняет кому-то вред, просто двигался к своей цели.

— Я ее заберу, — прошипел он. — Она моя. Она моя. Я ее заберу.

Проклятье! Да что ж это такое?

Вышло солнце, спрятавшееся было за тучами, и я отчетливо увидела торчавшую из спины мужчины стрелу. Она, пугающе кривая, застряла между его ребрами. Если прищуриться и попытаться переключиться на магическое зрение, то можно было увидеть, что именно из стрелы исходила вся та жуткая энергия, которая так напугала меня в Дэне.

И вариантов для его спасения было всего два. Выдернуть эту стрелу...

Или убить.

Потому что, пока она все еще в его теле, спасти купидона будет невозможно.

Я рванулась вперед, не обращая внимания на внезапно накотившую на меня дурноту, схватилась за стрелу и решительно выдернула ее из спины Дэна. Он, казалось, даже ничего не почувствовал, только вдруг затих и опустил руки, а потом рухнул без чувств.

Себастьян едва успел остановить набравшее обороты заклинание и поднял на меня удивленный взгляд. А я молча продемонстрировала ему изогнутую любовную стрелу.

— Кажется, — прошептала я, — у нас с тобой серьезные проблемы.

## Глава тридцать шестая

Себастьян, игнорируя мои попытки помочь, сам затащил Дэна в повозку. Раздраженно ударив ладонью по невидимому рычагу, он заставил крышу исчезнуть. Серое осеннее небо делало бедного экс-купидона еще более бледным и еще более похожим на труп, но он дышал — я видела, как медленно поднималась и опускалась его грудь.

— Скоро должен прийти в себя, — мрачно промолвил Себастьян. — По крайней мере, по ауре — оживает потихоньку. Но я не думал, что одна стрела, воткнутая не в то место, может настолько помешать.

— Я тоже не думала, — отметила я. — Но, как видишь...

— Это кто-то из твоих?

Заняв место в повозке, я задумчиво посмотрела на стрелу, которую все еще держала в руках. Кривая, едва ли не завязанная в узел, она меньше всего напоминала мне то, что удавалось отлить с помощью чана и тумбы в лаборатории Любви.

— Нет, не из моих, — промолвила тихо я. — Потому что наши стрелы выглядят совершенно иначе. Понимаешь, я думаю... Ее уже явно не один раз использовали. Она не просто так накопила столько негативной энергии в себе. Но мы утилизировали все, что нашли!

— Если все дошло до твоих рук.

Спорить против этого не было ни малейшего смысла. Я понимала: если такое произошло с Дэном, то еще одну испорченную стрелу любви могли использовать против кого угодно. А что, если их несколько?

Мне стало не по себе. Перед глазами вспыхнул монитор, на котором все так же упорно расплзались черные пятна. Да, мы немного остановили прогрессирующий дисбаланс, но не окончательно. Только дурак бы считал это полным успехом. Рене говорил, что ему не нравятся эти темпы, но я так упорно повторяла ему, что прошло еще слишком мало времени, надо больше трудиться, и мы обязательно справимся...

Наверное, это я виновата. Если б я не отвлекала Рене, дала ему возможность сконцентрировать внимание на происходящем, наверное, он бы понял, что что-то здесь не так...

— Не накручивай себя.

— Я...

— Я уже слышу эти мысли в твоей голове, — решительно промолвил Себастьян. — И вижу, как ты начинаешь взваливать на себя ответственность за все, что произошло. Давай все-таки обойдемся без этого, ладно? Эдита, если кто-то затевает такую опасную игру, то ему явно плевать на наши усилия.

— Но мы не можем просто так остановиться!

— Конечно, нет. Подумай хорошенько, это точно не одна из твоих стрел?

Я взглянула на опасное оружие. Оперение, форма, гладкость металла — все было другим! Но я не знала, насколько испортилась бы моя стрела, оказавшись воткнутой не в того человека.

Но нет, я все-таки могла гарантировать, что это не моя стрела. Я помнила тонкую нить, что привязывала монету амулета. И помнила, как Георг грубо, едва ли не проволокой прикреплял крупные старые амулеты.

— Это не моя стрела, — решительно промолвила я. — Она старого образца. Лаборатория любви к созданию этого не имеет ни малейшего отношения.

— Что ж, уже хорошо, — кивнул Себастьян. — По крайней мере, мы понимаем, что среди наших купидонов предателей нет.

Я взглянула на Дэна. Ему, должно быть, абсолютно все равно, кто именно ударил его кривой, изломанной стрелой. Мужчина тяжело дышал и не спешил приходить в себя. Себастьян натянул ремень безопасности, фиксируя его на сидении, но Дэн вновь завалился в сторону и захрипел, словно пытаясь что-то сказать.

— Что будем делать? — спросила я у Себастьяна.

Он закрыл глаза, словно пытаясь собраться с мыслями.

— Не знаю, — наконец-то честно ответил мужчина. — Правда, не знаю.

Я никогда не видела своего мужа настолько растерянным. Даже когда нас атаковала Матильда, он был куда более уверен в нашем счастливом будущем, чем сейчас. Возможно, осознавал, насколько все безнадежно? Или успел догадаться о чем-то, чем не спешил делиться со мной.

— Ты что-то задумал, — осознав наконец-то, что значил этот взгляд Себастьяна, выпалила я. — Говори, что именно!

И все же, я не сомневалась, что мне не удастся заставить его признаться.

— Эдита, — Себастьян сжал мою ладонь, то ли пытаясь успокоить, то ли надеясь таким образом просто привлечь внимание. — Тут без помощи Рене не разобраться. Ты же понимаешь.

— Понимаю, но...

— Я пойду к нему в обитель. А ты отправляйся домой.

Я решительно покачала головой.

— Нет, я с тобой!

— Эдита, — Себастьян подался вперед. — Со мной все будет хорошо. Я уже взрослый мальчик. А тебе надо доставить Дэна к кому-то, кто может его осмотреть. Он же может умереть без медицинской помощи, понимаешь? Кроме того, — мужчина скривился. — У меня есть кое-какие догадки. Эдита, домой.

Я открыла рот, чтобы запротестовать, заявить, что ни за что не оставлю Себастьяна одного — не хватало только расставаться с собственным мужем в такой важный момент, когда всем нам грозила опасность, и бросать его одного лицом к лицу с возможными преступниками! — но он уже выпрыгнул из повозки и решительно взмахнул рукой.

Мертвые лошади рванули вперед, когда я еще и дернуться не успела. Повозка оторвалась от земли и стремительно взлетала в воздух, увозя меня от Себастьяна.

Миг — и он превратился в крохотную точку, а я почувствовала, как больно бьет ветер по заплаканному лицу. Дэн все еще валялся без сознания рядом, и мне приходилось придерживать его одной рукой, чтобы бедняга не выпал во время полета. Разумеется, одно такое падение было бы смертельным.

Еще никогда призрачные кони не мчались настолько быстро. Они взмывали в воздух, стремительно рассекали его собственными невидимыми телами, и повозку дергало из стороны в сторону. В какую-то секунду мне казалось, что она просто разобьется, не выдержит напряжения, но лошади уже пошли на снижение. Минута — и они ударили копытами о землю.

Меня подбросило на сидении. Впереди виднелся дом Любви, но только не с передней

стороны, а с тыла. Лошади опустили на первую подходящую площадку.

Следовало испытать хоть какое-то облегчение — все-таки, я оказалась дома, — но я не могла избавиться от жуткой, снедающей меня тревожности. Вскинула голову и с ужасом уставилась на разбитое окно.

Это была лаборатория Любви. Именно из этого окна выпадала стрела, так вдохновившая Вериара, что он теперь сутками напролет бегал вокруг дома и старался сбросить таким образом лишний вес. Теперь внизу, там, где была стрела, валялись куски стекла.

— Проклятье, — прошипела я. — Этого только не хватало!

Мне пришлось оставить Дэна прямо в повозке. Я бросилась ко входу в дом, нисколько не сомневаясь, что не смогу вытащить его наружу. Мне для этого элементарно не хватит сил.

Внутри было также спокойно, как и обычно. Мадам Дюбо как раз мыла полы и, узрев меня, предупредительно воскликнула:

— Куда ж вы по помытому! В грязной обуви!

— Не время, — рявкнул я в ответ.

Не хватало только разуваться сейчас.

Скелетиха возрилась на меня с таким искренним удивлением, словно я только что послала ее к лешему. Если б могла покраснеть — покраснела бы наверняка, настолько обиженной сейчас она мне показалась. Но... Признаться, я сейчас четко понимала лишь одно — любое промедление подобно смерти, и если я не хочу стать такой же скелетихой, которую, впрочем, не будут заботить даже вымытые полы, потому что никто ее из гроба не выпустит, то должна спешить.

— Там, снаружи, наша повозка, — выпалила я. — В ней человек. Помогите ему, быстро. И не надо мыть полы, это подождет!

Мадам Дюбо пыталась возмутиться, но я уже промчалась мимо нее, нисколько не заботясь о том, что обо мне подумает эта давно уже умершая женщина. Скорее, скорее!

Я не знала, куда именно спешу и что пытаюсь предотвратить, только никак не могла избавиться от ощущения, что любая секунда может стоить кому-то жизни.

Дверь в лабораторию любви была прочно закрыта, так, как я и оставила ее. Купидоны хорошо потрудились вчера вечером над запасом стрел, потому сегодня должны были прибыть только во второй половине дня. По логике, внутри должно быть пусто...

Но я своими глазами видела разбитое окно.

Если цель не в доме, значит, злоумышленники искали что-то в лаборатории.

Я решительно распахнула дверь и замерла на пороге, невольно жмурясь. Кто-то явно пытался перевернуть чан; он стоял, накренившись, и несколько капель уже упало на пол, но страховочный механизм не позволил пролить все. Потери были ценою в десяток стрел; благо, чан не был полон после того, как вчера изготавливали новую партию.

Одна из форм для стрел валялась, расколотая пополам, и я бросилась к шкафу, где хранились две других. Они оказались в порядке; кто б тут ни хозяйничал, он понятия не имел, чем на самом деле пользовались купидоны.

Перевернутые колбы, разнарядки, разлетевшиеся по полу... В лаборатории что-то искали, но все повреждения не были критичными.

Я была уверена в том, что злоумышленник уже успел покинуть лабораторию, но запоздало вспомнила о двери в потайную комнату, той самой, где находился монитор. Одного взгляда, случайно брошенного в ту сторону, оказалось достаточно, чтобы увидеть узкую щель. Дверь явно пытались взломать...

И достигли успеха.

Наверное, мне следовало позвать кого-то на помощь, но сейчас времени на это не было. Я бросилась к двери, молясь, чтобы монитор все еще был в пригодном состоянии, толкнула ее в сторону, врываясь в потайную комнату, и застыла.

Мужчина, одетый в странные, слишком яркие одежды, застыл над монитором любви, занеся над ним что-то смутно напоминающее молот кузнеца. Такой я видела у Георга и полагала, что он был невероятно тяжелым. Злоумышленник едва стоял на ногах; вес предмета для него явно был непомерным, и ему приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не рухнуть и не уронить молот себе на голову.

— Стой! — воскликнула я.

Он медленно обернулся, и я почти без удивления узнала Дмитрия. Испуганного, с широко распахнутыми, будто у пьяного, глазами, в которых застыло что-то стойко напоминающее ужас.

Казалось, одного момента неожиданности было достаточно, чтобы он сдался. Молот выпал из его рук, чудом не зацепив ни голову экс-купидона, ни монитор, и с грохотом упал на пол, проваливаясь в казавшиеся крепкими доски, словно в песок.

— Эдита, — как заговоренный, пробормотал он.

А я с ужасом увидела золотившуюся в груди стрелу.

Тянуть нельзя было ни минуты. Я уже видела, на что был способен Дэн, отравленный такой же стрелой. И сомнений в том, что Дмитрий тоже может раздавить меня голыми руками, не оставалось никаких.

Но на моей стороне был элемент неожиданности. Я бросилась вперед, схватилась за изогнутое, измятое оперение стрелы и с силой рванула ее на себя, не заботясь о том, что произойдет с купидоном. Дэну стрела физически не причинила никакого вреда.

На меня брызнула кровь. Парень тихо охнул и зашатался, а я, сжимая погнутую стрелу, попятилась, отступила от купидона. Тот испуганно моргал, приходя в себя, и махнул руками, пытаясь прикрыть зияющую в груди рану.

— Дмитрий, — позвала я его. — Дмитрий, ты меня слышишь?

Экс-купидон поднял на меня мутный взгляд и медленно склонил голову в согласном кивке.

— Эди, — прошептал он. — Прости. Я не хотел, правда. Это не я...

Я с ужасом воззрилась на еще одну ядовитую стрелу, которую держала в руке. Сейчас она стремительно осыпалась пылью в моей руке. В лаборатории любви стало внезапно холодно — наверное, из-за разбитых окон. Я задалась вопросом, почему никто их мертвецов не услышал, что здесь что-то происходило... Но они, вероятно, просто слепо следовали приказу никогда не пересекать порог Лаборатории. Я опасалась, что их энергетика может повредить этой святыне — возможно, в какой-то мере переиграла сама себя.

— Эди, — Дмитрий всхлипнул. — Я очень хотел исправиться. Клянусь.

У него в груди зияла рана. Стрелы любви не должны были оставлять физических следов, но... Они и отравлять не должны.

Дмитрий медленно опустился на колени. Монитор любви поблескивал то тут, то там вспыхивающими черными точками. Я такого никогда не видела, только ошеломленно наблюдала за тем, как стремительно распространялась тьма.

Мы столько боролись, чтобы вот так...

— Кто с тобой это сделал? — я рухнула на пол рядом с Дмитрием и поймала его за

руки. — Скажи, кто?

— Аделина, — прошептал он и закрыл глаза.

Любовный патруль. Все это время они собирали отравленные стрелы — купидоны наделали достаточно бед и многократно нарушали закон, так что материала хватало. А теперь... Я понимала, чем были эти точки. Кто-то разбрасывал ядовитые стрелы повсюду, где только мог. То, что мы пытались победить, теперь настоящей заразой расплодилось по миру.

Я крепко сжала дрожащие пальцы Димитрия. Руки у него стали совсем холодными, парень умирал.

— Я видел, — прохрипел он. — Я видел, как портал завалили... Заперли их... Там... Муж твой...

— Он живой?

Димитрий не ответил. Он издал тихий стон и закрыл глаза. Ладони стали совсем ледяными. Но я не могла позволить Димитрию просто так умереть. Только не сейчас! Не тогда, когда он мог в самом деле помочь, не тогда, когда от его ответа столько всего зависело.

— Кого заперли? Где? — я встряхнула Димитрия, но без толку.

И тогда, уже не думая о последствиях, я просто втокнула в него собственную силу. Магия, густая, терпкая на вкус, лилась из моих рук. Рана на груди экс-купидона перестала кровоточить; сквозь обрывки одежды я увидела, как стягивается его кожа.

Димитрий уже не был настолько бледным. Он с трудом открыл глаза, пытаясь сфокусировать на мне взгляд, и уже гораздо четче прошептал:

— Из Канцелярии в обитель Истинных вел проход, единственный шанс туда попасть. Мы строили все вместе, когда пришел Себастьян. Ему к Рене надо было, и он увидел там Аделину. Он сказал ей что-то, а потом я помню только стрелу и... Себастьян провалился в портал за секунду до того, как он осыпался.

— Как еще можно попасть в обитель Истинных?

Димитрий только отрицательно покачал головой, словно я спрашивала, можно ли вообще туда попасть, и потерял сознание. Вряд ли его жизнь до сих пор была под угрозой, но я не сомневалась, что не получу от бывшего купидона ни одного вразумительного ответа.

Кто мог еще об этом знать? Рене? Вряд ли он выйдет на связь. Себастьян? Неизвестно, что с ним произошло. Кто?..

Верияр.

Я подняла отчаянный взгляд на монитор. Черных точек с каждой секундой становилось все больше, и я понимала, что теряю драгоценное время. Мне нужен был дракон. Немедленно. Вне зависимости от того, захочет он мне помогать или нет.

Я оставила Димитрия на полу, умом понимая, что вряд ли еще чем-то смогу ему помочь. Ему придется подождать.

А сама, бросив последний взгляд на монитор любви, бросилась на улицу.

Даже если этот дракон не согласится мне помочь, я его заставлю!

# Глава тридцать седьмая

— Вериар!

Я выскочила на улицу и замерла на последней ступеньке крыльца.

— Вериар!

— Ну зачем так орать? — дракон, потерявший, кажется, половину собственного веса, но все еще далекий от понятия «худой» высунулся из своего ангара. — Что случилось?

— Мне надо попасть в обитель Истинных, — выпалила я, не соизволив даже попытаться описать ситуацию.

На это не было времени. Я смотрела на Вериара, а видела, как улетают прочь секунды — те последние возможности еще помочь Рене и Себастьяну, если они до сих пор живы и в относительном порядке.

Дракон выбрался из гаража полностью. Сейчас, когда он не напоминал огромный шар с лапками, я в полной мере оценила, насколько он на самом деле был огромен. Длинный хвост, сильные лапы, шея, которой прежде и вовсе не было видно... Только чешуя на Вериаре сидела, словно чужая — слишком большая для его нового тела. Я не знала, линяли ли драконы, как, например, змеи, а спросить прежде не рисковала. Сейчас было не до того.

— Это очень просто, — махнул хвостом Вериар. — Портал находится в Канцелярии. Я могу показать тебе на плане, где он находится, и дать запасной ключ — где-то он у меня был...

— Портал обвалился.

Вериар застыл.

— Что? — переспросил он.

— Мне сказали, — уверенно промолвила я, — что портал в обитель обвалился. Теперь таким образом туда попасть нельзя. Но я уверена, можно как-то еще! Должны быть другие входы-выходы! Мне надо быть там немедленно, Вериар!

Дракон серьезно взглянул на него, и в его глазах блеснуло что-то смутно похожее на сожаление.

— Боюсь, я никак не смогу тебе помочь.

— Но почему?!

Он опустил на уже высохшую, пожелтевшую траву, поджал под себя лапы и принял позу, достойную кота.

— Потому что обитель Истинных находится в горах, — он прочертил хвостом тонкую линию по траве, словно пытаюсь нарисовать мне карту. — И чтобы добраться до нее, необходимо либо открывать портал — а ты говоришь, что он был разрушен, — либо лететь, формируя путеводную нить...

— И ты можешь это сделать.

Вериар воззрился на меня, как на сумасшедшую. Несмотря на то, что солнца не было, его чешуя заблестела, выдавая внутреннюю магическую вспышку.

— Послушай, — тихо промолвил Вериар, — Эдита, ты много сделала для меня, помогла мне вернуться в нормальное драконье состояние, но это не значит, что я способен взлететь. Мои крылья все еще не слишком сильны. И я сам не сказать что большой летун...

Я едва сдержалась, чтобы не наброситься на Вериара с кулаками. Сколько времени я потратила, чтобы ему помочь, а он даже не хотел попытаться!

— Как ты не понимаешь?! — воскликнула я. — Ты дракон! Ты должен летать! А я должна спасти своего мужа... Своего брата, в конце концов! Я чувствую, что им грозит опасность, и им никто не может прийти на помощь. Я не хочу потом плакать у них на могиле! Я даже... Я даже угрожать тебе не могу, — выдохнула я тише. — Потому что мне просто нечего сказать. Но я так надеялась, что ты действительно хороший, порядочный дракон. Что после всего ты согласишься помочь...

Верияр дернул головой, а потом вдруг опустился на старую траву, низко склонил голову и закрыл глаза.

— Мне жаль, Эдита, — пророкотал он своим привычным звучным голосом, — но я никогда не был полноценным драконом. Когда-то давно... Были другие драконы. Огромные, размером с целый дом, с крыльями, которые помогали им подниматься в небеса. Я никогда не мог стать такими, как они. Меня захихнули в Лабиринт не потому, что я был уникален, а потому, что от меня хотели избавиться. Да, большинство из них погибло или просто отправилось жить в горы. Я не видел драконов с того самого дня, как стал Хранителем... И пленником Лабиринта. Может, их уже и не существует. Я знаю, где обитель, Эдита, но я никогда не летал. Я не смогу подняться в воздух, а уж тем более поднять тебя.

Я задержала дыхание. Слова Верияра были наполнены жуткой болью и горечью. Он терзал себя за то, что ничем не мог быть полезен, и в тот же момент ненавидел меня. Ведь если б не я, он мог бы и дальше прятаться от жестокой реальности и не вспоминать о правде.

Но сдаться сейчас, признать поражение... Нет! Я не могла на такое пойти.

— Послушай, Верияр, — твердо промолвила я, ступая к нему. — Ты можешь говорить все, что угодно... Но это не отменяет главного. Ты — дракон. У тебя есть крылья. Да, они не такие большие. Но ты сильно изменился. Почему ты считаешь, что не сможешь подняться в воздух?

— Я могу упасть в любую секунду, даже если взлечу!

Я шагнула к нему и коснулась его морды. Разряд магии, пробежавший между нами, заставил Верияра вздрогнуть.

— Я помогу тебе, — пообещала я. — Магия любви удержит нас двоих. Но у меня нет крыльев, я никогда не открывала порталы и понятия не имею, где находится обитель. Просто помоги мне, Верияр. Давай... Давай поддержим друг друга?

Он тяжело вздохнул, но вытянул длинную шею и расправил крылья. Одно — спустил мне, как лестницу.

— Взбирайся мне на спину, — велел Верияр. — И мы полетим. Клянусь, Эдита, я сделаю все возможное, чтобы в самом деле тебе помочь.

Я не заставила просить себя дважды. Теперь, когда Верияр вроде как был готов поддаться, я точно не могла отступить.

Уже когда я устроилась на его спине и крепко вцепилась пальцами в шею, я поняла, насколько скользкой была чешуя дракона и как легко с нее свалиться. Даже моя мертвая хватка ничем не могла помочь. Либо на драконах в старину никто не летал (скорее всего, так оно и было), либо на них надевали специальное седло. Но точно никому и в голову не могло прийти, чтобы просто так усесться дракону на спину и надеяться, что он не сбросит всадника по дороге. К н и г о е д . н е т

Верияр взмахнул крыльями, и я отметила, что они действительно меньше, чем следует, особенно для такой туши. Отчаянье накатило волной; он просто не сможет оторвать меня от земли. Но я обещала поддержать Верияра своей магией, а теперь это для него было просто

необходимо.

Короткий колдовской разряд заставил дракона дернуться. Он почувствовал магию, схватил ее нить и буквально примотал меня к себе. Я чувствовала, как стремительно теряю силы, но не дала себе времени испугаться.

— Лети, — шепнула я Вериару, сильно сомневаясь в том, что он действительно услышал мои слова.

Но нет. Услышал.

И полетел.

Мощные взмахи крыльев заставили меня задрожать. Я почувствовала, как бьет в лицо ветер, но все равно не отказалась от своей безумной затеи. Наоборот, вытолкнула прочь из сознания любые сомнения по поводу этого полета. Мне нужно попасть в обитель, что бы ни случилось. Нужно помочь своим близким, чего бы это ни стоило.

Верияр летел с трудом. Я чувствовала каждое его усилие и не сомневалась в том, что дракон с трудом держался в воздухе. Ему приходилось бить крыльями в два раза чаще, чем любой нормальной птице, а мой вес словно балласт тянул его к земле.

И все же, без меня дракон не смог бы подняться в воздух. Я позволила своей силе, которую, впрочем, до сих пор практически не контролировала, слиться с энергетическим потоком Вериара, и мы мчались вперед, хотя не могли знать, что дорога верна.

Верияр поднимался все выше и выше, тяжело взмахивая крыльями. Впереди показались огромные горы, и меня потрясло то, как упорно кто-то прятал обитель от чужих глаз. Казалось, за те короткие минуты, что мы летели, Вериар умудрился преодолеть огромное расстояние, но с каждым мгновением его полет становился увереннее.

Он помчался вдоль пологого склона горы, и его живот практически черкал острые камни. Вериар не мог подняться еще выше, чтобы выровнять полет, но зато он летел быстро — настолько быстро, что пейзаж вокруг превратился в одно сплошное пятно.

Наконец-то дракон сумел долететь до самого пика. И только тогда тучи расступились, и я увидела огромный замок, практически висевший в воздухе. Обитель — такое название вполне подходило этому страшному месту. Стены замка были белыми, в огромные окна мог влететь не только Вериар, а и кто-то в несколько раз крупнее, но обитель Истинных не казалась ни светлой, ни приветливой. Скорее напоминала мне настоящий склеп.

Верияр завис на мгновение в воздухе, словно не зная, куда лететь, а потом окна на одном из этажей брызнули стеклами. Дракон издал короткий рык, и мы помчались туда. Вериар изо всех сил молотил крыльями, надеясь успеть. Он увернулся от нескольких заклинаний, вылетевших наружу, и ворвался в зал, кубарем покатился по мраморным полам. Я с трудом успела спрыгнуть с его спины, но, когда наконец-то выпрямилась и смогла хоть что-то рассмотреть, застыла от дикого ужаса.

Зал напоминал настоящее побоище. Я увидела Себастьяна, зажимавшего ладонью рану на животе, а второй рукой еще пытавшегося вызвать какое-то заклинание, Рене, уверенными вспышками чар отбивавшего удар за ударом...

И любовный патруль в полном составе. Вооруженные до зубов, прекрасные воительницы атаковали двоих мужчин с такой неистовостью, словно винили их в предстоящей гибели человечества. Каждую из женщин окружала темная, липкая аура, и я знала, что их подпитывает.

Стрелы любви. Сломанные, изогнутые, покрученные. Каждая из представительниц патруля немало раз шла на преступление и позволяла восторжествовать злу. А теперь

содеянное подпитывало их.

Баланс играл им на руку.

Я увидела, как Аделина занесла свое копьё, собираясь нанести Рене удар, и запоздало осознала, что он не успеет защититься. Слишком много женщин одновременно атаковало моего брата.

— Нет! — закричала я. — Не смей!

Аделина обернулась ко мне и рассмеялась. Рене на миг потерял для нее значение; она стремительно развернулась и метнула копьём в меня.

Дракон успел первым. Он бросился наперерез смертельному оружию, и копьё ударило его в чешуйчатый бок, пробивая естественную броню.

Верияр взревел и поднялся на задние лапы. Его рубиновая чешуя засверкала с удвоенной силой, и дракон вдруг вытянулся, стремительно увеличиваясь в размерах. Мне казалось, что его шкура была, мягко говоря, не слишком подходящего размера для ставшего худым драконьего тела, но теперь она садилась как раз по телу.

Он выпустил в воздух столб пламени, и огненные искры побежали по телу дракона. Пламя поглотило его от носа до кончика хвоста. Казалось, Верияр превратился в живой факел...

А когда огонь спал, перед нами предстал уже не тот дракон, который прежде охранял лабиринт.

## Глава тридцать восьмая

Верияр был кошмарен — в самом хорошем смысле этого слова. Я не без восторга скользнула взглядом по полыхающей чешуе. Казалось, огонь был заключен в каждую чешуйку, пылал и в глазах Верияра. Каждое плавное движение его огромного тела казалось отточенным и элегантным. За спиной развернулись огромные крылья.

От того в целом небольшого, но очень толстого дракона, которого я знала, не осталось и следа. Он увеличился в несколько раз, и теперь, огромный, с трудом помещался под сводчатыми потолками обители Истинных.

Копье, которое застряло было у него в боку, выгорало. Металл лужицей стек на землю, и я с ужасом представила себе температуру огня.

Верияр взревел — так, словно он никогда и не знал человеческого языка, — и решительно махнул хвостом. Кто-то из любовного патруля попытался выстрелить в него из трехзарядного арбалета, но болты отбились от крепкой чешуи, как от брони, и с треском упали на пол.

Я бросилась к Себастьяну, не зная, чем могу помочь. Мужчина обернулся, предупредительно вскидывая руку, и швырнул заклинанием не в свою ближайшую противницу, а в троих женщин, успешно атаковавших Рене.

В руках моего брата оружия не было. Вероятно, ему даже не оставили возможности схватить какой-нибудь меч или копье. Об огнестрельном здесь, к счастью, тоже ничего не знали, иначе моя помощь была бы запоздалой.

— Рене, сзади! — крикнула я.

Он обернулся так быстро, словно уже давно не был человеком, и выставил магический щит. Кинжал Аделины врезался в магию, словно в поролон, и наружу полетели искры, но пробить преграду она так и не смогла. Рене же нырнул под рукой у громадной, пожалуй, выше среднестатистического мужчины, женщины из любовного патруля и заклинанием погрузил ее в сон.

Она рухнула на пол, издав что-то подобное храпу, но Рене это заклинание стоило слишком много сил. Пошатнувшись, он с трудом удержался на ногах.

Аделина, пользуясь слабостью противника, вновь ринулась в бой, и на этот раз Рене едва хватило времени, чтобы увернуться от удара.

Но Верияр не заставил себя ждать. Он решительно взмахнул хвостом, оттесняя меня в сторону и не позволяя принимать участие в бое, и выдохнул пламя. На этот раз оно было холодное — я не знала, с чего это взяла, но буквально почувствовала льдистую волну, — и несколько женщин из патруля буквально примерзли к земле.

Одна из них — кажется, ее звали Хола, — ударила своим копьем по расплывающейся ледяной корке и попыталась высвободить ноги.

Верияр решительно ударил хвостом по полу. Здание задрожало; дракон не казался таким уж громадным, чтобы сотрясать это здание, но его сил, очевидно, для этого хватало.

Рык, вырвавшийся из его груди, меня испугал. К нему стремительно поворачивались представительницы любовного патруля; в одну секунду в воздух взлетело сразу несколько копий, но Верияр распахнул пасть, выдыхая прицельную волну пламени, и только один наконечник достиг цели.

Дракон взвыл. Я метнулась к нему, понимая, что должна помочь хотя бы так;

наконечник копья застрял у Вериара в бедре.

Я проехала ногами по льду, спеша к дракону, и схватилась пальцами за торчащий из чешуи наконечник.

Вериар издал еще один утробный звук и, кажется, ничего не видя, решительно отпихнул меня лапой. Я крепко схватилась пальцами за наконечник, и благодаря усилиям Вериара все-таки сумела вырвать его из раны.

Меня отбросило назад, и встать на ноги удалось не с первой попытки. Битва шумела вокруг, раздавались громкие крики, и я не до конца понимала, что здесь вообще происходит, но знала лишь одно: надо вставать, надо прийти на помощь брату и мужу.

Вот только я не знала, что делать. У меня не было никакой власти над любовным патрулем, даром, что они были моими прямыми подчиненными.

Вот оно что!

Я вспомнила о магии, которой пыталась излечить Димитрия, и подумала: а вдруг это сработает и сейчас. Наобум послала поисковой импульс, и магический огонек запрыгал от одной женщины к другой, соединяя их в общую паутину.

Тянуть приходилось осторожно, так, чтобы тонкие связи не разорвались, а мои длительные труды не пошли прахом. Я надеялась, что смогу, но силы быстро покидали меня; чтобы добраться сюда, тоже пришлось потратить немало времени.

Но все равно, никто из любовного патруля уже не обладал такой свободой действия. Я опутывала их паутиной собственной магии, подчиняя воле богини любви, и знала, что если мне хватит сил выдержать, то я смогу влиять на них еще больше. Смогу остановить.

В какую-то секунду мне показалось, что я побеждаю, и я обрадовалась, не представляя себе, насколько внезапно успех может обернуться против меня.

Нити не лопались, но любовный патруль будто и не сопротивлялся. Кто-то из женщин смотрел в направлении стены так спокойно, словно оттуда приближалось их персональное спасение.

Я обернулась, реагируя на тихий свист, и не сдержала полный отчаянья крик. Я видела, как невеста откуда — из окна или из потайной двери, — вылетает золотая стрела, та самая, которой Матильда однажды уже едва нас не убила. И как она стремительно летит к Себастьяну, не зная препятствий.

Рене услышал меня — или, может, тоже увидел стрелу. Он обернулся, не обращая внимание на представительницу любовного патруля, уже занесшую над ним кинжал, и стремительным движением выдернул на свободу песочные часы, до того прятаящиеся у него под рубашкой. Я будто смотрела фильм, и сейчас шли замедленные кадры. Пальцы Рене крепко обхватили небольшой кулон, сжали, он выдохнул несколько коротких слов, и мир вокруг остановился.

Замерла стрела, летевшая прямо к Себастьяну. Себастьян тоже превратился в камень, и я видела его безжизненный взгляд.

Любовный патруль превратился в такие же статуи. В разных позах, кто-то даже с занесенным оружием, они напоминали причудливые фигуры. Даже Вериар — и тот застыл, и пламя расплескалось вокруг него, словно яркие пятна красок на холсте.

Мир стал вязким. Дышать было трудно, и секунды протекали мимо меня. Я запоздало осознала, что для меня время тоже остановилось.

У Рене не было времени останавливать его прицельно. Он смог только так, для всех, оставляя одного себя за границами реальности.

— Первое правило Хранителя Времени: никогда не препятствовать с помощью собственной силы судьбе, — прозвучал чей-то вкрадчивый, издевательский голос. Я не могла повернуть голову, но незнакомец уже сделал несколько шагов вперед и оказался в поле моего зрения. — Никогда, Рене. Иначе время считает такого своего Хранителя недостойным...

Если б я могла плакать — плакала бы сейчас. Но время не двигалось, оно застыло, и единственным, что я могла, было простое наблюдение.

Рене рассказывал мне о том, что, поддерживая баланс, не имеет права использовать силу в свою пользу. Ведь если бы все было так просто, он остановил бы любовный патруль давным-давно.

— Вы давно готовили это нападение, — промолвил он. — Мартелл... Ты считаешь, что таким образом сможешь успешно захватить власть? Серьезно?

— О каком захвате власти вообще может идти речь? — изогнул брови Истинный. — Я всего лишь слежу за порядком. И вижу, что ты наплевал на законы.

— Вы с Матильдой долго расшатывали баланс. Воровство стрел и прочее не могло обойтись даром. Баланс превратился в разболтанное нечто, и даже этого вам было мало, — в голосе Рене звучали обвинительные нотки. — Это отвратительно, Мартелл. А самое отвратительное, что даже после того, как Время убило ее, ты ничего не понял. Эти мертвецы, попытки вытащить из мира больше сил... Раны придется зализывать десятилетиями. Даже видя мои усилия, ты и твои подручные делали все, чтобы помешать. Я долго думал, зачем, только ради того, чтобы создать помехи? А понял, нет. Вы боитесь потерять свое влияние, — Рене выпустил из пальцев песочные часы. — Вы боитесь, что однажды мир лишит вас бессмертия. И хотите держать его на коротком поводке.

Это звучало страшно. Я представляла себе масштабы этого заговора, и знала, что худшее для человека — оказаться внутри этой кошмарной мясорубки, превратиться в пленника, в элементарную жертву...

Рене загоняли в угол. И ради меня, ради Себастьяна он в конце концов позволил это сделать.

— Ты презрел закон, и тебе известно это, Рене, — прошипел Мартелл, пронзая взглядом моего брата. — А значит, ты должен отдать свое бессмертие и отречься от высокого статуса. Все, что тебя ждет — казнь.

Я почувствовала, как отчаянно забилося мое сердце. Попыталась вырваться из оков магии, но сила, сдерживающая меня, была слишком велика, чтобы мне действительно удалось подчинить ее себе. Тело сжималось от боли, в груди отчаянно давило, и я чувствовала, как накатывает на меня волнами жуткий страх за брата.

— Рене, — прошептала я, хотя на самом деле пыталась закричать. — Рене!..

Он ничего не ответил, только молча смотрел на Мартелла. Потом улыбнулся, и в синих глазах вспыхнуло что-то подобное торжеству.

- Действительно, — протянул Рене. — Но если я так недостоин, то держи. Думаю, ты разберешься, что делать с этими часами, Мартелл.

Он резким движением разорвал цепочку, на которой держались песочные часы, и швырнул их на пол. Мартелл издал что-то подобное вскрику и бросился к амулету; уже у самого пола пальцы Истинного успели коснуться кулона, символа власти.

Мужчина стремительно выпрямился и торжествующе вскинул руку. Рене стоял напротив него и улыбался, словно знал, чего ждать.

Мартелл вдруг вздрогнул. Рука его, крепко сжимающая песочные часы, задрожала. Пальцы крепко стискивали кулон, но ноги мужчины внезапно подкосились. Он пошатнулся, и я почувствовала, как ослабевают державшие меня путы.

Время возвращалось в свое привычное русло. Для всех.

Для меня, для Себастьяна, для оружия, едва не перерезавшего моему мужу горло. Для бессмертного Мартелла...

И для Рене.

Я не успела даже вскрикнуть. Только пошатнулась и почувствовала, как уплывает куда-то далеко сознание. Можно было хвататься за нее в надежде удержаться на поверхности, суметь все-таки побороть свое жуткое недомогание, но я не успела. Последнее, что я успела заметить — это то, как рухнул на землю Мартелл. А следом за ним повалилась и я.

# Глава тридцать девятая

Сознание возвращалось ко мне толчками. Я приходила в себя на несколько мгновений, смотрела на размытые пятна вокруг и вновь проваливалась в небытие. Порой бессознательность превращалась в путанный, страшный сон, и в какую-то секунду мне даже показалось, что я действительно попала в аварию, но не погибла, а просто впала в кому, а теперь меня пытались вернуть к жизни.

Версия казалась правдоподобной. Когда я открыла глаза, то увидела только белый больничный потолок, капельницу. Услышала тихое попискивание медицинских аппаратов, окружавших меня, втянула носом отвратный больничный запах. Горький привкус лекарств во рту тоже напоминал о медучреждениях, и я подумала — неужто это был сон? Себастьян, Рене, купидоны... Просто бред умирающей, не более того.

— Пришла в себя... Ну наконец-то, — мягкий баритон, прозвучавший где-то сбоку, заставил меня немного воспрянуть духом.

Я с трудом повернула голову и увидела Рене, сидевшего на самом краешке кровати. Он улыбался, и это вселяло некую надежду.

Выглядел Рене как обычно — то есть, как модель с обложки журнала. Идеально уложенные вьющиеся волосы, рубашка, сидевшая на нем, как на бобе, как бы двусмысленно это не прозвучало... Но я подозревала, что модели не ходят по палатам простых смертных менеджеров, попавших под колеса автомобиля, а на врача он не тянул, значит, это все еще был мой брат.

К тому же, верхняя пуговица рубашки была расстегнута, и я рассмотрела тонкую цепочку, на которой он обычно носил свои песочные часы.

— Где я? — прошептала я.

— В реабилитационном центре, — пояснил Рене. — В столице. Ты потеряла сознание, и я подумал, что врачи справятся с этим лучше, чем магия.

— Я даже не знала, что тут есть врачи...

— Разумеется, есть! — хмыкнул он. — Или ты считаешь, что весь мир уповает на то, что они каким-то чудом никогда не будут болеть?

Я мягко усмехнулась. Что ж... Хотелось верить в то, что шутки Рене были не попыткой отвлечь меня от чего-то ужасного.

— Скажи, — прошептала я, — Себастьян...

— С ним все в порядке. Собственно, он бы с удовольствием торчал у тебя в палате, потому врачу пришлось едва ли не ремнями привязывать его к больничной койке, — вздохнул Рене. — И объяснять, что ты сейчас в более выгодном положении, чем он сам... Не бледней! — мужчина предупредительно вскинул руку. — С ним все в порядке, но раны все-таки были. Их уже залечивают, скоро будет как новенький, но тебе капают глюкозу, а ему — кровь. Сама понимаешь, есть разница.

— Но он...

— Жив и здоров, насколько вообще можно быть здоровым после произошедшего, — утвердительно кивнул Рене. — Я успел вовремя, не волнуйся.

— А Вериар? Димитрий? Дэн? И... — я запнулась. — Ты сам, Рене? Ты сам-то как?

Брат вздохнул. Последний вопрос, кажется, ему совершенно не понравился.

— Вериар летает. Привыкает к новым размерам. Прошли всего сутки, если тебе

интересно, Эди. Кажется, дракон счастлив, но теперь он точно не влезет ни в какой Лабиринт... Обещал проверять снаружи. Твоих бывших купидонов мертвецы доставили в больницу. Кажется, произвели фурор своим костлявым видом, пришлось немного корректировать память бедной медсестре. Но в целом, нормально. Скоро все — и купидоны, и медсестра, — окончательно оклемаются и вернуться в привычный жизненный ритм. Больше никто из гражданских и не пострадал.

Я с трудом кивнула.

— А ты?

Затягивающаяся пауза мне не нравилась. Рене, казалось, подбирал слова, чтобы правильно охарактеризовать свое состояние.

— Мартелл потерял свое бессмертие после прикосновения к часам. Я думал, будет как с Базилием — тот просто состарился, но... Возможно, Мартелл согрешил больше. Или он не имел права претендовать на мой статус. В любом случае, от него осталась только горстка песка. Любовный патруль за содействие в полном составе потерял свое положение в обществе и отправится в тюрьму. Мертвецов распалившихся упокоил еще Вериар — они теперь с Мартеллом в одном состоянии... И в одной вазе, если тебя интересуют подробности.

Я молча смотрела на брата, ожидая чего-то еще.

— А я... — он закрыл глаза. — Я все тот же Хранитель Времени, что и прежде. И, как понимаешь, пока что нет желающих подержать в руках эти часы.

Я понимала. Мне хватило увиденного с головой, чтобы понять, что мало просто надеть на шею кулон, надо быть действительно избранным, чтобы выдержать эту тяжелую ношу.

— А остальные Истинные? — взволнованно спросила я. — Ведь они тоже пытались тебя свергнуть! Не мог Мартелл сам...

— Они остаются в прежнем статусе.

Мне надо было только посмотреть в ясные синие глаза Рене, чтобы все понять.

— У меня нет доказательств, — развел руками Рене. — Они говорят, что Мартелл творил все у них за спиной, и у меня нет оснований опротестовывать эти слова. Они клянутся в своей предельной верности мне и тем ценностям, что мы проповедуем, мониторы показывают куда лучшие показатели, чем прежде... Истинные даже взялись выполнять работу любовного патруля, причем с такой охотой и рвением, словно они перед этим лично втыкали в людей отравленные стрелы. Может, так и было.

Я попыталась привстать, но Рене уверенно надавил ладонью мне на плечо.

— Врач прописал тебе постельный режим.

— Но...

— За меня не беспокойся. Ближайшие лет десять они будут сидеть, как мыши под веником, и не посмеют мне противостоять, а за это время я уж как-нибудь найду способ их приструнить. Или сделать так, чтобы не существовало больше Истинных, способных его разрушить. Так что, Эдита, выше нос! Тебе ли плакать? Все будет отлично!

Я с трудом выдавила из себя улыбку. Ни в какое «отлично» не верилось, хоть Рене и говорил об этом достаточно уверенно.

— Мы со всем справимся, — пообещал он. — И давай забудем о дурных новостях. У меня также есть одна замечательная.

— Какая?

— Я скоро стану дядей, — расплылся в улыбке мой брат.

— Дядей? — удивилась я. — А кто ждет ребенка?

Он взглянул на меня, как на умалишенную, и хмыкнул себе под нос.

— Ну вообще-то, — протянул Рене, — ты. И не говори мне, что ты об этом не знала!

Я уставилась на него так, словно сегодня увидела впервые в жизни, и тихо переспросила:

— Я? Я беременна?!

— Ну конечно! — воскликнул Рене. — Ты... Ты всерьез сейчас? Ты не знала о том, что ждешь малыша? Ну как, Эдита?! Пятнадцатая неделя!

Я с ужасом посмотрела на свой живот. Сейчас он был прикрыт одеялом, и я даже не могла определить, увеличился он или нет, но помнила, что в последнее время я влезала не во всю свою одежду. Списывала это на неправильное питание и все также продолжала бегать в одних и тех же штанах, не заботясь ровным счетом ни о чем.

— Я немного заработалась... — прошептала я.

— А токсикоз? — во взгляде Рене мелькнуло подозрение.

— Ну, меня тошнило...

И я очень долго почти не могла смотреть на привычную еду, но разве ж это повод заботиться о своем здоровье и бежать к врачу? Я не знала, как устроена медицина в этом мире, а дома меня тоже порой тошнило, когда я съедала что-то не то. Отравление было куда более логичным объяснением, чем беременность!

— И голова покруживалась, слабость была, — со вздохом созналась я, чувствуя на себе пристальный взгляд Рене. — Но я решила, что это пройдет, и просто не заостряла внимания. Понимаешь, было столько работы...

— А задержка? Я не спец в этих делах, но не сомневаюсь, что она была!

Я кашлянула.

— Рене, откуда тебе об этом известно?

— Я твой старший брат, Эдита. Как минимум один раз, хоть и в юном возрасте, я имел возможность наблюдать за беременностью, — сердито промолвил он.

— Сомневаюсь, что дети в пять лет понимают, что такое задержка.

— Ты еще вырази сомнения в том, не была ли беременна Матильда! — возмутился Рене. Я отвела взгляд, внезапно осознав, что не в курсе, могут ли иметь детей Истинные.

— Могут, — вероятно, прочитав мои мысли, промолвил Рене. — Женщинам сложнее, потому что приходится размораживать, так сказать, свой организм, а у мужчин вообще никаких проблем. Только мало приятно наблюдать за тем, как стареет твой собственный ребенок и твой любимый человек. Потому Матильда даже не задумывалась о детях. Но я так-то взрослый мальчик, и у меня в школе был курс биологии. Разумеется, я в курсе, как это происходит!

На самом деле, курс биологии не мешал огромному количеству мужчин оставаться профанами в вопросе беременности их второй половинки, но Рене, вероятно, всегда хорошо учился.

— Если честно, я даже не думала о том, что могу забеременеть, — призналась я. — Нам с Себастьяном и в голову это не приходило...

— Очень удивительно. Обычно в голову сознательных взрослых людей приходит либо мысль о том, что надо предохраняться, либо мысль о возможной беременности, — язвительно протянул Рене. — Ладно-ладно! — он примирительно улыбнулся. — Ты забегалась и заработалась. В этом есть и моя вина, Эди. Мне не следовало взваливать на тебя

такую огромную ответственность. Ума не приложу, каким местом я думал, поручая тебе столько всего.

— Головой, Рене, головой. Кто еще должен был все это делать? — вздохнула я. — А Себастьян... Себастьян знает?

— Я ему не говорил. Врач предпочел делиться всеми деталями со мной, а не с твоим мужем — потому что у них нет цепей, чтобы прямо так серьезно приковать его к кровати. Вижу, он не прогадал. Но, — Рене коснулся моей руки, — ребенок здоров. Они проверили, что могли, анализы взяли. Пока по минимуму, но ничто не предвещает беды. Ты ж не собираешься...

— Конечно, я буду рожать! — воскликнула я, не дав договорить брату. — Господи... Да если б я знала, я бы...

Не бегала бы, как умалишенная, не каталась бы на Вериаре, не лезла в самую гущу битвы? Боюсь, я б все равно сделала это. В тот момент у меня просто не было выбора.

— Просто не думай о дурном, — вздохнул Рене. — У тебя под сердцем — маленькая жизнь. У меня будет племянник или племянница, поверить не могу, — мужчина расплылся в улыбке.

— Ты любишь детей?

Он кивнул, но не погрузился, хотя я понимала, насколько болезненной может оказаться эта тема.

— Знаешь, — ни с того ни с сего промолвил Рене. — Я найду выход. Поставлю Истинных на место и... сделаю так, чтобы в этом мире больше не было никакой потребности в бессмертных.

— Я верю.

— Спасибо.

Он наклонился ко мне и осторожно обнял, стараясь не задеть капельницу. Я хотела сказать что-то еще, но из коридора донесся шум.

— Там моя жена! Сколько вы можете держать меня в палате?! — узнала я возмущенный голос Себастьяна.

Наконец-то дверь распахнулась. Рене отстранился от меня и повернулся к застывшему в дверном проеме богу смерти.

— Рене, — почти прорычал Себастьян. — Скажи им...

— Ребята, оставьте его в покое, — вздохнул Рене, обращаясь к двум медикам, пытавшимся сдержать Себастьяна. — Эдита как раз пришла в себя. Вы можете поговорить. Тем более, у вас есть одна важная тема...

Я вздохнула. Да, тема была. И я пока не представляла себе, как отреагирует Себастьян.

— Я пойду? — вопросительно изогнул брови Рене, будто уточняя у меня, не понадобится ли сейчас его присутствие, и я только коротко кивнула, отпуская брата.

Этот разговор с Себастьяном должен состояться. И лучше он состоится сейчас.

Действуя так, словно они нагло стоворились за моей спиной, Себастьян устроился аккурат на том же месте, где сидел Рене, и сжал мою руку. На лице мужа отражалось какое-то сочувственно-влюбленное выражение, и я подумала, что он, должно быть, пострадал сильнее, чем я.

— Я очень испугалась тогда, — честно призналась я, понимая, что должна первой нарушить тишину. — Когда ты... Когда в тебя...

— Я понял, — вздохнул Себастьян. — Не бойся. Рене — лучший Хранитель Времени

который когда-либо мог быть. Он успел меня спасти. Меня даже не задело.

— Тебя задело до этого, — сердито отметила я. — Раз десять.

— На мне уже ни царапины.

— Определенно, этот факт меня радует. А вот то, что тебе грозила такая опасность, нет, — я протянула руку и погладила Себастьяна по щеке.

Он придвинулся ближе. Между нами вновь был тот самый контакт, что и прежде. Я практически чувствовала, что могу не говорить ни слова, но при этом ни минуты не сомневаться, что Себастьян четко понимает и принимает все мои желания.

Ласково коснувшись моих губ своими, Себастьян выпрямился и выдохнул:

— Я тоже очень переживал за тебя. Ты долго не приходила в чувство, а Рене вел себя, как курица-наседка. Он так и не сказал мне, что с тобой случилось.

— Это не болезнь, не волнуйся... — я запнулась, не зная даже, как сказать об этом мужу. — Просто... Я и сама не знала, понимаешь.

— Не знала о чем?

— О том, что я беременна.

В палате воцарилась тишина. Себастьян смотрел на меня так удивленно, словно я только что свалилась с небес на землю.

— Ты... — у него на лице возникла какая-то странная, но определенно радостная улыбка. Словно Себастьян до сих пор не верил своим ушам. — Ты беременна?

— Да, — кивнула я. — А еще я слепая невнимательная курица, которая умудрилась проигнорировать все признаки одним махом и даже не догадывалась о своем состоянии. Рене передал слова врача: шестнадцатая неделя! А у меня и в мыслях не было...

— Ты слишком заработалась, — серьезно промолвил Себастьян.

Он придвинулся ко мне поближе и опустил ладонь на одеяло, примерно туда, где должен был появиться мой живот.

— Но неужели ты совсем ничего не чувствовала?

Я закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Сказать, что действительно была настолько глуха к своему телу?

— Наверное, скорее да, чем нет, — кивнула я. — Точнее... У меня тянуло внизу живота, меня тошнило, я мало что могла есть, но все это было как-то наплывами, и я часто думала, что просто съела что-то не то. Томас нас явно закармливал. Перемены настроения эти... Мне теперь невероятно стыдно, что я не просто была так невнимательна к себе, да и к тебе в тоже...

— Сейчас точно не время себя винить.

Себастьян взял меня за руку и нежно поцеловал мои пальцы. Я вздрогнула, наслаждаясь этим нежным прикосновением, и с трудом выдавила из себя улыбку.

— Я очень рад, — прошептал он, отгоняя остатки моих сомнений прочь, — что у нас с тобой будет ребенок. И уверен, что мы сумеем воспитать его лучше всего на свете.

Я тихо рассмеялась.

— Может, он будет не один?

— Я всегда хотел большую семью.

Теперь смеялись мы уже оба, искренне, легко, словно впервые почувствовав себя единым целым. Это было не так — мы с Себастьяном открылись друг другу уже давным-давно, просто слишком заработались, чтобы ощущать это единение настолько четко, а теперь оно вновь вернулось, дало о себе знать. Я чувствовала себя какой-то особенной,

наверное, из-за того, что во мне сейчас рос наш ребеночек, и понимала, что Себастьян тоже это чувствует.

— Вот почему Рене меня к тебе не пускал, — улыбнулся Себастьян.

— Рене думал, я знаю, — хмыкнула я. — И по каким-то причинам скрывала. А я просто слепая идиотка...

— Ты не слепая и не идиотка, — строго возразил Себастьян. — Не смей на себя наговаривать. Ты просто слишком заработалась, Эдита. Но теперь все будет иначе, — он вновь поцеловал мою руку. — Теперь ты будешь больше отдыхать, думать о себе. Не станешь взваливать на себя ответственность за все, что только происходит вокруг. Теперь...

Себастьян запнулся. Очевидно, он прекрасно понимал, что удержать меня на месте — это далеко не такая простая задача, как могло показаться. И я тоже очень четко осознавала это.

— Я не брошу работу, — твердо промолвила я. — Не после всего того, что мы сделали для баланса. Ты же понимаешь это!

— Понимаю, — кивнул Себастьян. — А еще я понимаю, что ради ребенка ты должна будешь щадить себя.

Я нахмурилась. Вспомнила о том, сколько женщин в моем мире страдало оттого, что мужа ставили их перед выбором... Мне не хотелось, чтобы Себастьян оказался в числе тех, кто заставляет жену бросать все ради семьи.

Он улыбнулся, и мне вдруг стало невероятно спокойно. Что бы ни сказал этот мужчина, я все равно невероятно его любила. И доверяла ему.

— Мы найдем баланс, — произнес Себастьян. — Чтобы ты могла и работать, выполнять свое предназначение, и при этом оставаться в семье. Чтобы меньше уставала. Все обязанности разделим пополам. Я не позволю тебе уставать и забывать о себе. И я никогда тебя не оставлю.

Я взглянула на Себастьяна и почувствовала, как невероятно тепло становится на сердце. Можно было сказать столько благодарственных слов! Но я выдохнула только короткое:

— Я тебя люблю.

— А я люблю тебя, — кивнул Себастьян, наклоняясь ко мне. — И мы с тобой будем самыми счастливыми возлюбленными на свете.

Он улыбнулся и наконец-то поцеловал меня. И последняя мысль, которую я еще успела поймать за хвост, была о том, что Себастьян — это лучшее, что только могло случиться со мной в жизни...

— Солнышко, эти часы не для игр.

Я остановилась в дверном проеме и улыбнулась, наблюдая за тем, как сын упорно пытался отобрать у Рене его песочные часы. Мой брат, ответственно отрекаясь от любых иных проявлений личной жизни и поисков собственного счастья, любил проводить время с племянником.

К тому же, Альберт, наш с Себастьяном сын, больше всего напоминал своего дядю. Ну или дедушку — у моего кровного отца оказались такие же пронзительно-синие глаза и темные волосы, а еще улыбка, ради которой любая женщина продала бы душу. Я с трудом привыкла называть их мамой и папой... Но они, кажется, приняли меня, хотя я знала: Рене иногда приносит весточки от той, другой Эдиты, успешно обосновавшейся в моем родном мире, и она для них всегда останется той самой непутевой, но горячо любимой дочерью, о которой они будут волноваться, а я — да, с ними, да, здесь и сейчас, да, родила им внуков, да, кровная, но все равно — не они ведь меня воспитывали... Хоть и очень пытались сейчас сгладить острые углы, и я верила, что если не моими родителями, то бабушкой и дедушкой для моих детей они станут просто замечательными. Даже если будут постоянно спрашивать своего старшего сына о другой его сестре.

Несколько месяцев назад, по словам брата, Эдита выскочила замуж за какого-то пройдоху и укатила с ним в кругосветное путешествие.

Рене часто бывал в моем мире. Хранитель Времени, он каким-то чудесным образом научился открывать порталы и переходил туда, меняя местами тех, кого силой вытолкнула в чужой мир Матильда. Не всегда адаптация проходила легко, но...

Мало кто согласится умереть до тридцати лет. Рене говорил, большинство этих людей не имели ни счастья, ни шанса обрести его здесь. Это походило не на разлучение семей, а на попытки восстановить то хрупкое равновесие.

И вроде бы даже получалось.

— Наблюдаешь? — я услышала за спиной голос Себастьяна и обернулась, чтобы быстро чмокнуть мужа в губы.

Он остановился рядом, обнимая меня за талию, и я опустила голову ему на плечо. Усталость после рабочего дня была неудивительным делом; все-таки, нам приходилось очень много работать. Хотя темных пятен на мониторе любви больше не было, а Себастьян сумел наполнить шар в доме Смерти до самого верха и уложил в могилы всех неучтенных мертвецов, не считая наших наделенных разумом друзей, все равно приходилось очень много трудиться, чтобы поддерживать систему в порядке.

— Да, — кивнула я. — Умилительная картина. Не представляю, как этот мужчина мог всего час назад так орать на своих подчиненных...

— Вериар чуть не сжег Лабирит, случайно зевнув. Разумеется, Рене будет кричать, — вздохнул Себастьян. — Я б тоже кричал на его месте...

Я только кивнула. Мои купидоны, к счастью, уже давным-давно не выкидывали никаких фокусов, а старались работать как следует. Разнарядок было огромное количество, но каждый купидон научился отливать себе стрелы с помощью чана и активно участвовал в работе. К коллективу присоединились и некоторые отстраненные. Даже Димитрий!

Признаться, тогда меня удивило то, с какой охотой он взялся за дело после того случая с

испорченной любовной стрелой. Но, возможно, Димитрий понял, на что обрекал других людей, стреляя не в тех, и захотел загладить свою вину? Так или иначе, он превратился в одного из самых старательных купидонов, хотя, разумеется, не смог опередить Лиама.

Парень, даром, что работал уже много лет, все еще оставался лучшим.

Любовному патрулю пришлось найти замену. На их места пришла команда гораздо меньшая по численности и куда более послушная. Мне нравилось самостоятельно проводить собеседования и четко знать, с кем придется работать. Это вселяло уверенность в себе и давало надежду на то, что в будущем работать станет еще приятнее.

Лабиринт уже давно перестроили, но в офис я выходила не часто. В работе на дому были определенные преимущества. Я могла проводить много времени с сыном, заниматься домом, но при этом и отдел любви не оставался бесхозным. Себастьян не солгал, когда обещал, что все обязанности мы будем делить пополам; он действительно помогал мне, а я оплачивала той же монетой и поддерживала его во всех начинаниях.

Впрочем, иногда мне казалось, что работать в отделе Смерти гораздо спокойнее, чем в отделе Любви...

— Выйдем, прогуляемся? — попросила я Себастьяна.

Он кивнул.

На улице была замечательная погода. Трахиандра, разросшаяся, как настоящий баобаб, была уже куда больше всех деревьев, что окружали дом Любви, но, кажется, наконец-то прекратила так стремительно увеличиваться в размерах. Она все еще могла передвигаться и общалась со мной, чертя тоненьким стебельком буквы на заранее заготовленном песке.

Мы с Себастьяном устроились у умного растения. Это было мое место силы — не знаю, почему так, но именно здесь я особенно четко осознавала, что нахожусь именно в нужном месте и в нужное время.

Только-только начиналось лето. Было тепло, особенно в объятиях мужа. Трахиандра прикрыла нас от слишком сильных солнечных лучей, и мы могли немного расслабиться, наслаждаясь теплом, пока Рене отвлекал нашего непоседу-сына.

— О чем думаешь? — Себастьян поцеловал меня в висок. — Опять о работе?

— И да, и нет, — вздохнула я. — Рене написал алгоритм, который автоматизировал выписку разрядок...

— И это же хорошо? Или их слишком много?

— Их вполне нормально, — возразила я. — Только вот каждый день мне в списках будущих влюбленных выпадает он сам.

Себастьян вздохнул.

— Ты не можешь ткнуть стрелой в Истинного.

— Не могу. Потому мы просто ждем...

— Пока он не потеряет бессмертие?

— Нет. Пока он сам не найдет свою судьбу, — твердо промолвила я. — Потому что Рене заслуживает любви без стрел. Она ведь тоже бывает. Он был бы против форсировать события. Вдруг его любовь еще в другом мире? Сидит и ждет, пока Рене поможет ей перебраться домой?

Себастьян рассмеялся.

— Может быть... — кивнул он. — Может быть. Но ему, кажется, опять не до любви. Поступил какой-то сигнал, где-то вновь магические возмущения... Кто-то что-то натворил. Завтра поедет разбираться.

— Это ж наш Рене. Справится... Но, знаешь, — я повернулась к мужу, — у меня есть для тебя еще одна новость.

— Какая.

Я взяла его руку и опустила себе на живот. Себастьян взглянул на меня и тихо прошептал:

— Томасу скажу, чтобы с этого дня не готовил мясо...

— Скажи-скажи, — хмыкнула я. — А вот от соленых огурчиков и мороженого я бы не отказалась...

— Будут. — пообещал Себастьян, а я в тысячный раз подумала: никто не подарил бы мне больше счастья, чем он...

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**